

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Колокольникова М. Ю.** Синонимический контекст как фактор исторического развития лексической семантики 5
- Артемьева П. С.** Коммуникативно-дискурсивный аспект исследования символа культуры (на материале романа Эми Тан «Клуб радости и удачи») 9
- Жумаева О. А.** Роль адресата в многомерном процессе коммуникации (на материале жанра интервью) 12
- Макарова Е. Н.** Стратегия выбора главного фразового акцента в неродной речи в условиях естественного и искусственного билингвизма 18

Литературоведение

К 95-летию А. И. Солженицына

- А. И. Солженицын в Саратовском университете. *Иванюшина И. Ю.* 22
- Прозоров В. В.** А. И. Солженицын в Саратовском университете: шестидесятые годы 24
- Герасимова Л. Е.** Художественное слово в публицистике А. И. Солженицына 27
- Гапоненков А. А.** А. И. Солженицын и проблема единства русской духовной культуры 31
- Иванюшина И. Ю.** А. И. Солженицын в дневниках и письмах К. И. Чуковского 36
- Мелентьева И. Е.** «Страшные» слова у Солженицына 41
- Алтынбаева Г. М.** Риторические корни романа А. И. Солженицына «В круге первом» 45
- Бобко Е. И.** «Композиция, несущая к окончательной свободе»: к проблеме точки зрения в романе А. И. Солженицына «В круге первом» 51
- Дронова Т. И.** Экфрасис как прием в романе А. И. Солженицына «В круге первом» 57
- Кречетова А. В.** Роман «В круге первом» в аспекте дискурсивного отражения концепций российского либерального движения конца XIX – начала XX века 64
- Ванюков А. И.** «Март семнадцатого» А. Солженицына: пословицы и поговорки в структуре третьего узла «Красного Колеса» 68
- Трубецкова Е. Г.** «Узлы» истории в изображении М. Алданова и А. Солженицына 73
- Кудинова И. Ю.** Тема смерти в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» 78
- Махова В. Н., Раева А. В.** Проблемы изучения рассказа А. Солженицына «Матрёнин двор» в средней школе 82
- Чуриков Г. А.** Рассказ А. И. Солженицына «Молодняк»: от прошлого к настоящему 85
- Соколова Р. А.** Лагерная тема А. Солженицына и М. Пришвина 89
- Варфоломеев Ю. В.** А. А. Угримов – критик первого и второго вариантов «Нобелевской лекции» А. И. Солженицына 92
- Кекова С. В., Измайлов Р. Р.** «Праведное слово» Бориса Шергина 97
- Некрасова И. В.** Писатели о писателе: личность Варлама Шаламова в произведениях современных авторов 102

Публикации

- Интервью с Н. А. Струве. К 50-летию первой публикации «Крохоток» А. И. Солженицына (Париж, 12 ноября 2013 года) 106

Приложения

- Представляем книгу** 110
- Хроника** 118
- Сведения об авторах** 122

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 20.06.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 23.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- внешнюю по отношению к автору рецензию, заверенную печатью организации, в которой работает рецензент.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru. Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Linguistics**

- Kolokolnikova M. Yu.** Synonymic Context as a Factor in the Historical Development of Lexical Semantics 5
- Artemieva P. S.** Communicative and Discursive Aspect of the Study of the Symbol of Culture (based on the novel «The Joy Luck Club» by Amy Tan) 9
- Zhumaeva O. A.** The Addressee Role in Multidimensional Process of Communication (in the Interview Genre) 12
- Makarova E. N.** Non-Native Accent Placement Choice Strategy in the Conditions of Natural and Artificial Bilingualism 18

Literary Criticism**The 95th Anniversary of A. I. Solzhenitsyn**

- A. I. Solzhenitsyn at Saratov University. *Ivanyushina I. Yu.* 22
- Prozorov V. V. A. I.** Solzhenitsyn at Saratov University: the 1960s 24
- Gerasimova L. Ye.** Literary Word in A. I. Solzhenitsyn's Opinion-based Journalism 27
- Gaponenkov A. A. A. I.** Solzhenitsyn and the Issue of the Unity of Russian Spiritual Culture 31
- Ivanyushina I. Yu. A. I.** Solzhenitsyn in K. I. Chukovsky's Diaries and Letters 36
- Melentyeva I. E.** Solzhenitsyn's «Awful» Words 41
- Altynbaeva G. M.** Rhetoric Roots of A. I. Solzhenitsyn's Novel «The First Circle» 45
- Bobko E. I.** «Composition Carrying Towards the Ultimate Freedom»: To the Issue of the Point of View in A. I. Solzhenitsyn's Novel «The First Circle» 51
- Dronova T. I.** Ekphrasis as a Device in the Novel by A. I. Solzhenitsyn «The First Circle» 57
- Krechetova A. V.** Novel «The First Circle» in the Aspect of the Discursive Reflection of Concepts of the Russian Liberal Movement of the End of the XIXth and the Beginning of the XXth Centuries 64
- Vanyukov A. I.** «March 1917» by A. Solzhenitsyn: Proverbs and Sayings in the Structure of the Third Knot of «Red Wheel» 68
- Trubetskova E. G.** 'Knots' of History as Depicted by M. Aldanov and A. Solzhenitsyn 73
- Kudinova I. Yu.** The Topic of Death in the Short Novel by A. I. Solzhenitsyn «Cancer Ward» 78
- Makhova V. N., Rayeva A. V.** The Problem of Studying the Short Story «Matryona's Home» by A. Solzhenitsyn in Secondary School 82
- Churikov G. A.** A Short Story by A. I. Solzhenitsyn «The New Generation»: From the Past to the Present 85
- Sokolova R. A.** Labour Camp Theme for A. Solzhenitsyn and M. Prishvin 89
- Varfolomeev Yu. V. A. A.** Ugrimov – the Critic of the First and Second Version of the «Nobel Lecture» of A. I. Solzhenitsyn 92
- Kekova S. V., Izmailov R. R.** «Righteous Word» of Boris Shergin 98
- Nekrasova I. V.** Writers About a Writer: Personality of Varlam Shalamov in the Works of Modern Authors 102

Publications

- An Interview with N. A. Struve. To the 50th Anniversary of the First Issue of «Krokhotki» (Miniatures) by A. I. Solzhenitsyn (Paris, 12 November, 2013) 106

Appendices

- Presentation of the Book** 110

- Chronicle** 118

- Information about the Authors** 123

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

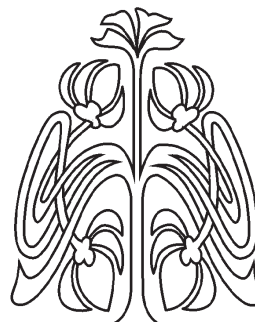
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

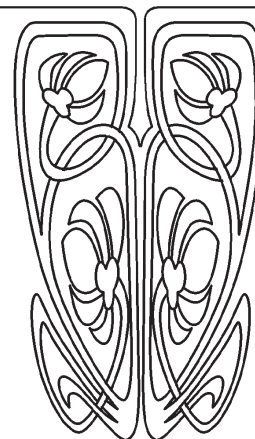
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)

Долинин Александр Алексеевич, Ph.D, профессор (Мэдисон, штат Висконсин, США)

Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Лассан Элеонора Руфимовна, хабилитированный доктор гуманитарных наук (доктор филол. наук), профессор (Каунас, Литва)

Лённгрен Тамара Павловна, Ph.D, преподаватель Университета г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)

Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Раева Александра Васильевна, кандидат филол. наук (Саратов, Россия)

Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D, профессор (Вена, Австрия)

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)

Шраер Максим Давидович, Ph.D, профессор (Бруклин, штат Массачусетс, США)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Ivanyushina I. Yu. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Klokov V. T. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Borisov Yu. N. (Saratov, Russia)
Goroshko E. I. (Kharkov, Ukraine)
Dolinin A. A. (Madison, Wisconsin, USA)
Egorov B. F. (St. Petersburg, Russia)
Yelina E. G. (Saratov, Russia)
Kabanova I. V. (Saratov, Russia)
Krysin L. P. (Moscow, Russia)
Lassan E. R. (Kaunas, Lithuania)
Lönngren T. (Tromsø, Norway)

Maslova V. A. (Vitebsk, Belarus)
Nikitina S. Ye. (Moscow, Russia)
Norman B. Yu. (Minsk, Belarus)
Rayeva A. V. (Saratov, Russia)
Rathmayr R. (Vienna, Austria)
Sirotnina O. B. (Saratov, Russia)
Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Shrayer M. D. (Brookline, Massachusetts, USA)

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'04:37

СИНОНИМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

М. Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет
E-mail: marinaugustina@yandex.ru

Статья посвящена историческому аспекту взаимодействия лексической семантики и общественно значимого дискурса. В центре внимания находится роль дискурсивно обусловленных синонимических рядов в эволюции значений лексических единиц. Материалом исследования служат английские, французские и испанские письменные памятники средневекового периода.

Ключевые слова: историческое развитие, лексическая семантика, дискурс, синонимические связи.

Synonymic Context as a Factor in the Historical Development of Lexical Semantics

М. Yu. Kolokolnikova

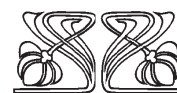
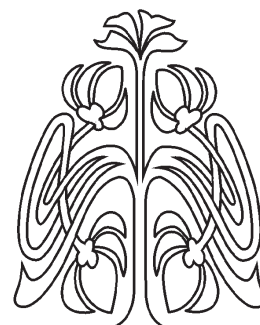
This article considers the historical aspect of the interaction between lexical semantics and discourse. A special emphasis is put on the role of discourse determined synonymic rows in the evolution of the meaning of lexical units. The material of the research is represented by English, French and Spanish medieval written records.

Key words: historical development, lexical semantics, discourse, synonymic relations.

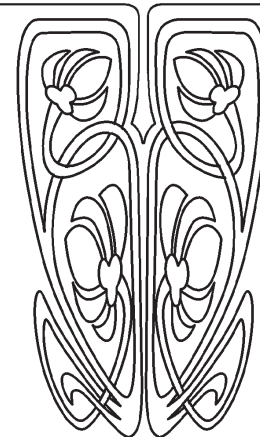
На современном этапе развития общей теории языковых изменений стало уже общепризнанным, что основной движущей силой языковой эволюции является говорящий и окружающий его мир, а конкретная реализация принципов этой эволюции строится на законах человеческой коммуникации, дискурса в широком смысле слова. Данный подход нашел применение и в области исторической лексикологии, одной из актуальных задач которой является изучение конкретных механизмов взаимодействия лексической семантики и общественно значимого дискурса на разных этапах их развития.

Опыт исследований показывает, что к числу подобных механизмов принадлежат, в частности, те синонимические связи, которые складываются у лексем в процессе регулярного функционирования в рамках дискурсивного пространства и которые оказывают существенное влияние на модификацию их семантики. Сказанное в полной мере относится и к так называемым параллельным синонимам, которые в средневековую эпоху получили широкое распространение в западноевропейских литературно-письменных языках (английском, французском, испанском и др.). Высокая частотность и разнообразие указанных конструкций были вызваны притоком книжных латинских слов, в первую очередь тех, которые служили наименованиями сложных религиозно-философских понятий, не известных еще в то время народным языкам.

В этих условиях средневековые авторы, стремясь донести до своих читателей и слушателей значение иноязычного слова, наряду с ним обычно употребляли лексемы, которые являлись его семантическими и функциональными эквивалентами и часто выполняли роль внутренних глосс. В качестве эксплицирующих элементов выступали либо исконные лексемы, либо те лексические единицы, которые являлись

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

заимствованными, но существовали в языке уже в течение довольно долгого времени и в той или иной степени были ассимилированы им.

Так, например, религиозные дискурсы народных языков заимствовали не только новое для них понятие *христианская любовь, милосердие*, но и его латинское обозначение: *caritas* (фр. *charité*; англ. *charity*; исп. *caridad*). В средневековых письменных памятниках в качестве пояснительных (метатекстовых) элементов при рассматриваемых заимствованных лексемах использовались существительные, традиционно передававшие в народных языках понятие *любовь* (фр. *amour*; англ. *love*; исп. *amor*). Отношения функциональной и семантической эквивалентности между двумя лексическими единицами устанавливались, как правило, при помощи логических союзов со значением *или, иначе, другими словами* (англ. *or*; фр. *ou*; исп. *ó*). Средством связи между параллельными синонимами мог выступать и сочинительный союз *и* (англ. *and*; фр. *et*; исп. *y, e*):

mais seulement est meu parvraye amour et harité (Fillastre G. Le Traittié de Conseil. FMF).

Loue or charite...haþ two braunchis, as loue of God & loue of man (Wicliff J., Faith, Hope and Charity. CME).

asi commo en los otros buenos actos que proceden de caridad & amor de dios (Apologia sobre el salmo «Judica me Deus». CdE)¹:

С точки зрения исторической лексикологии и семасиологии особого внимания заслуживает тот факт, что исконные лексемы не только уточняли значение заимствованных единиц, но в свою очередь сами испытывали влияние со стороны последних. В результате «семантического заражения» семантическая структура исконных лексем обогащалась за счет дополнительных смысловых компонентов, которые могли актуализироваться как в самом религиозном дискурсе, так и за его пределами в виде инодискурсивных включений. Это находило отражение в сочетаниях типа *divine amour, fine amour, amor de Dios, amour parfaite, perfecte loue* (божественная любовь, любовь Бога, совершенная любовь и т. д.):

Joye parfaite n'est point sans parfaicte amour et parfaicte amour n'est point sans compaignie si fault que en la Divinité soit compaignie (Gerson J. Sermon por la fête de la Sainte Trinité. FMF).

В качестве еще одного примера можно привести текстовые фрагменты, в которых заимствованное из латыни наименование греха *леность* (лат. *acedia, или accidia*) вступает в отношения семантической и функциональной эквивалентности с народными лексемами со значением *лень, медлительность* (англ. *slewthe*; фр. *presche*; исп. *pereza*):

et ceste dormitation seult estre ditte accide ou presche (Psautier Ludolphe le Chartreux. FMF).

В составе подобных контекстов исконные лексемы приобретали несвойственную им в языке в целом способность передавать такие понятия,

как *уныние, отчаяние, печаль, душевная апатия*, которые в религиозно-церковной сфере ассоциируются с недостаточной верой в милосердие Бога, с медлительностью и нерадивостью в делах благочестия. Св. Фома Аквинский (XIII в.), объединявший грех *леность* с грехом *уныние* (лат. *tristitia*), рассматривал его как отказ от радости общения с Богом, от духовного блага вообще. Следуя этой традиции, Фернандо де Паленсия (XV в.) в своем латинско-кастильском словаре разъясняет значение слова *accidia* с помощью исконных лексем *pereza* (лень) и *tristeza* (уныние, грусть), каждая из которых передает лишь часть смысловых компонентов латинского существительного:

Accidia es pereza & tristeza (Palencia A. Universal Vocabulario in latin y en romance. CdE).

По мнению некоторых исследователей, в подобных случаях мы имеем дело с гендиадисом, т. е. с конструкцией, которая включает в себя два однородных члена и выражает одно сложное понятие². Это предоставляет возможность семантического разложения основного элемента высказывания. В результате его семантические составляющие получают отдельное выражение. Потребность в таких конструкциях объяснялась тем, что народные языки были в меньшей степени приспособлены к передаче отвлеченных понятий, чем латынь.

В английском религиозном дискурсе, который нам известен по более ранним источникам, чем французский или испанский религиозные дискурсы, для обозначения понятия *зависть* первоначально использовались древнеанглийские существительные *anda* (варианты: *onde, honde*) и *nieþ*, которые в зависимости от конкретной ситуации могли обозначать целый комплекс негативных чувств и эмоционально-волевых состояний: *ненависть, враждебность, злость, раздражение, досада, страх, ужас*³.

Наряду с текстовыми фрагментами, в которых выбор падал на одну из указанных выше лексем, в письменных памятниках встречаются также контексты, содержавшие одновременно обе лексемы, вступавшие друг с другом в отношении семантической и функциональной эквивалентности:

Purh nið and onde [L inuidiam] com deð in to þe worlde (Homilies in Lambeth. CME).

В подобного рода конструкциях нередко видят проявление характерной для древнеанглийского языка (особенно поэтического) традиции использовать так называемые парные слова (*pair words*). Этот факт, несомненно, стоит принимать во внимание. Вместе с тем представляется, что здесь находят отражение и новые тенденции, свойственные в позднесредневековую эпоху всем народным языкам, которые постепенно расширяли свои функции и приспосабливались к передаче сложных отвлеченных понятий, которые на предшествующем этапе развития передавались преимущественно с помощью средств латинского языка.

В средневековую эпоху полиномия, или лексическая вариативность, была нормой языка, поскольку в то время в народных литературно-письменных языках, в их различных культурно-речевых сферах активно шел процесс, связанный с поиском и отбором лексических единиц, способных наиболее адекватным образом обозначать специальные понятия. При этом дать ответ на вопрос, почему выбор пал именно на ту или иную лексему, довольно трудно, а в подавляющем большинстве случаев, по-видимому, просто невозможно. Остается только предположить, что здесь оказывал свое действие целый комплекс разнообразных причин.

Что касается лексем *onde* и *nieþ*, о которых говорилось выше, то в новоанглийский период они были вытеснены из языка заимствованным существительным *envy* (фр. *envie*, лат. *invidia*). Причем первоначально эта лексема часто использовалась вместе с исконными лексемами *onde* и *nieþ*, пояснявшими ее значение. Так, во фрагменте из письменного памятника начала XIII в. «Тело и душа» для обозначения греха *зависть* используются все три рассматриваемые лексические единицы (т. е. *onde*, *nieþ*, *envie*), тогда как другие смертные грехи (*чревоугодие*, *похоть*, *гордость* и *алчность*) представлены только одним наименованием:

*Glotonie and lecherie, Prude and coveytise,
Nipe and onde and envie* (Body and Soul. *СМЕ*).

Постоянное обращение к уточняющим, дефинитивным конструкциям было, по-видимому, обусловлено также некоторыми особенностями средневекового сознания, которое, в отличие от более древнего типа мышления, воспринимало вещь уже как самостоятельно существующую, но слово и понятие еще не расчленились. Поэтому назвать вещь означало то же, что и объяснить ее. Отсюда и убежденность в том, что понимание есть знание и овладение вещами, реальностями.

Жак Ле Гофф, отмечая эту черту средневекового мышления, пишет следующее: «В медицине поставленный диагноз означал уже исцеление, оно должно было наступить вследствие произнесения названия болезни... *Res* и *verba* не противоречили друг другу, одни являлись символами других. Если язык был для средневековых интеллектуалов покровом реальности, то он также являлся ключом к этой реальности, соответствующим ей инструментом»⁴.

Неслучайно поэтому в средневековых произведениях объектом авторской рефлексии нередко становились и исконные лексемы, если они обозначали ключевые для определенной группы контекстов понятия. В нижеприведенном фрагменте ключевым является исконное английское существительное *slewthe* (леность, медлительность, совр. англ. *sloth*), значение которого поясняется не только с помощью близкого ему по происхождению и семантике существительного *slawenes*, но и посредством уточнительного оборота, вводимого в предложение логическим союзом

þat is (то есть). В состав данного оборота в свою очередь тоже входят поясняющие значения друга синонимические пары: *hertly angere* (раздражение сердца) – *anoye* (раздражение); *dullnes* (уныние, вялость) – *heuenes of herte* (уныние, душевная тяжесть, апатия):

þe sexte dedly synes slewthe or slawenes, þat es, a hertly angere or anoye till vs of any gastely gud þat we sall do... Anoper es, a `dullnes or heuenes of herte` þat lettes vs for to lufeoure Lorde God Almyghten, or any lykynge to hafe in His seruyse (Gaytryge D. J. Sermon. *СМЕ*).

Анализ средневековых письменных памятников показывает, что существенную роль в модификации значений лексем играли не только те синонимические конструкции, которые входили в состав метатекстовых фрагментов, но и вся система синонимических связей, формировавшаяся у слова в процессе его функционирования в определенной коммуникативно-дискурсивной сфере. Подтверждением этому может служить история развития среднеанглийского прилагательного *wicked* (варианты: *wikked*, *wikkid*, *wykked*, *wyket*), которое, подобно большинству древних абстрактных лексем, отличалось диффузностью семантики. Среди его значений были, в частности, следующие: *плохой*, *злой*, *злосчастный* (например, *о времени*), *неудачный*, *неблагоприятный*, *несчастный*, *не предвещающий хорошего*, *тяжелый* (о состоянии здоровья) и т. д.

Дальнейшая эволюция прилагательного *wicked* была связана прежде всего с особенностями его употребления в религиозном дискурсе, где приблизительно с XIII в. эта лексема начинает специализироваться на обозначении таких ключевых для религиозно-церковной сферы понятий, как *порочный*, *греховный*, *нечестивый*⁵. В этой ситуации можно говорить о том, что неспецифическое отрицательно-оценочное значение, характерное для рассматриваемой лексемы на более ранних этапах развития, постепенно уступало место религиозно маркированному негативному значению.

Среди факторов, повлиявших на преобразование семантической структуры прилагательного *wicked*, следует особо отметить его регулярное использование в одном синтагматическом ряду с прилагательными типа *synnful* (греховный, совр. англ. *sinful*), *unrihtwis* (неправедный, совр. англ. *unrighteous*), *viciouse* (порочный, совр. англ. *vicious*), *depraven* (*извращенный*, порочный, совр. англ. *depraved*), *blasfemous* (кощунственный, нечестивый, совр. англ. *blasphemous*) и т. п.:

So graunte I wel for soþe þat vicious folk ben wicked (Boethius. De consolatione philosophiæ. *СМЕ*).

Vmwhile, sais þat we er wicked & synful: for to ger vs falle in to dispaire (Rolle R. Companion to the English prose works of Richard Rolle: a selection. *СМЕ*).

Реализуемые в подобных контекстах значения прилагательного *wicked* с течением времени

переходили в разряд общеязыковых, системных. Это объясняется характерным для средневековой эпохи постоянным использованием религиозных тем и мотивов в самых различных сферах коммуникации, что в свою очередь неизбежно вело к переносу в эти сферы первоначально специфических для религиозного дискурса языковых средств выражения ключевых для него понятий.

Анализируемые текстовые фрагменты наглядно подтверждают, что взаимодействие лексической семантики и дискурса имеет двустороннюю направленность. Дискурсивные синонимические ряды, уточнявшие диффузную семантику ядерных лексем, способствовали тем самым развитию концептуальных доминант религиозного дискурса, в чем находит отражение тесная связь между историческим изменением лексико-семантической системы языка и эволюцией концептосферы в рамках того или иного культурного пространства.

Показательным в этом отношении является процесс функционально-семантического развития древнеанглийского прилагательного *gōd* (варианты *gōde*, *goude*, совр. англ. *good*), которое на ранних этапах своей истории было общеоценочным и обозначало широкий круг понятий: *подходящий, годный, умелый, уважаемый, почтенный* и т. п. В древних эпических произведениях данная лексема использовалась, например, для передачи целого комплекса положительных оценок, которые получали герои и их поступки. Причем речь могла идти как о личных качествах, так и о социальном положении: *щедрость, храбрость, смелость, благородное происхождение*. В этом проявляется характерная для древних народов нерасчлененность сфер оценок: эмоциональных, эстетических, интеллектуальных или физических.

Что касается христианского дискурса, то в нем, как известно, сфера морально-этических оценок выделена очень четко и доминирует над всеми остальными. Представление о том, что нравственно, а что безнравственно, всегда выражается со всей ясностью и определенностью. В религиозно-церковной литературе того времени прилагательное *gōd* переосмыслялось и приобретало выраженную морально-этическую оценочность, которая в средневековый период была неотделима от религиозной. На первый план в смысловой структуре рассматриваемой лексемы выдвигались такие компоненты, как *добрый, благой, праведный, добродетельный* и т. п. Среди факторов, способствовавших данному процессу, стоит особо выделить те контексты, в которых лексема *gōd* реализовывала свои синонимические связи посредством прилагательных типа *rihtwis* (праведный, совр. англ. *righteous*), *kind* (добрый, благой), *gracious* (милостивый, благой), *(treowe* (истинный, верный Богу, совр. англ. *true*), *chaste* (целомудренный, совр. англ. *chaste*), *virtuous* (добродетельный), *pious* (благочестивый, набожный),

benevolent (благой, благостный), *godly* (благочестивый, набожный, религиозный):

Noe, þat *gracius* and *gōd*, liued fourti yere after þe flod (Cursor Mundi. *CME*).

Be this *gode*, *trewe* man Abram, ich vndurstonde at tis time vr blessid Lord Crist (Legat H. Sermon on the Passion of the Lord. *CME*).

Аналогичным в целом образом происходило развитие древневерхненемецкого прилагательного *gōt* и древнеисландского прилагательного *góðr*; родственных древнеанглийскому *gōd*⁶. Причем помимо генетического фактора важную роль, как представляется, играла общность контекстов употребления данных лексем, а также единство культурно-речевого пространства, в котором они функционировали.

Примечательно, что во многом сходные результаты были получены на материале других групп языков. Так, например, Л. П. Дронова в работе «Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект» отмечает, что появление в новом в то время христианском контексте у общеоценочного прилагательного *добрый* функции положительной этической оценки сопровождалось формированием у него новых синонимических отношений: *преподобный, истинный, верный, чистый, праведный, безгрешный, непорочный*⁷.

В других сферах коммуникации (историческая литература, художественная литература, документы и т. д.) у прилагательного *добрый* актуализировались иные разновидности семантики общей оценки и происходила синонимизация с другим рядом слов: *изрядный, бесподобный, отличный*, которые в церковнославянском языке выражали бы скорее отрицательную оценку⁸.

Вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что дискурсивно обусловленные синонимические ряды способны не только пояснять, уточнять значение входящих в них лексем, но и существенно модифицировать это значение, приспособив его к специфическим для того или иного типа дискурса целям и условиям коммуникации. Регулярно используемые в одном синтагматическом ряду лексические единицы в силу семантического «заражения» неизбежно приобретают общие семантические признаки, не свойственные им в языке в целом, одновременно у лексем ослабляются внутрисистемные связи и отношения. С течением времени результаты подобных модификаций могут закрепляться в узусе, что во многом определяется социально-культурной значимостью той дискурсивной области, в рамках которой происходят преобразования смысловой структуры лексических единиц.

Из этого, в свою очередь, следует, что синонимический контекст относится к числу важнейших механизмов взаимодействия общественно значимого дискурса и лексической семантики. Есть также основания полагать, что такого рода взаимодействие является особенно интенсивным

в случае лексем высокого уровня абстракции, которые обозначают сущности, сконструированные нашим сознанием, и поэтому ориентированы в первую очередь не на объективный мир, а на познающего субъекта. Лексические единицы данного типа в ходе эволюции в наибольшей степени испытывают влияние со стороны факторов коммуникативно-дискурсивного характера. Что касается имен другой референции, то здесь необходимо специальное исследование значительного объема конкретного языкового материала.

Вместе с тем уже на нынешнем этапе вполне очевидно, что предложенный дискурсно ориентированный подход дает возможность изучать собственно лингвистические механизмы изменения семантики лексических единиц в неразрывной связи с глубинными причинами этих изменений, которые лежат преимущественно во внеязыковой действительности, в постоянно меняющихся потребностях социума и в развитии человеческого мышления.

Примечания

¹ Материалом исследования и источниками цитирования являются следующие электронные корпуса текстов : Corpus del Español. [CdE]. URL: <http://www.corpusdelespanol.org/> ; Corpus of Middle English Prose

and Verse. [CME]. URL: <http://www.umich.edu/c/cme/> ; FrantextMoyen Français. [FMF]. URL: <http://www.atilf.fr/>

- ² См.: *Изметинская Н.* Отражение отвлеченных латинских имен в древнеанглийских текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. С. 14.
- ³ См.: *Колокольникова М.* Особенности развития лексемы *envy* в английском религиозном дискурсе XIII–XV вв. // *Германская филология* : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 4. С. 75–80.
- ⁴ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс ; Прогресс-Академия, 1992. С. 308.
- ⁵ См.: *Колокольникова М.* Влияние религиозного дискурса на семантическое развитие лексики с отрицательно оценочным значением // *Вестн. Челябин. гос. ун-та.* 2008. № 26. Филология. Искусствоведение. Вып. 25. С. 70–74.
- ⁶ См.: *Логутенкова Т.* Историко-типологическое исследование германских литературных языков донационального периода (на материале древнеанглийского, древневерхненемецкого и древнеисландского языков). Тверь : Изд-во ТГУ, 1993. С. 68–69.
- ⁷ См.: *Дронова Л.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка : этнологический аспект. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 36.
- ⁸ См.: *Фелькина О.* Развитие семантики славянских прилагательных общей оценки в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990. С. 10.

УДК 821.111(73).09-31+929 Эми Тан

КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛА КУЛЬТУРЫ (на материале романа Эми Тан «Клуб радости и удачи»)

П. С. Артемьева

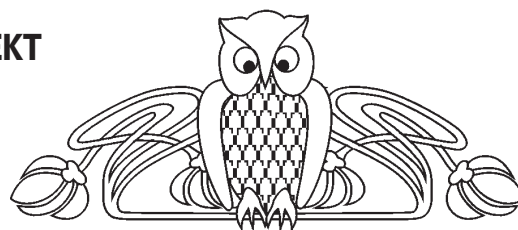
Саратовский государственный университет
E-mail: polina-artem@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с коммуникативно-дискурсивным варьированием символа культуры в тексте художественного произведения. Материалом исследования служит роман «Клуб радости и удачи» («The Joy Luck Club») современной американской писательницы китайского происхождения Эми Тан.
Ключевые слова: символ культуры, образ, художественный дискурс, поликультурный текст.

**Communicative and Discursive Aspect of the Study
of the Symbol of Culture (based on the novel «The Joy Luck
Club» by Amy Tan)**

P. S. Artemieva

The article discusses the issues related to the problems of communicative-discursive variation of symbols of culture in the fictional text. The material of the research is the novel «The Joy Luck Club» by the modern American writer of the Chinese origin Amy Tan.
Key words: cultural symbol, image, fictional discourse, multicultural text.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения дискурсивно-коммуникативных особенностей символа культуры, и в первую очередь специфики его использования в тексте художественного произведения. Символ есть способ, посредством которого мы можем наиболее адекватно «перевести» на понятный нам язык сообщения других культур, потому что в символе отражаются «образы бессознательных содержаний», значительную часть которых составляют архетипы, понимаемые как генетически фиксированные древние образы и социо-культурные идеи¹. Всякий символ хранит в себе информацию о представлениях и понятиях, присущих какой-либо культуре. Подобного рода информация фиксируется в словарях символов, но в тексте конкретного произведения содержание символа может варьировать². Следовательно, символ – явление многоплановое, с одной стороны, он отсылает к широкому контексту определённой культуры, а с другой – приспосабливается в рамках того или иного произведения к выполнению новых для него функций.

При анализе символа в тексте художественного произведения особое значение приобретает вопрос о соотношении символа с образом. Всякий символ есть образ, однако образ можно считать символом только при определённых условиях. Н. Фрай, например, выделяет следующие критерии «символичности» образа: 1) наличие абстрактного символического содержания эксплицируется контекстом; 2) образ представлен так, что его буквальное толкование невозможно или недостаточно; 3) образ имплицитно ассоциируется с мифом, легендой, фольклором³.

Символичность образа возникает благодаря его двусторонности, которая находит своё выражение прежде всего в том, что образ может иметь как конкретное, так и абстрактное значение. Символ, по сути, и возникает на грани перехода от конкретного к абстрактному. Образ (представление или конкретное, частное понятие) и идея (общее, абстрактное понятие) поставлены в символическую связь, чтобы взаимно выражать друг друга. Абстрактная идея закодирована в конкретном содержании для того, чтобы выразить абстрактное через конкретное, но и конкретное кодируется абстрактным, чтобы показать его идеальный отвлеченный смысл. Таким образом, важнейшими свойствами символа являются комплексность его содержания и равноправие реализующихся значений⁴.

Вышесказанное подтверждает и анализ новеллы «Половинка и половинка» («Half and Half»), которая является составной частью романа Эми Тан «Клуб радости и удачи» («The Joy Luck Club»). Эми Тан – американская писательница китайского происхождения. Несмотря на то что её произведения написаны на английском языке, в них находят широкое отражение реалии, символы, артефакты и обычаи китайской культуры. В новелле «Половинка и половинка» особое место занимают образы явлений природы и природных стихий (солнце, ветер, океан). Значительная часть событий происходит на берегу океана около пещеры, которая сравнивается с большой чашей:

«I saw we were standing in the hollow of a cove. It was like a giant bowl, cracked in half, the other half washed out to sea»⁵.

«Я увидела, что мы стояли в проеме стены пещеры. Она была похожа на гигантскую чашу, расколотую на две половины, вторая половина уходила в море» (Здесь и далее перевод наш. – П. А.).

«The tube followed her mind. It drifted out, toward the other side of the cove wall where it was caught by stronger waves»⁶.

«Труба последовала направлению её мысли. Подхваченная течением и ветром, она промчалась до другой стороны стены пещеры, где её и поймали более сильные волны».

«The worry surrounded me like the wall of the cove»⁷.

«Беспокойство окружало меня как стена пещеры».

В китайской культуре чаша имеет символическое значение, особенно важно то, что чаша состоит из двух половин, как бы из двух неотделимых друг от друга противоположных начал: *Янь* – светлое, положительное мужское начало, и *Инь* – темное, отрицательное женское начало. В результате взаимодействия стихий неба (*янь*) и земли (*инь*) возникла жизнь и появился человек. В приведённом выше примере в качестве определений при ключевом существительном *bowl* (чаша) используются не только прилагательное *giant* (гигантский), но и словосочетание *cracked in half* (разбитый на две половины). Традиционное значение символа как возрождения материи преобразуется, приобретая противоположный смысл, поскольку расколота форма чаши указывает на нарушение гармонии в пространстве. Благодаря этому вводится и постепенно усиливается мотив разрушительной силы, который является одним из ведущих как на сюжетно-тематическом уровне, так и на уровне персонажей.

На протяжении всей новеллы описание событий сопровождается указанием на ветер и на производимые им действия. Ветер является символом синтеза четырех стихий, он традиционно наделяется способностью к возрождающему действию. Ветер ассоциируется с движением, с различного рода переменами и волнением. Все это находит отражение в рассматриваемом произведении, персонажи которого пытаются защититься от ветра, поскольку он постоянно толкает их, тербит их одежду и даже бросает им в лицо песок. Образ ветра придаёт особый динамизм описываемым событиям. Не случайно, что слово *wind* сочетается с глаголами типа *to whip*, *to flap*, обозначающими резкие, порывистые, шумные действия или движения:

«The wind was whipping the cotton trousers around my legs...»⁸

«Ветер хлопал моими хлопчатобумажными брюками вокруг моих ног».

«On this side, the wall of the cove curved around and protected the beach from both the rough surf and the wind»⁹

«С этой стороны стена пещеры изгибалась и защищала пляж от волн прибоя и ветра».

«My mother spread out an old striped bedspread, which flapped in the wind...»¹⁰

«Моя мама стала раскидывать старое полосатое покрывало, которое хлопало на ветру».

К числу центральных образов принадлежит также образ солнца, который появляется в поворотных событиях новеллы, то есть в её завязке, кульминации или развязке. Солнце традиционно является символом активного начала, источника жизни и высшей целостности человека, символом энергии. В то же время внезапное исчезновение солнца за горизонтом обычно ассоциируется с неожиданной смертью.

Примечательно, что уже в самом начале новеллы лексема *sunset* встречается в названии жур-

нала, который читает отец (*the Sunset magazine*), и в названии района, в котором семья может позволить купить себе квартиру (*Sunset district*):

«We had gone to the beach, to a secluded spot south of the city near Devil's Slide»¹¹.

«Мы пришли на пляж, в то самое уединенное место южнее от города, около Дэвилз Слайд».

«My father had read in *Sunset magazine* that this was a good place to catch ocean perch»¹².

«Мой отец прочитал в журнале, который назывался «Закат солнца», что это отличное место для поимки океанического окуня».

«It had enabled them to have seven children and buy a house in the *Sunset district* with very little money»¹³.

«Это позволило им завести семерых детей и купить дом в районе «Закат солнца», имея всего лишь очень небольшое количество денег на проживание».

По мере развития сюжета лексема *sunset* начинает активно участвовать непосредственно в описании природы, приобретая образную наполненность и способность передавать смысл напряжения, предупреждающего трагедию. Связь заходящего солнца со смертью поддерживается с помощью ближайшего лексического окружения существительного *sunset*. Речь идёт в первую очередь о таких словах и словосочетаниях, как *the wall of the cove* (стена пещеры), *the rock* (камни стены пещеры), *sand* (песок), *sand grave* (песчаная могила). Все эти лексические единицы ассоциируются с понятием *земля*, которое является символом тьмы и процесса мироздания:

«Bing was pounding the soda bottle against the rock»¹⁴.

«Бин начал бутылкой из-под содовой дробить камушки, вкапываясь в стену пещеры».

«Someone has thrown sand in Luke's face and he's jumped out of his sand grave...»¹⁵

«Кто-то кинул песок в лицо Люка, и он выпрыгнул из своей песчаной могилы».

В анализируемой новелле все события, как уже говорилось выше, происходят на берегу океана, поэтому образ океана является одним из ключевых и, подобно образу солнца, фигурирует как перед кульминационным моментом, так и в кульминационный момент произведения. Образ океана глубоко символичен. Во многих культурах мира это сердцевина жизни, её источник, отсюда, как правило, мощная динамика в изображении грандиозной картины его существования¹⁶.

Что касается рассматриваемого произведения, то в нём океан изображён в состоянии покоя, и персонажи, постоянно обращающие внимание на ветер, не замечают океана. Но несмотря на это, именно океан оказывается местом трагедии.

Стоит также отметить, что лексема *ocean* (океана) употребляется сравнительно редко, гораздо чаще к образу океана читателя отсылают тематические слова и словосочетания: *water* (вода), *the sea*, *ripple* (рябь на воде), *boat* (лодка):

«...before he splashes into the sea and disappears without leaving so much as a ripple in the water...»¹⁷

«...прежде чем он со всплеском падает в океан и исчезает, не оставив за собой ничего кроме ряби на воде...»

«...the boats turned their yellow orbs on and bounced up and down on the dark shiny water»¹⁸.

«...спасательные лодки включили свои желтые фонари и качались вверх и вниз на темных сияющих водах».

Согласно интерпретации символа воды и океана в китайской культуре океан есть символ переходных состояний между стабильным и бесформенным. Солёная вода часто ассоциируется со способностью разрушать высшие разновидности земной жизни. В кульминационный момент Бин оказывается на кромке рифа, где столкновение двух противоположных стихий, воды и ветра, являющихся символами разрушительной и возрождающей силы, приводит к трагедии и во многом объясняет её. Разрушение произойдёт и в душе матери после того, как она поймёт, что произошло с Бином.

В тексте рассматриваемого произведения представлены выше образы (заходящее солнце, ветер, воды океана, пещера) составляют единую систему, элементы которой вступают в тесное взаимодействие, дополняя и углубляя значение друг друга. Так, под влиянием окружающего контекста в смысловой структуре всех анализируемых образов актуализируются такие компоненты, как *упадок* и *разрушение*, все они в той или иной степени становятся символами смерти.

В этой связи можно говорить о своего рода иерархии символов, высшую ступень в которой занимает *смерть*. Хотя само слово *death* в анализируемой новелле употребляется только один раз в составе словосочетания *to be beaten to death* (быть забитым до смерти), тема смерти присутствует с самого начала, о чём свидетельствуют и следующие лексические единицы: *danger* (опасность), *lost* (в значении потерять навсегда), *lifeless* (безжизненный), *no hope* (нет надежды). Смерть как символ здесь предстаёт в одном из своих традиционных толкований, а именно в значении возрождения через гибель, через полное разрушение чего-либо. Но, как и любой символ, он способен варьировать, в разных частях изучаемого произведения его значение меняется: от символа возрождения до символа разрушения и упадка.

Так, в новелле «Сороки» («Magpies»), которая тоже входит в анализируемый роман Эми Тан, этот символ предстаёт в несколько иной интерпретации. Мать осознанно идёт на то, чтобы убить себя ради будущего дочери, видя, что вторая жена сделала всё, чтобы Ву Тсин (её второй муж) не купил ей и её дочери небольшой, уютный, отдельный домик. Она больше не хочет, чтобы к её дочери относились здесь как к человеку третьего сорта. Ведь она увезла её из семьи своего брата и матери, где та имела всё, чтобы её жизнь была до-

стойной. Она хотела обеспечить дочери достойное будущее и поэтому принимает решение напугать мужа своей смертью. Он испугается, что её привидение будет мучить его, и благодаря этому её дочь станет хозяйкой в доме.

Если в первом случае смерть выступает как символ, который является источником жизни не только духовной, но и возрождения материи, то во втором – смерть предстаёт намного сложнее, как трансформация существа при помощи разрушения формы без полного уничтожения её сущности. Смерть здесь является высшим освобождением. Это распад и конец чего-либо определённого, охватывающего конкретный период времени. Смерть приобретает форму жертвенности и стремления к саморазрушению перед лицом невыносимого напряжения.

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что символы культуры вводят художественное произведение в определённое культурно-национальное пространство, являются знаком принадлежности к этому пространству. Вместе с тем в рамках того или иного художественного произведения традиционное содержание символа может подвергаться переосмыслению, что помогает символу культуры приспособляться к новым для него условиям и целям коммуникации.

Важную роль в данном процессе играет как контекст всего произведения в целом, так и непосредственный лексико-стилистический контекст тех слов и словосочетаний, которые являются репрезентантами соответствующего

символического образа. Это, в свою очередь, даёт основание утверждать, что непротиворечивое и последовательное описание символа культуры должно учитывать его функционально-дискурсивные свойства.

Примечания

- 1 См.: Шелестюк Е. О лингвистическом исследовании символа // *Вопр. языкознания*. 1997. № 4. С. 125–143.
- 2 Там же.
- 3 См.: Frye N. *Symbol* // *Encyclopedia of poetry and poetics*. Princeton (N. J.), 1965.
- 4 См.: Шелестюк Е. Указ. соч.
- 5 Tan A. *The Joy Luck Club*. N. Y., 1989. P. 122.
- 6 Ibid. P. 130.
- 7 Ibid. P. 123–124.
- 8 Ibid. P. 122.
- 9 Ibid.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid. P. 121.
- 12 Ibid.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid. P. 125.
- 15 Ibid.
- 16 См.: Павляк О. Образ океана в художественной структуре оды М. В. Ломоносова «Утреннее размышление о божием величестве» // *Вестн. РГУ им. И. Канта. Филологические науки*. 2010. № 8. С. 106–110.
- 17 Tan A. *Op. cit.* P. 125.
- 18 Ibid. P. 126.

РОЛЬ АДРЕСАТА В МНОГОМЕРНОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ (на материале жанра интервью)

О. А. Жумаева

Саратовский государственный университет
E-mail: zhumaeva1987@mail.ru

В статье многомерный процесс коммуникации рассматривается сквозь призму пространственной соотнесённости коммуникантов и типов адресата на материале жанра интервью, представлена попытка создания молекулярной 3D модели коммуникации.

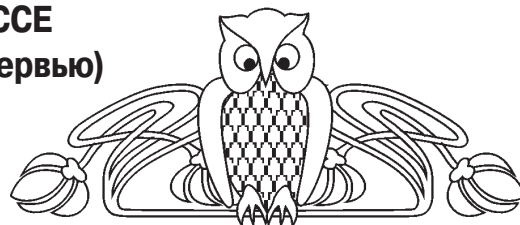
Ключевые слова: модель коммуникации, адресант, адресат, дискурс, интервью.

The Addressee Role in Multidimensional Process of Communication (in the Interview Genre)

O. A. Zhumaeva

In the article the multidimensional process of communication is considered in the light of spatial relationship of communicants and the types of addressees in the interview genre; it is attempted to create a molecular 3D model of communication.

Key words: model of communication, addresser, addressee, discourse, interview.

Коммуникативная лингвистика оформилась в середине 50-х гг. XX в. как особое направление языкознания, в рамках которого получила развитие теория речевой коммуникации. Данная теория представляет собой область научного знания, предметом изучения которой является коммуникация, её роль и место в обществе, а также коммуникативные процессы и закономерности их развития.

С целью получения объяснения лингвистических явлений, их предсказания и систематизации знаний российские и зарубежные лингвисты занимаются разработкой *моделей коммуникации*. Поскольку цель настоящей статьи – изучение процесса коммуникации и создание его модели, необходимо определить, в каких измерениях необходимо коммуникативное событие, и всесторонне его исследовать.

В науке о коммуникации создано множество моделей, отражающих закономерности общения. Информационно-кодовая модель коммуникации является одной из наиболее распространённых. В её основе лежит «представление о коммуникации как о передаче сообщения от передатчика к приёмнику, а под сообщением понимается последовательность знаков – двусторонних единиц, имеющих материальную форму (означающее) и идеальное содержание (означаемое)»¹. Данная модель носит универсальный характер и может использоваться в различных отраслях науки. Однако она не учитывает специфики человеческого общения, в частности понимания, то есть тех отношений между сообщением и ситуацией общения, которые делают высказывание целесообразным.

Кодовая модель получила развитие в функциональных моделях общения. В модели коммуникации, или речевого события, по Р. О. Якобсону, участвуют *адресант* и *адресат*, от первого ко второму направляется *сообщение*, которое записано с помощью *кода*. *Контекст* в модели Р. О. Якобсона связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой, понятие *контакта* указывает на регулятивный аспект коммуникации². Г. Г. Почепцов относит модель коммуникации Р. О. Якобсона к семиотическим моделям в связи с тем, что каждому из шести факторов модели коммуникации Р. О. Якобсона соответствует определённая функция языка³.

Ю. М. Лотман подвергает критике модель Р. О. Якобсона за излишнюю абстрактность, подчёркивая, что у адресанта и адресата в действительности не могут быть одинаковые коды и что для коммуникации изначально требуется «неэквивалентность говорящего и слушающего»⁴.

Лингвистическая модель Р. О. Якобсона может быть применима к различным типам дискурса. Однако некоторые современные модели коммуникации обладают ограниченным дискурсивным потенциалом. Так, циркулярная модель И. Н. Прохожай «пилот – диспетчер – пилот – диспетчер»⁵ исправно работает на материале закрытого узкопрофессионального дискурса радиообмена во время полётов, но не позволяет вскрыть сущности других более сложных типов дискурса. Данная проблема, на наш взгляд, присуща большинству прикладных моделей, однако их узкая направленность обуславливается целью их создания – решение конкретных задач в различных областях знания.

Мы задались целью создать такую модель, в которой адресат займет равноправное место с адресантом, поскольку в большинстве ранее предложенных моделей адресат учитывался косвенно по причине сложности или невозможности отслеживания ответной реакции. Направление речевого действия, как правило, определялось от адресанта к адресату, но не обратно. Однако коммуникация – это «специфическая форма взаимодействия

людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности»⁶. Следовательно, модель коммуникации не может быть исключительно адресантно ориентированной. По мнению В. Е. Гольдина, направленность на адресата представляет собой один из важнейших признаков человеческой речи, отличающий её от прочих биосемиотических систем⁷. В связи с этим модель коммуникации обязательно должна включать адресата, или интерпретатора высказывания адресанта. Кроме того, все существующие модели коммуникации носят плоскостной характер, и с их помощью невозможно наглядно продемонстрировать смену реплик и то, каким образом происходит взаимодействие адресанта и адресата.

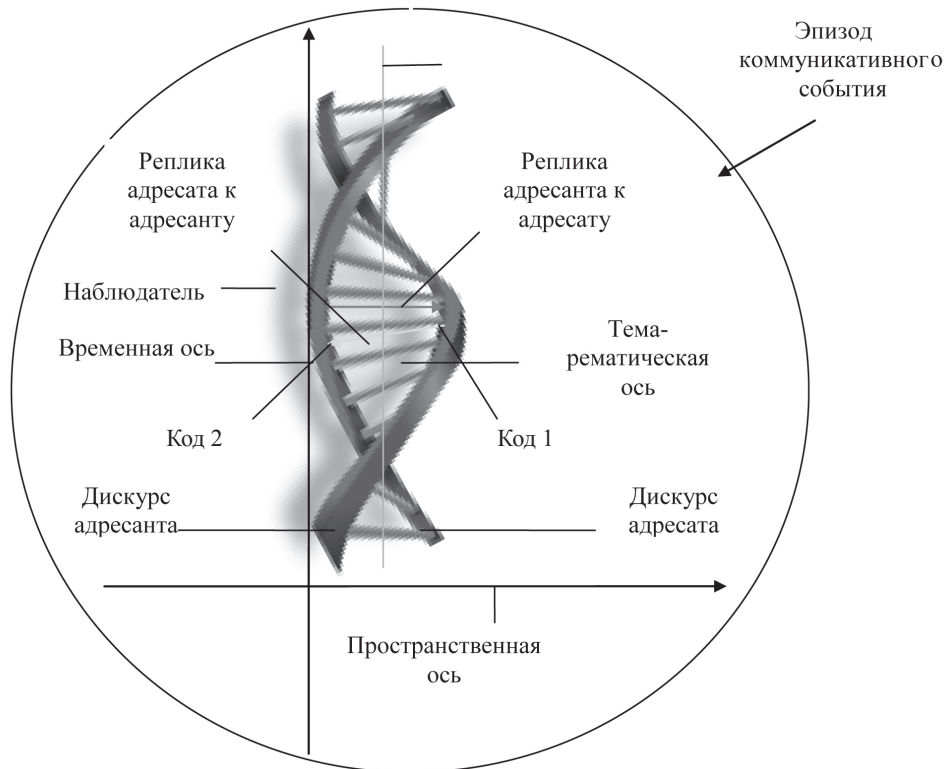
Приступая к созданию новой модели, мы, естественно, опирались на опыт наших предшественников. Однако термину Р. О. Якобсона «контекст» мы предпочли термин «конситуация», так как в целом ряде случаев весьма трудно провести чёткую грань между контекстом и ситуацией, поскольку ситуация нередко является «полноправной составной частью акта коммуникации и даже вливается в речь»⁸.

Разработанная модель представлена на рисунке.

Данную модель мы склонны именовать молекулярной, поскольку в её основу положена *форма* молекулы ДНК (DNA molecular model), которая представлена в виде двойной спирали. В 50-е гг. XX столетия американские и британские учёные доказали, что длинные молекулы образуют связи, закручивающие молекулы в спираль, и предположили, что модель ДНК обладает именно такой спиралевидной формой. Её воспроизведение основано на том, что каждая *цепь двойной спирали* служит матрицей для сборки новых молекул⁹.

Хотелось бы подчеркнуть, что модель ДНК обладает сложнейшей структурой, а мы руководствуемся только её формальными признаками. В настоящем исследовании мы проецируем только *форму* модели ДНК на модель коммуникации, в которой цепями двойной спирали являются дискурс адресанта и адресата, и каждый из них служит матрицей для новых эпизодов коммуникативных событий. Так называемая скрученная двойная спираль представляется в форме лестницы со ступенями, которые в молекуле ДНК состоят из элементов, в том числе химических, позволяющих им образовывать связи строго определённого типа. Такие элементы, как «ступени лестницы», в коммуникативной модели представляют собой два типа реплик: от адресанта к адресату и от адресата к адресанту. Парность оснований указывает на механизм копирования и деления: копирование генетического материала и создание новых молекул, а в коммуникативной модели – создание новых коммуникативных эпизодов.

Молекулярная модель коммуникации работает в системе трёх координат: пространственной, временной и тема-рематической. Пространствен-

Молекулярная 3 D модель коммуникации

ная ось характеризует коммуникативное событие с точки зрения его места и количества участников. Временная ось демонстрирует длительность коммуникации. Тема-рема-тематическая ось подразумевает развёртывание смысла от исходной информации (темы) к актуальной, новой информации (реме) в тексте коммуникативного события, в которой высказывания адресанта и адресата образуют систему тема-рема-тематических цепочек.

Основания настоящей модели, то есть спирали, представленные репликами адресанта и адресата, несут в себе информацию, *пропозиционально структурированную* и отражённую в синтаксической единице. Пропозициональная структура – это «лингвистический ген, содержащий генетическую информацию о способах развёртывания предложения»¹⁰. Данное определение Ю. А. Левицкого коррелирует с разработанной нами 3D моделью коммуникации, в формальную основу которой мы положили структуру модели ДНК. Таким образом, в предложенной модели процесс кодирования и декодирования информации адресантом и адресатом, обозначенный на рисунке фигурами код 1 и код 2, есть не что иное как облекание «лингвистического гена» в конкретную информацию.

Говоря об используемых знаковых системах, то есть кодах, отметим, что «код, на котором человек кодирует и декодирует, один и тот же. Это универсальный предметный код». Помимо универсального предметного кода, который регулирует форму, существует и языковой код, который «регулирует форму с расчетом на огра-

ниченное системное содержание»¹¹. Данные коды обеспечивают основную функцию коммуникации – переводимость и понимание. Таким образом, дискурс адресанта и адресата строится на основе универсального предметного кода и языкового кода, которые обеспечивают их взаимодействие в процессе коммуникации: адресант переводит свой УПК (универсальный предметный код) в языковой код, а адресат этот языковой код в свой УПК.

Тени от скрученной спирали обозначают стороннего наблюдателя, который оказывает значительное влияние на дискурс и манеру поведения коммуникантов. Важно отметить, что движение спирали может иметь только одно направление – вперёд, поскольку дискурс линейно однонаправлен.

В процессе разработки настоящей модели мы поставили задачу – выявить степень влияния фактора адресата на организацию дискурса адресанта, поэтому важно уточнить, кого из участников мы рассматриваем как адресанта, а кого как адресата. Например, если анализировать дискурс какой-либо известной личности, дающей интервью радиорепортёрам, то адресантом является данная личность, а адресатом – та аудитория, с которой адресант создаёт коммуникативную ситуацию.

В подобных коммуникативных событиях обычно принимает участие ведущий или интервьюер. Именно он начинает, направляет и приводит к завершению коммуникативное событие. На наш взгляд, этого участника коммуникативного события нельзя назвать ни адресантом, ни адре-

сатом в полном смысле этого слова. Он выполняет роль *регулятора* коммуникативного события. Без такого участника макрокоммуникативное событие может быстро затухнуть или начать развиваться в непредсказуемом направлении, а в каждом из микрособытий дискурса регулятор является не адресантом, но адресатом конкретной реплики.

Предложенная модель коммуникации позволяет показать постоянную мену коммуникативных ролей между адресантом и адресатом, в то время как все ранее существовавшие модели были адресантоцентричными.

Разумеется, молекулярная модель, также не лишена недостатков: в ней не учитываются помехи, порой меняющие ход коммуникации. Разумеется, мы не претендуем на безупречность разработанной молекулярной модели. Однако, поскольку данная модель повторяет модель молекулы живого организма, она, на наш взгляд, эффективнее всего вскрывает сущность речевого взаимодействия, которое проявляется в коммуникативных событиях, в свою очередь являющихся неотъемлемой частью событий жизни человеческого общества.

Разработанная молекулярная модель на первый взгляд может быть использована только для изучения непосредственного взаимодействия коммуникантов. Мы полагаем, что это не так. Несмотря на то, что непосредственное речевое взаимодействие является наиболее типичной формой коммуникации, даже при опосредованном общении адресант всегда ориентируется на адресата (часто дистанцированного): реального/ гипотетического, персонального, массового и обобщённо прогнозируемого¹², что проявляется в отборе языковых средств и манере поведения. Как уже говорилось ранее, основная функция коммуникации – переводимость и понимание, следовательно, без ориентира на определённого адресата риск непонимания возрастает, что может повлечь за собой коммуникативную неудачу или коммуникативный провал. Там, где речь идёт об обычном диалоге, роль адресата ясна, но роль адресата, проявляющегося в тексте, который в основном монологичен, также немаловажна. Настоящая модель работает на материале диалога, более сложным является её соотношение с монологом, где адресат является прогнозируемым, но тоже выполняет свою роль. Продемонстрируем это на материале жанра интервью Британского научно-публицистического дискурса.

Данный жанр представлен интервью с профессором Лондонского университета Лорной Анвин и интервью с профессором Стивом Смитом, президентом университетов Великобритании. Интервью с профессором Стивом Смитом проходит в рамках подкаста, то есть радиовещания в Интернете в форме аудиозаписи интервью с прилагающимся транскриптом. Интервью с Лорной Анвин опубликовано в электронном журнале «Образовательная Арена» в виде подкаста, включаю-

щего в себя транскрипт интервью без звукового оформления. Хотя адресантами являются разные учёные, коммуниканты имеют приблизительно один и тот же профессиональный уровень и относятся примерно к одной и той же возрастной и социально-культурной страте.

Необходимо отметить, что в нашем понимании интервью имеет текстовую природу, несмотря на то, что относится к разговорному жанру. Интервью является специально организованным и заранее запланированным, поэтому «представленный разговор оказывается ближе к обычному пониманию текста как какому-то целостному речевому произведению, имеющему начало, развитие темы и её завершение»¹³. На наш взгляд, это только усиливает адресацию, поскольку единство темы характеризует направленность интервью на конкретную аудиторию с расчетом на её отклик.

Как правило, интервью присуща явная диалогичность, однако количественное содержание диалога в каждом интервью может быть различным. Предлагаем сравнить интервью с профессором Стивом Смитом (Interview with Professor Steve Smith Speaker Key: DO Derfel Owen SS Steven Smith URL: <http://www.qaa.ac.uk/Publications/Podcasts/Pages/Interview-Professor-Steve-Smith-President-Universities-UK.aspx> 2011/10/28 – далее S. S.) и интервью с профессором Лорной Анвин (Expert Interview with Professor Lorna Unwin, Editor of Journal of Vocational Education&Training. URL: http://www.educationarena.com/pdf/expertInterviews/transcript_cat34_rjve.pdf 2011/10/28 – далее L. U.) по соотношению диалога и монолога в каждом из них. В современных лингвистических исследованиях отмечается вторичность монолога по отношению к диалогу, так как, с одной стороны, монолог является смысловым развертыванием диалога, с другой стороны – сжатым диалогом¹⁴. При этом важным обстоятельством различения диалога и монолога выступают наличие быстрой реакции собеседника на высказывания другого лица, а также присутствие эмоционально-экспрессивного момента в высказывании. Таким образом, за единицу диалога и монолога принимаем синтаксическую единицу.

Derfel Owen: That's quite a gloomy outlook and quite a daunting challenge for institutions but if you were to unleash your inner optimist for a second and put the challenges to one side, what do you think the opportunities are that might be emerging for universities?

Steven Smith: That's a very good question! (S. S.).

Данный пример диалога состоит из двух синтаксических единиц и демонстрирует вопросно-ответное диалогическое единство, в котором эмоционально-экспрессивный ответ незамедлительно следует за вопросом (выявлено на основе аудиозаписи).

В ходе анализа интервью с профессором Стивом Смитом было выявлено, что число диалогиче-

ских единств составляет 22 синтаксические единицы, монолог включает в себя 65 синтаксических единиц. Таким образом, процентное содержание диалога в интервью – 25,3%, а монолога – 74,7%. Интервью с Лорной Анвин содержит 32 синтаксические единицы диалога и 109 единиц монолога, что в процентном отношении составляет: диалог – 22,6%, монолог – 77,3%. Полученные данные оказались приблизительно одинаковыми. Процентное содержание диалога в обоих интервью составляет примерно 25%, что свидетельствует о преобладании в них монолога. Таким образом, исследуемые интервью преимущественно характеризуются монологичностью.

Мы задались целью исследовать интервью с разной пространственной соотносённостью коммуникантов и различными типами адресатов. Условно обозначим их так:

- 1) дистанцированный/недистанцированный адресат-вольный слушатель;
- 2) дистанцированный/недистанцированный адресат-собеседник;
- 3) дистанцированный/недистанцированный массовый адресат.

К адресату-вольному слушателю обращены обещания и утверждения адресанта, которые не требуют обязательной вербальной реакции от адресата. Адресат-собеседник – это конкретное лицо, к которому обращается адресант с помощью жёстко адресованных иллюкутивных актов, а также косвенных и этикетных речевых актов. В отличие от адресата-вольного слушателя, ответная реакция адресата-собеседника обязательна. Адресат-вольный слушатель и адресат-собеседник являются персональными адресатами. Массовый адресат может выступать как в роли присутствующей, так и прогнозируемой аудитории.

В отличие от классического диалога, реакция дистанцированного адресата отложена как в пространственном, так и во временном отношении, и нередко находит косвенное выражение в дискуссиях коллег. Это позволяет нам сделать вывод о потенциальном характере массового адресата в проанализированном жанре интервью.

Несомненно, регулятор коммуникативного события влияет на дискурс адресанта. На данном этапе исследования ограничимся двумя наблюдениями.

Во-первых, вступление регулятора в коммуникативный акт может привести к тематической перестройке дискурса адресанта.

Derfel Owen: What change, if any, do you think this will bring about to the environment in higher education?

Steven Smith: Let me start by saying we have had a number of meetings immediately with the new government and it's very, very reassuring to see them immediately stating in the coalition agreement, their commitment to social mobility (S. S.).

Во-вторых, в данном типе дискурса фатическая метакоммуникация может как присут-

ствовать, так и отсутствовать. Для установления причины этого явления необходимо значительно расширить материал исследования.

Так, при наличии регулятора в жанре интервью адресант, как правило, не использует метакоммуникативные средства, поскольку адресанту важно не общение ради общения, а общение для получения желаемого вербального или невербального действия. В дискурсе адресанта присутствует в основном эксплицитная информация, поскольку имплицитная информация может привести к коммуникативной неудаче. Стратегия дискурса адресанта при участии регулятора коммуникативного события в жанре интервью характеризуется строгой логической последовательностью вопросно-ответных диалогических единств.

Interviewer: 4. What do you see as the strength of the Journal of Vocational Education & Training as an academic journal compared to other titles in the field?

L. Unwin: I would like to argue that a key strength of the Journal of Vocational Education & Training, which we on the board tend to refer to as JVET, is that it takes vocational education and training seriously. Its breadth of coverage means that it is a forum for debate about vocational education and training in its broadest sense (L. U.).

Данный пример демонстрирует логично выстроенное диалогическое единство с конкретным ответом профессора Лорны Анвин на поставленный вопрос интервьюера о преимуществах журнала перед другими аналогичными изданиями.

Интервью имеет сложную природу. Оно состоит из непосредственного контактного общения ведущего и собеседника в студии и опосредованного дистантного общения интервьюера и пользователей сети Интернет. Из этого можно заключить, что интервьюер организует общение с учётом «фактора двойного адресата»¹⁵. Таким образом, в жанре интервью задействован дистанцированный массовый адресат (все интересующиеся проблемами образования), а адресант выполняет две роли – роль собственно адресанта (для всей аудитории) и роль адресата-собеседника для интервьюера, который в свою очередь представляет собой регулятора общения.

В основе построения дискурса, как правило, лежит стратегия. Поскольку официальное интервью представляет собой пласт делового общения, то такие стратегии, как «стратегия стимулирования описания положения дел, стратегия стимулирования осознания законов профессии, а также вспомогательные стратегии, например, стратегия выявления профессиональной компетенции»¹⁶, подкрепляются этикетными составляющими деловой беседы. По мнению С. А. Рисинзон¹⁷, коммуниканты:

- 1) смягчают воздействие на адресата, например снижая категоричность речи:

Derfel Owen: First of all, what do you think are the main challenges facing higher education at the moment? (S. S.);

2) поддерживают коммуникативный контакт, например используя образные выражения, что эмоционально объединяет коммуникантов:

Interviewer: What 'hot topics' do you hope/ expect to see coming through in the journal in the next two to three years (L. U.);

3) стремятся создать тональность согласия, одобряя мнение/предложение собеседника:

Derfel Owen: Absolutely, and one of the biggest changes in the environment has been the election of a new government that happened last month (S. S.);

4) облегчают восприятие дискурса, поясняя, уточняя и обосновывая высказываемое мнение:

Lorna Unwin: I'm keen to strengthen the Book Review section of the journal because I believe that is important in terms of a service to our readers and I'm also thinking about introducing an Editorial, and possibly, but I say this quite tentatively, thinking about introducing what I'll just refer to quite briefly here as a policy debate section (L. U.);

5) повышают коммуникативную роль собеседника, выражая благодарность:

Derfel Owen: Professor Smith, thank you very much for taking part in this podcast (S. S.).

Фактор функционального стиля играет немаловажную роль в реализации языка в конкретном дискурсе. О. Б. Сиротинина отмечает, что в научной сфере язык по-разному используется в различных жанрах. «Особенно сложны по условиям своего формирования событийные жанры, поскольку эти дискурсы <...> зависят от воли не одного адресата, а многих». Научный стиль «различается в зависимости от адресата, степени его специализации (собственно-научная, учебная и научно-популярная разновидности)». В публицистическом стиле реализация конкретного дискурса зависит от «формы речи, конкретного или массового адресата, монологичного или диалогичного вида речи и от времени его написания»¹⁸. Интервью, как правило, выдержано в публицистическом стиле.

Итак, участие различных типов адресата и регулятора коммуникативного события зависит от жанра коммуникативного события и функционального стиля конкретного дискурса. Особенностью жанра интервью является строгая тематическая организация, преобладание монолога над диалогом, наличие фактора двойного адресата и участие в интервью регулятора коммуникативного события. Велика роль массового адресата в жанре интервью, который является дистанцированным. Стратегии дискурса, подкреплённые этикетными составляющими деловой беседы,

выражаются в строгой логичной последовательности вопросно-ответных диалогических единств, связанных между собой объёмными монологическими высказываниями. Полагаем, что настоящая модель может работать не только на материале диалога, но и на материале, который в основном монологичен.

Примечания

- ¹ Гольдин В., Сиротинина О., Язубова М. Русский язык и культура речи. М., 2002. С. 11.
- ² См.: Jakobson R. Closing Statement : Linguistics and Poetics. Style in Language. N. Y., 1960.
- ³ См.: Почепцов Г. Теория коммуникации. М., 2001.
- ⁴ См.: Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992.
- ⁵ См.: Прохожай И. Когнитивно-прагматические и психолингвистические особенности дискурса радиообмена при выполнении международных полётов : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. С. 9.
- ⁶ Горелов И. Коммуникация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 233.
- ⁷ См.: Гольдин В. Обращение : теоретические проблемы. М., 2009. С. 34.
- ⁸ Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. М., 1973. С. 19.
- ⁹ См.: Molecular Biology of the Cell. 4th ed. N. Y., 2002. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK26821/> 2011/12/05 (дата обращения: 12.02.2014).
- ¹⁰ Левицкий Ю. О логических аналогах грамматических сочинения и подчинения // Вопр. языкознания. 1990. № 4. С. 204.
- ¹¹ Жинкин Н. Речь как проводник информации. М., 1982. С. 53, 150.
- ¹² См.: Формановская Н. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- ¹³ Кормилицына М., Сиротинина О. Обиходно-бытовое общение // Вопросы стилистики : сб. ст. Вып. 28. Саратов, 1999. С. 92–102.
- ¹⁴ См.: Сметюк И. Диалогический текст: коммуникативно-динамический и лингводидактический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1994.
- ¹⁵ Попова Т. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002. С. 24–25.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Рисинзон С. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете. Саратов, 2010. С. 98–100.
- ¹⁸ Сиротинина О. Под влиянием каких факторов происходит реализация языка в конкретном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. Вып. 14. Пермь, 2010. С. 128, 129.

УДК 81'246.2

СТРАТЕГИЯ ВЫБОРА ГЛАВНОГО ФРАЗОВОГО АКЦЕНТА В НЕРОДНОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

Е. Н. Макарова

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург
E-mail: makarova@un@mail.ru

Статья освещает результаты фонетического эксперимента по исследованию позиции интонационного центра в английской речи мексиканцев, изучающих английский язык в условиях естественного языкового окружения, и английской речи русских, находящихся в условиях искусственного билингвизма.

Ключевые слова: интонационный центр, неродная речь, естественное языковое окружение, искусственный билингвизм.

Non-Native Accent Placement Choice Strategy in the Conditions of Natural and Artificial Bilingualism

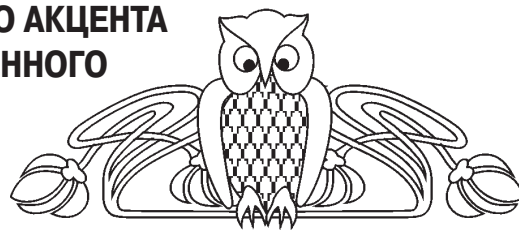
E. N. Makarova

The article discusses the phonetic research of intonation nucleus location in the English speech of the Mexicans learning English in the conditions of natural linguistic environment, and in the speech of the Russian learners who find themselves in the situation of artificial bilingualism.

Key words: intonation nucleus, non-native speech, natural linguistic environment, artificial bilingualism.

Важность правильного использования интонационных средств при общении на иностранном языке несомненна. Именно поэтому растёт интерес ученых к исследованию интонации неродного языка, в том числе в рамках теории языковых контактов. Экспериментальное изучение результатов взаимодействия конкретных языковых систем позволяет глубже понять механизмы реализации интонационных моделей как в родном, так и в иностранном языке, проанализировать сам процесс языкового взаимодействия, детально изучить его результаты и выявить факторы, определяющие степень межъязыкового влияния.

Изучение наиболее фонологически важного отрезка синтагмы – интонационного центра, представляется актуальным по причине его высокой смысловозначительности. Наряду с принадлежностью к категории языковых универсалий, этот участок интонационного контура имеет специфические языковые характеристики. Сопоставительно-типологическое исследование фонологического статуса интонационного центра в неблизкородственных языках представляется интересным с нескольких точек зрения, в том числе в лингвистическом, лингводидактическом и социолингвистическом аспектах. Для проведения экспериментально-фонетического исследования

были выбраны английский, русский и испанский языки, характеризующиеся как общими, так и отличительными речевыми характеристиками в обозначенной области.

Пара языков «английский – русский» демонстрирует много общего в плане интонационного выражения информационной структуры фразы. И в английском, и в русском языках может иметь место сдвиг интонационного центра с финальной позиции влево, в том числе в нейтральной неэмфатической речи, например, для выделения новой для слушающего информации. Вместе с тем необходимо отметить существование некоторых грамматических и интонационных различий между двумя языками, которые находят отражение в несовпадении правил выбора интонационного центра высказывания.

Различия между английским и испанским языками на уровне акцентной структуры фразы более существенны. Испанский язык принято считать языком с фиксированным местом интонационного центра, тогда как интонационная система английского языка характеризуется свободным сдвигом ядерного тона влево. Если принадлежность слова к «новому» в английском языке может, как было отмечено выше, служить причиной его ударности, в испанском языке финальный лексический элемент, принадлежащий к категории «данное», скорее всего будет интонационным центром. По мнению Ф. Диез, функциональная нагрузка интонационного центра в английском языке намного выше, чем в испанском, а различий в системе правил расстановки фразовых акцентов между двумя языками намного больше, чем общих черт¹.

Лингвистические особенности интонационных систем трёх языков позволяют, с одной стороны, прогнозировать случаи положительного переноса правил выбора позиции интонационного центра в неродную речь, а с другой, говорить о возможных трудностях их усвоения. Анализ современных отечественных литературных источников показывает, что в российской интонологии проблеме выбора интонационного центра в английской фразе в лингвометодическом аспекте практически не уделялось внимания.

Актуальным представляется также изучение явления возможной межъязыковой интерференции

на уровне выбора позиции главноударного слова в социолингвистическом аспекте, в том числе с учётом фактора языкового окружения в процессе усвоения неродного языка. Л. В. Щерба в работе «Как надо изучать иностранные языки», посвящённой, в основном, изучению иностранного языка взрослыми, подчёркивает, что «изучение языка вне условий постоянного иностранного окружения... – вещь трудная» и «если бы кто хотел без труда усвоить себе начатки иностранного языка, тот должен был бы приставить к своей особе по крайней мере на год иностранца, который бы не говорил ни слова по-русски и который бы неотлучно при нём находился»². Исследование влияния языкового окружения на усвоение произносительных навыков, несомненно, заслуживает детального изучения, в том числе экспериментальным путём.

Подавляющее большинство отечественных исследовательских работ, посвященных интонационным особенностям речи на иностранном языке, традиционно выполнены на языковом материале, зарегистрированном в речи индивидов, изучающих иностранный язык в условиях опосредованного языкового контакта. Для зарубежных англоязычных исследований последних десятилетий характерно увеличение числа работ по изучению влияния языковой среды на усвоение английского языка. Среди положительных результатов так называемого «языкового погружения» в некоторых из них были названы успешное усвоение иноязычного лексического состава, быстрое овладение устными речевыми навыками и значительное повышение беглости речи. Наибольший интерес как для ученых-лингвистов, так и для преподавателей английского языка, наряду с организаторами языковых программ по обучению английскому языку, представляют данные сопоставительного анализа по овладению основными навыками английской речи в различных языковых окружениях. В отечественной специальной литературе не удалось обнаружить результатов подобных сопоставительных исследований. Количество зарубежных работ такого рода чрезвычайно мало. Наиболее значимыми в этом плане представляются результаты сопоставления испанской речи двух групп американских учащихся, изучающих испанский язык в качестве иностранного в течение одного семестра в Испании и на территории США. Исследуя в числе других языковых уровней произносительный аспект речи, авторы пришли к выводу о том, что отдельные аспекты испанской фонетической системы у представителей обеих групп оказались идентичными. На основании полученных данных исследователи сделали предположение об отсутствии прямых взаимоотношений между типом языковой среды и успешностью развития определенных языковых навыков, утверждая, что такие связи принадлежат к категории сложных и неоднозначных³.

Для определения степени влияния языковой среды на усвоение навыка выбора интонацион-

ного центра в неродной речи был проведён фонетический эксперимент, материалом для которого послужили 190 предложений на английском языке, представляющие собой чётко структурированные простые двусоставные предложения, окружённые контекстом. Исследуемые фразы были представлены для прочтения шести носителям американского варианта английского языка, а также десяти русским дикторам и десяти дикторам-мексиканцам со средним уровнем владения английским языком (Intermediate).

Реализации в исполнении дикторов-американцев должны были выступать в качестве условных эталонов в сравнении с реализациями русских и испаноговорящих информантов по позиции главноударного слова.

Русские дикторы, в отличие от испаноговорящих, изучают английский язык в условиях аудиторного билингвизма. Мексиканские информанты, студенты Техасского университета в г. Эль Пасо (США), осваивают иностранный язык в ситуации естественного языкового окружения.

Для проведения второго этапа эксперимента по восприятию английской речи русских и мексиканцев были привлечены три аудитора – профессиональные лингвисты, носители нормативного американского произношения. Целью аудиторского анализа явилось определение нормативности-ненормативности звучания исследуемых фраз с точки зрения позиции в них интонационного центра.

Русские информанты продемонстрировали сформированность навыка в выборе интонационного центра высказывания, верно определив место главноударного слова в 71% английских фраз от общего количества прочитанного русскими дикторами экспериментального материала. Количество нормативных реализаций, представленных в чтении 10 мексиканских дикторов, составило 26,9%. Соответственно, оставшиеся 73,1% реализованных дикторами-мексиканцами высказываний со смещёнными интонационными центрами были признаны аудиторами-американцами ненормативными по позиции места в них интонационного центра. В целом данные свидетельствуют о низкой сформированности у студентов-мексиканцев навыка выбора позиции главноударного слова в английской речи. Представляется интересным провести классификацию типичных ошибок в речи как русских, так и мексиканцев и выявить причины их появления.

Самую большую сложность для русских дикторов представили английские фразы с предлогами в конечной позиции. Общеизвестно, что в роли интонационного центра в английском языке чаще всего выступают знаменательные части речи. Однако при определённых условиях в неэмпатической речи такая закономерность может быть нарушена и в роли главноударного элемента может выступать любое служебное слово, как, например, в специальных вопросах с предлогом в финальной фразовой позиции:

Where are you *from*? (интонационный центр выделен в тексте курсивом)

Who are they *with*?

В экспериментальных примерах подобного рода русские дикторы смещают интонационный центр на вопросительное слово:

– You'll have to pay for it.

– ЭВ: What *with*?

– ОВ: *What with*?

Интонационный центр в русском языке реализован лишь на единственно возможной лексической единице:

– Тебе придётся за это заплатить.

– *Чем*?

В таких случаях имеет место несформированность навыка в интонационном оформлении английских предлогов, вызванная скорее всего незнанием дикторами правил распределения фразовых акцентов в высказываниях с предлогами в финальной фразовой позиции.

Испаноговорящие дикторы, напротив, не испытывают трудностей в выборе интонационного центра в предложениях такого типа, поскольку главноударность финальной лексической единицы является типичной для их родного языка:

– Vas a tener que pagarlo.

– ¿Con *qué*?

Анализ исследуемого материала, реализованного испаноговорящими дикторами, позволяет выделить две группы фраз, в которых были допущены типичные ошибочные смещения интонационного центра.

Во-первых, это относится к высказываниям, содержащим конструкцию «существительное + инфинитив», а также фразам с обстоятельствами времени в финальной позиции. Правила интонационного оформления предложений с конструкцией «существительное + инфинитив с частицей to» в английском языке не дают возможности сдвига интонационного центра, фиксируя его позицию на имени существительном:

– How is the homework going?

– ЭВ: I've got an *essay* to write.

Сопоставительный анализ английских высказываний и их испанских эквивалентов позволяет сделать вывод о том, что влияние родного языка дикторов-мексиканцев оказывает значительное влияние на выбор главноударного слова в неродной для них английской речи, поскольку в испанском языке позиционный фактор в предложениях такого рода оказывает решающее влияние на место главноударного слова:

– ¿Cómo va la *tarea*?

– Tengo que escribir un *ensayo*.

Мексиканские дикторы при выборе позиции интонационного центра используют правила, действующие в их родном языке, несмотря на то что в испанском эквиваленте главноударно имя существительное «ensayo» (эквивалент английского «essay»):

– ОВ: I've got an *essay* to write.

Позиционный фактор оказывается сильнее, чем совпадение значений лексических единиц двух языков.

Аудиторы-американцы сочли такой перенос интонационного центра совершенно недопустимым. По их мнению, такие высказывания звучат неестественно. Высокая предсказуемость глагола «to write» препятствует его выделению главным фразовым акцентом.

Фразы с обстоятельствами времени или места в финальной фразовой позиции, которые в английском языке, как правило, безударны, также вызвали трудности у испаноговорящих информантов. Их перевод на испанский язык может быть выполнен в нескольких вариантах. Например, для реплики-ответа из микродиалога

– What are you going to do?

– ЭВ: We are flying to *Barcelona* tomorrow
возможны следующие варианты перевода:

– ¿Qué van a hacer?

– *Mañana* volamos a Barcelona.

– Volamos a Barcelona *mañana*.

Дикторам-мексиканцам было предложено прочитать оба варианта перевода. В их реализациях интонационный центр всегда расположен на последнем слове:

– *Mañana* volamos a *Barcelona*.

– Volamos a *Barcelona* *mañana*.

Информанты-мексиканцы используют правило главноударности финального слова, столь характерное для испанского языка, и в речи на неродном английском языке:

– What are you going to do?

– ОВ: We are flying to *Barcelona* *tomorrow*.

Аудиторы-американцы считают, что выделение обстоятельства времени в рамках предложенного контекста является неоправданным. Перенос интонационного центра вносит в звучание фразы противопоставление, которое является в данном случае неуместным, и фраза звучит, по оценке auditors, «странно» и «нелепо». Общий смысл высказывания понятен, однако неуместный элемент противопоставления может заставить слушающего, по мнению auditors, усомниться в коммуникативном намерении говорящего.

Аудиторы-американцы предложили иное контекстное окружение, позволяющее сместить интонационный центр на обстоятельство времени:

– Are you flying to *Barcelona* on *Friday*?

– We are flying to *Barcelona* *tomorrow*.

Предложения с обстоятельствами времени в конечной фразовой позиции не представили сложностей для русских дикторов скорее всего потому, что правила интонационного оформления этих лексических единиц в русском и английском языках совпадают:

– Что ты собираешься делать?

– Мы улетаем в *Барселону* завтра.

В таких случаях можно говорить о положительном переносе правил выбора главноударного

слова из родного языка информантов на определение его позиции в иностранном языке.

Проведённый анализ свидетельствует о том, что лингвистический фактор, а именно особенности расстановки фразовых акцентов, действующие в родном языке дикторов-мексиканцев и русских информантов, оказывают более значительное влияние на выбор главноударного слова в английской речи, чем условия изучения английского языка, в которых они находятся. Несущественность фактора языкового окружения для усвоения навыка выбора интонационного центра в английской неродной речи подтверждает значительное количество ненормативных сдвигов в английской речи дикторов-мексиканцев (более 73%) и сравнительно небольшое их число в английской речи русских (29%). Существование отличий в интонационных системах английского и испанского языков способствует проявлению межъязыковой интерференции в английской речи мексиканцев. Русские дикторы могут не испытывать сложностей в выборе позиции интонационного центра, реализуя главный

фразовый акцент согласно идентичным правилам расстановки фразовых акцентов, действующих в их родном языке.

Данное исследование может служить основой для дальнейших изысканий в рассматриваемой области. Несомненно, что для подтверждения полученных выводов необходимо дальнейшее экспериментальное исследование с привлечением большего количества информантов и расширением экспериментального материала.

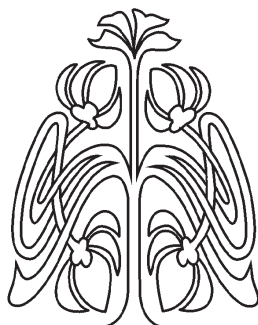
Примечания

- ¹ См.: *Diez F. G.* Intonation Focus in the Interlanguage of a Group of Spanish Learners of English // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 2005. Vol. 18. P. 129–147.
- ² *Щерба Л.* Как надо изучать иностранные языки. М., 1929. С. 9.
- ³ См.: *Segalowitz N., Free B.* Learning Spanish at home and study abroad contexts // *Studies in Second Language Acquisition*. 2004. Vol. 26. P. 173–199.

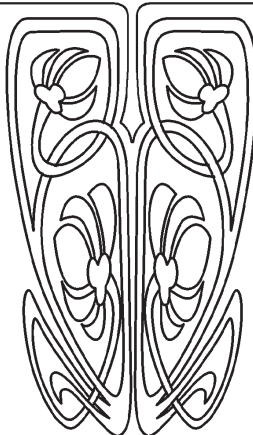

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 95-летию А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

А. И. Солженицын в Саратовском университете, 13 сентября 1995 г.
Слева от писателя – директор ЗНБ СГУ В. А. Артисевич. Фото В. В. Суворкова

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Знакомство студентов и преподавателей Саратовского университета с творчеством А. И. Солженицына произошло в 60-е гг. Этому посвящена статья В. В. Прозорова, открывающая тематический выпуск журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика», посвященный 95-летию писателя.

В сентябре 1995 г. Александр Исаевич Солженицын побывал в Саратове. В стенах Саратовского университета прошла встреча с писателем, запомнившаяся многим. Разговор был настолько значительным, что позднее текст выступления А. И. Солженицына был включен в сборник его публицистики (*Солженицын А. И. Встреча в Саратовском университете (13 сентября 1995) // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. Публицистика : На Западе. 1990–1994 ; В России. 1994–2003. М., 2005. С. 321–333*). Тогда же Нижне-Волжская студия кинохроники сняла фильм о пребывании Солженицына в Саратове, автором которого была выпускница филологического факультета Наталья Абрамова, а режиссёром – Дмитрий Алексеевич Луньков.

Более двадцати лет изучением творчества А. И. Солженицына в Саратовском университете занимается кафедра новейшей русской литературы Института филологии и журналистики. С 1998 г. каждые пять лет кафедра проводит научные конференции «А. И. Солженицын и русская культура».

Первая межвузовская конференция прошла 9–11 декабря 1998 г. Она была приурочена к 80-летию писателя. По материалам конференции в 1999 г. был издан сборник научных трудов под ред. А. И. Ваниюкова (А. И. Солженицын и русская культура : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1999). На этот сборник откликнулся сам А. И. Солженицын, прислав благодарственное письмо его редактору: «8.10.99. Уважаемый Александр Иванович! Благодарю Вас за присланный саратовский университетский сборник. Я прочел его. Благодарю всех участников. Весьма интересны статьи Шешуновой, Аркадакского, Кормилицыной, Захаровой, Коробейниковой. А также и – Дроновой, Герасимовой, Посадской, Одинцовой, Ушаковой, Филиппова, Долгова, Вилкова, Яброва. Взамен и в благодарность посылаю Вам одну из последних моих книг, которой в Саратове, я думаю, еще нет. Мои добрые пожелания всем Вашим сотрудникам по кафедре и по сборнику. А. Солженицын. Тепло вспоминаю Саратовский университет».

24–26 июня 2002 г. на филологическом факультете был проведен Всероссийский научный семинар, посвященный 40-летию литературно-общественной деятельности писателя. Материалы семинара нашли отражение в сборнике научных докладов, увидевшем свет в 2004 г. (А. И. Солженицын и русская культура : Научные доклады. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004).

Всероссийская научная конференция, проходившая в Саратовском университете 20–21 ноября 2008 г., планировалась как юбилейная, но оказалась посвященной уже памяти писателя, так же как и сборник, который вышел в 2009 г. под редакцией Л. Е. Герасимовой (А. И. Солженицын и русская культура : сб. науч. тр. Саратов : Изд. центр «Наука», 2009). Тогда же был проведен круглый стол, посвященный 90-летию А. И. Солженицына, в Доме русской литературы XX в.

В эти же годы преподаватели кафедры новейшей русской литературы неоднократно участвовали в международных научных конференциях и семинарах, проходивших в Москве в Доме русского Зарубежья и в Санкт-Петербурге («Александр Солженицын : проблемы творчества» (Москва, 17–19 декабря 2003 г.); «Путь А. И. Солженицына

в контексте Большого Времени» (Москва, 4–6 декабря 2008 г.); «Академик А. И. Солженицын. К 90-летию со дня рождения» (Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2008 г.) «Жизнь и творчество Александра Солженицына : на пути к “Красному Колесу”» (Москва, 7–9 декабря 2011 г.) «“Ивану Денисовичу” – полвека : к 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына» (Москва, 15–16 ноября 2012 г.)).

За прошедшие двадцать лет изучение творчества А. И. Солженицына стало одним из направлений научной работы кафедры. Преподавателями опубликовано более семидесяти научных статей, посвященных разным аспектам творческого наследия писателя. Итогом многолетних исследований стали монографии Л. Е. Герасимовой «Этюды о Солженицыне» (Саратов : Новый ветер, 2007) и Г. М. Алтынбаевой «Литературная критика А. И. Солженицына» (Саарбрюккен : Lap Lambert, 2011). Ознакомившись с монографией Л. Е. Герасимовой, А. И. Солженицын в письме от 24 мая 2007 г. выразил автору благодарность «за пристальное внимание» к его работам.

Под руководством Людмилы Ефимовны Герасимовой защищены две кандидатские диссертации: О. В. Гаркавенко «Христианские мотивы в творчестве А. И. Солженицына» и Г. М. Алтынбаевой «Литературная критика А. И. Солженицына: проблемы, жанры, стиль, образ автора» а также более десяти дипломных работ.

В 2009 г. Г. М. Алтынбаева стала победителем конкурса Грантов Президента на поддержку молодых ученых – кандидатов наук (МК-776.2009.6). По результатам проведенного исследования было издано учебное пособие «Эстетика и поэтика русской литературы XX века в теоретическом и художественном осмыслении А. И. Солженицына» (Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2010).

Весной 2012 г. на сайте кафедры новейшей русской литературы создана страница «Александр Исаевич Солженицын в Саратове» (<http://www.sgu.ru/structure/philological/kafxxvek/i-solzhenicyn-v-saratove>), цель которой – собрать, систематизировать и представить всю информацию о пребывании писателя в нашем городе и об изучении творчества А. И. Солженицына в Саратовском университете.

Публикуемые далее статьи являются материалами прошедшей 20–21 ноября 2013 г. Четвертой Всероссийской научной конференции «А. И. Солженицын и русская культура», отчет о работе которой также помещен в этом номере журнала.

И. Ю. Иванюшина

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Автор по собственным воспоминаниям и документальным источникам воспроизводит историю восприятия повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» участниками саратовского университетского кружка первой половины 1960-х гг. под руководством замечательного филолога, доцента кафедры русской литературы СГУ Т. И. Усакиной.

Ключевые слова: столетие гуманитарного образования в СГУ, Т. И. Усакина, кружок новинок журнальной литературы, «Новый мир» А. Т. Твардовского, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына.

A. I. Solzhenitsyn at Saratov University: the 1960s

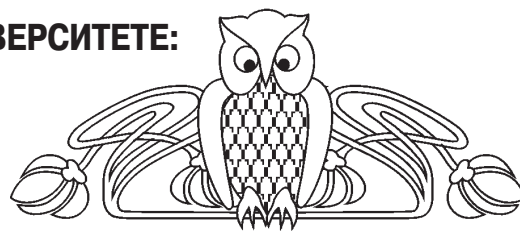
V. V. Prozorov

Based on his own recollections and on documented sources the author reconstructs the history of how A. I. Solzhenitsyn's short novel «One Day In the Life of Ivan Denisovich» was perceived by the members of Saratov University literary club of the first half of the 1960s, under the supervision of a wonderful philologist T. I. Usakina, Assistant Professor of the Chair of the Russian literature of Saratov State University.

Key words: a centenary of humanities education at Saratov State University, T. I. Usakina, club of the journal literature latest publications, A. T. Tvardovsky's *Noviy Mir* (New World), «One Day in the Life of Ivan Denisovich» by A. I. Solzhenitsyn.

Скоро, летом 2017 г., саратовские филологи и историки отметят столетие гуманитарного образования в нашем университете, и сегодняшняя задача – бережно восстановить по памяти, по сохранившимся документальным материалам и публикациям существенные страницы, абзацы и строки прошедших десятилетий. Об одной из таких строк и пойдёт речь.

Шестидесятые годы XX века – время многосложных превращений в нашей университетской гуманитарной жизни. Безвременный уход на пенсию основоположника саратовской филологической школы А. П. Скафтымова. Грустный для саратовских филологов, но неизбежный отъезд в Москву после десятилетней работы в Саратовском университете бывшего узника ГУЛАГа Ю. Г. Оксмана. Расцвет творческой работы Е. И. Покусаева, первого поколения его учеников и соратников, среди которых – О. И. Ильин, В. П. Барцевич, А. А. Жук, Е. П. Никитина, Г. В. Макаровская, Г. Н. Антонова... Стойкое и пристрастное увлечение вечно неблагонадёжным Салтыковым-Щедриним. Учреждение кафедры советской литературы, в задачи которой входило

соблюдение властью предустановленных правил и норм идеологической выдержанности. Встречи в неизменно переполненной знаменитой девятой аудитории четвертого корпуса на Радищевской улице с К. А. Фединым, С. А. Макашиным, И. М. Машбиц-Веровым, Ю. М. Лотманом, В. Я. Кирпотиним, А. С. Бушминым... Брожение студенческих умов. Самодеятельный университетский театр: талантливые постановки филологом Марком Зильберманом «Клопа» Владимира Маяковского, «Дракона» Евгения Шварца, «Белой болезни» Карела Чапека... Многочисленные филологические кружки...

Среди них – один, от всех отличный: кружок новинок журнальной литературы. Кружок этот в первой половине 1960-х гг. по собственной инициативе (освященной авторитетом заведующего кафедрой русской литературы Е. И. Покусаева) в студенческом общежитии на Вольской, 18/2 вела Татьяна Ивановна Усакина.

Недавний свой отмеченный высоким и щемяще личным лирическим пафосом очерк о Татьяне Ивановне Б. Ф. Егоров озаглавил цитатой-строкой из хрестоматийного некрасовского стихотворения о Белинском «Упорствуя, волнуясь и спеша...»¹. Очень точный заголовок! Поэтический контекст у нас на памяти:

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шёл к одной высокой цели;
Кипел, горел и быстро ты угас!..

Ей суждено было прожить 35 лет. Т. И. Усакина (1931–1966) – талантливая ученица Скафтымова и Оксмана, кипуче деятельная, вдохновенная и ироничная, предельно требовательная к себе и к своим ученикам, прочно снискавшая искреннюю симпатию и любовь студенческой аудитории. Она основательно, искусно и тонко исследовала философские искания В. Г. Белинского, А. И. Герцена, молодого М. Е. Салтыкова, В. Н. Майкова, писателей-петрашевцев, других русских литераторов 1840-х гг.² Т. И. Усакина «природно была создана для интенсивного впитывания российской и мировой культуры, для творческой переработки знаний и чувств и для щедрой отдачи приобретённого людям, в первую очередь отдачи ученикам, студентам. И её живая

натура светилась и лучилась, невольно притягивая к себе окружающих», – пишет Б. Ф. Егоров³. «С тем же зарядом учительского энтузиазма и выработанных опытом классики строгих эстетических критериев обращалась Т. И. Усакина и к литературе советской. В сущности, она жила настоящим, в её гражданском самочувствии как-то сами собою сливались прошлое и современность, история и кипящая злободневность. Руководимые Т. И. Усакиной кружковцы, участники жарких литературных дискуссий в студенческом общежитии, умели по-настоящему оценить талантливое произведение советского искусства и порадоваться успеху его создателя», – вспоминал в предисловии к посмертно изданной книге трудов Татьяны Ивановны Е. И. Покусаев⁴.

Как и многие университетские учёные-педагоги тех лет, она жила в перенаселённом студенческом общежитии⁵. Шестнадцатиметровая комната в шумной четырёхэтажной коммуналке с нехитрыми и часто выходящими из строя «удобствами» в конце коридора, с общей кухней на две-три плиты, с непременно «красным уголком», в котором студенты и аспиранты занимались, проводили собрания, встречи, по выходным устраивали вечера отдыха... В этой комнате и собирались регулярно усакинские кружковцы: студенты разных курсов, аспиранты, филологи и историки. Всякий раз нас было человек 20–25. Обходились без особых настенных объявлений, усердных зазываний и специальных приглашений. Узнавали о кружке быстро, друг по другу. Всё решал авторитет Татьяны Ивановны, помноженный на наш острый интерес к общественно-литературно-журнальным спорам 1960-х гг.

Объединяли раздумья, связанные с недавней и вовсе не остывшей ещё нашей историей (с так называемым периодом «культы личности») и с той обнадеживающе необычной, тревожной и быстротекущей современностью («оттепелью»), в которой мы оказались. Объединяли симпатии ко многим честным публикациям в журнале «Новый мир» А. Т. Твардовского и неприязнь к постоянным, численно явно превосходящим, трескуче-пустословным, официозно доносительским выступлениям оппонентов этого журнала.

Загодя знакомились мы с очередными журнальными книжками, сосредоточивали внимание на заранее определенных Татьяной Ивановной текстах, и на наших сходах по вечерам (раза два в месяц) – свободная дискуссия, откровенный разговор по душам, общежитская бытовая непосредственность и почти домашность...

На кружке охотно говорили не только о литературе. Понимали, что подчас в своих рассуждениях переходим черту дозволенности, что среди нас могут быть штатные и добровольные осведомители. Интересно, что ничего необычного в этом не усматривали. Это как бы в порядке вещей было. Только задору прибавляло и того состояния души, которое Солженицын много поз-

же (применительно как раз к той эпохе) назовёт «общественным сердцебиением».

Секрет обаяния Татьяны Ивановны заключался в том, что, страстно задавая тон разноголосым обсуждениям, она умела слушать каждого внимательно и **поощрительно**. Мы чувствовали, что ей искренне интересны наши пусть и не очень ловко, но, как нам казалось, безошибочно честно сформулированные мысли и оценки. Сама она никогда не уклонялась от острых социальных тем (иногда даже в ущерб художественной состоятельности обсуждаемых произведений, как, например, в случае с некоторыми громкозвучно гражданскими и поэтически слабыми стихотворениями Евгения Евтушенко: «Баллада о браконьерстве» и др.). Спорила темпераментно, отстаивая заветное. Повесть Сергея Зальгина «На Иртыше», проза Павла Нилина, Георгия Вадимова, Фёдора Абрамова, критические статьи Владимира Лакшина, Игоря Виноградова, Юрия Буртина...

По не зависевшим от редакции цензурным обстоятельствам (об этом все догадывались, и это придавало журналу Твардовского особое обаяние преследуемой и стойкой оппозиционности) номера «Нового мира» хронически запаздывали к читателям. Ноябрьский том за 1962-й пришёл в Саратов в середине января 1963-го. Привычная суэта экзаменационной сессии. Очень хорошо помню, как Т. И. Усакина при встречах с нами в коридорах учебного корпуса и общежития убеждённо наказывала: «Непременно прочитайте “Один день Ивана Денисовича”! Эту вещь нельзя откладывать на потом!»

Нашу встречу она предложила провести в самом начале второго семестра, в феврале.

Народу собралось непривычно много. И сразу же, помню, после очень короткого взволнованного вступительного слова Т. И. Усакиной у нас возникло отчётливое ощущение неловкости: не нам, благополучным и сытым, о той страшной жизни рассуждать. Очень трудно было высказываться вслух. Сражённые прочитанным, все говорили тише обычного, едва ли не вполголоса, делились впечатлениями всё больше не литературными. Каждый вспоминал своё. Я тоже.

Помню, как в нашу домашнюю коммуналку во второй половине 1950-х вернулся сосед, Сергей Фёдорович Степанов. «Враг народа». Реабилитированный. После долгих лет лагерей и ссылки. Предельно молчаливый и угрюмый. Казалось, в нём тихо умирает тяжкая тайна. Помню, как пережил я скупой рассказ своего дяди с материнской стороны, сильно большого человека, подполковника в отставке, Михаила Алексеевича Емельянова, о диковинных, душу раздирающих пытках в ежовских застенках, об изощрённом выколачивании «признаний»... Впечатления кошмарные...

А тут, у Солженицына, – вся жизнь в одном дне, жизнь обыкновенная – режимная: голая степь, колючая проволока, тридцатиградусный мороз, «восьмиведёрные параша», цынга, большие ры-

бы глаза, плавающие в баланде, шмон, конвой, вертухаи, придурки, стукачи... Карцер! «Десять суток ... карцера, если отсидеть их строго и до конца, – значит на всю жизнь здоровья лишиться». Страшная, необозримая планета ГУЛАГ. «Но люди и здесь живут».

Кто-то из кружковцев тихо заметил: «К чему только человек ни привыкает и уже не замечает дикости окружающей нас жизни». Мысль эту Татьяна Ивановна горячо подхватит. Трагический парадокс: каторжный лагерь, а «свободы здесь – от пуза»: сколько хочешь – ори про «бабку усатого», «стукачи того не доносят, оперы рукой махнули». Но главное – это то, что повесть, скажет она, – о человеческом достоинстве и даже, если хотите, о деликатности и такте, которые способны сохраниться в людях в бесчеловечных условиях. Всё, к чему мы так привыкли в общении с художественными текстами, – настаивала Т. И. Усакина, – всё это – литература. А повесть Солженицына – больше, чем литература. Это настоящее откровение о человеческих силах и возможностях. Главное: что бы ни случилось в жизни – не затоптать бы в нас людей!

С этого негромкого разговора в красном уголке общежития молча расходились кто по комнатам, кто (со стороны пришедшие) по своим домам. Вроде б собрались, как обычно, пообщаться в собственное удовольствие, а тут... совершенно новые ощущения, новая правда про искорёженную жизнь, да к тому ж привычную, укоренившуюся и... почти, страшно сказать, счастливую. Про **нашу** жизнь? Страшно. Дико. Зябко...

Вскоре после этого в журнале «Новый мир» (1963, № 1) напечатаны были рассказы Солженицына «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка», которые тоже стали предметом подробного и откровенного обсуждения на кружке.

Потом, в самом конце 1963 г., было выдвижение повести на высшую премию страны – Ленинскую. «Ещё через два года, – позже иронически отметил Солженицын, – всем станет ясно, что это – грубая политическая ошибка, оскорбление ленинского имени и самого института премии»⁶. А тут ещё началось обсуждение, «всенародное». Стремительно клонилась к закату странная хрущёвская пора. Над «Иваном Денисовичем» собирались мрачные тучи... В центральных и местных газетах появлялись редкие письма, авторы которых поддерживали и защищали Солженицына. И в противовес им охотно и обильно печатались истошно негодующие (повсеместно организовывавшиеся), клеветнические отклики-окирки.

Т. И. Усакина предложила кружковцам подписать письмо **в поддержку** Солженицына. Мы все по этому случаю собрались. Чувствовали себя призванными к серьёзному шагу. Татьяна Ивановна прочитала то, что написала сама. Предупредила: каждый, подписывая обращение в комитет по Ленинским премиям и в редакцию «Нового мира», поступает исключительно добровольно...

Обменялись впечатлениями. Двое колебались. В итоге один решительно отказался без объяснения причин...

В моей статье, написанной для университетской многотиражной газеты «Ленинский путь» в поддержку Солженицына, приведены короткие отрывки из выступлений однокружковцев:

Викт. Березнёв: «Один день» прочитали все, кто хоть немного пристрастился к чтению. Подавляющее большинство читателей приняло повесть.

Натан Тамарченко: основная проблема «Одного дня» – народная мораль. Мысль, утверждаемая Солженицыным, решительно противостоит философии культа личности, согласно которой идеал в целом достигнут и могут быть лишь частные с ним несоответствия.

Т. И. Усакина: сила повести Солженицына в том, что суровый трагизм, изображённый в ней, не заслоняет большой философской правды о народных основах социалистического строя, мировоззрения и морали⁷.

В самом письме Т. И. Усакиной (как и во многих публикациях в поддержку Солженицына, например, в известных новомирских статьях В. Я. Лакшина и др.) было немало «идеологем», обязательных для официальных публичных обращений по такому поводу. Непременно говорилось и про «великие исторические сдвиги, которые произошли в сознании общества после XX и XXII съездов Коммунистической партии», и про «беспощадную ленинскую правдивость», и про «диалектическое, марксистское понимание» жизни, и про литературу как «нравственное обеспечение коммунизма» и т. п.

Впрочем, эти и другие оценки носили не только и даже не столько вынужденный, камуфлирующий характер. Была в них своя правда – смущавшая душу, тревожная правда ищущей и самой себя страшящейся мысли. Т. И. Усакина писала: «Повесть заставляет думать об ответственности перед народом, открывает новые горизонты в наших представлениях о гуманизме, демократизме, соотношении этического и эстетического, обращает к раздумьям о чистоте нравственного чувства и совести». Это были тогда для неё и для нас не пустые слова...

Под обращением подписались 23 человека, включая, разумеется, и Татьяну Ивановну. Среди подписавшихся Владимир Мизгин, Натан Тамарченко, Фрид Рашитов, Нина Пушкарская, Лариса Крымская, Ася Айзенберг, Алевтина Кукушкина (Березнёва), Нина Егорова (Аркадакская), Николай Голяков, Светлана Ермолаева, Лев Ленчик, Валентина Ракита, Владимир Глебов, Галина Яхина, Александр Россомахин, Виктор Дубовицкий, Виктор Березнёв... Будущие известные школьные учителя, вузовские педагоги, литераторы, журналисты, музейные, библиотечные работники. Каждый из нас понимал, что совершает не бог весть какой, но поступок...

И самое последнее: у меня на руках остался порядком потрёпанный экземпляр «Нового мира» с «Одним днём Ивана Денисовича», снабжённый университетским штампом: «Библиотека кафедры литературы». История его появления у меня такова. В 1974 г. все публикации произведений Солженицына по распоряжению «сверху» стали, как водилось тогда, усердно изымать из «открытого» доступа в библиотеках и уничтожать. В один из дней, предшествовавших строгой процедуре изъятий, старший лаборант кафедры русской литературы, почтенная и язвительно-невозмутимая Евдокия Матвеевна Гончарова (вдова ректора СГУ Даниила Ивановича Лучинина, ушедшего в июле 1941 г. на войну и там вскоре погибшего) как-то очень осторожно, с заговорщицким видом подозвала меня на факультете и вполголоса сообщила, что новоирусские журналы с Солженицынскими публикациями скоро будут «удалены» (я хорошо запомнил это её деликатно-саркастическое слово) из кафедрально-кабинетных собраний, а этот «зачитанный, замусоленный, вконец истрёпанный» (его и удалять-то, мол, неудобно) экземпляр пусть хранится у вас, его усакинские кружковцы из рук в руки передавали в своё время. Вы ведь это хорошо помните...

С той поры памятный и вконец отработавший своё том «Нового мира» хранится у нас дома.

Примечания

- ¹ Егоров Б. «Упорствуя, волнуясь и спеша...» Очерк о Т. И. Усакиной // Егоров Б. Воспоминания-2. СПб., 2013. С. 241–256.
- ² См.: Манн Ю. [Рец.] // Новый мир. 1966. № 6. С. 280–281 ; Галаган Г. Исследование о петрашев-

цах // Вопр. литературы. 1966. № 12. С. 208–211 ; Егоров Б. История – философия – литература // Вопр. литературы. 1969. № 8. С. 228–230 ; Душина Л. Татьяна Ивановна Усакина // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги Саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 268–286 ; Демченко А. Усакина Татьяна Ивановна // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 : материалы к биографическому словарю / сост. В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. Саратов, 2010. С. 244–246.

- ³ Егоров Б. «Упорствуя, волнуясь и спеша...»... С. 250.
- ⁴ Покусаев Е. О Татьяне Усакиной // Усакина Т. История, философия, литература (Середина XIX века). Саратов, 1968. С. 8.
- ⁵ Сегодня Т. И. Усакиной и другим замечательным саратовским университетским преподавателям – филологам и историкам, чья судьба многие годы была непосредственно связана с этим домом, посвящена памятная доска, в честь 100-летия СГУ по инициативе профессора Е. Г. Елиной установленная у входа в то самое (сегодня заметно перестроенное и обновлённое) общежитие № 2 по Вольской улице.
- ⁶ Цитирую по экземпляру книги: Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Paris, 1975. С. 81. На титульном листе книги – автограф, оставленный А. И. Солженицыным в его знаменательный приезд в Саратов в сентябре 1995 г.: «Учебной библиотеке филологического факультета Саратовского университета. А. Солженицын. 13.9.95».
- ⁷ Прозоров В. Талантливая повесть. На соискание Ленинской премии // Ленинский путь. Саратов, 1964. № 12. С. 4. О работе кружка Т. И. Усакиной см. также: Прозоров В. Юбилей «Нового мира» // Ленинский путь. Саратов. 1965. № 9. С. 4.

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

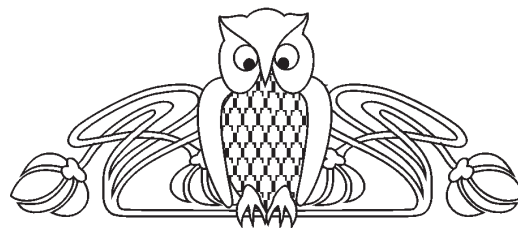
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Л. Е. Герасимова

Саратовский государственный университет
E-mail: natagerasimova@yandex.ru

В статье рассматриваются семантическое и композиционное значение художественных образов, природа художественного слова в публицистике А. И. Солженицына. Картина современного мира, создаваемая Солженицыным-публицистом, анализируется в её динамике и её константах; особое внимание обращается на приёмы диалогического переосмысления ключевых философских категорий конца XX в.: плюрализм, самовыражение, пуэста.

Ключевые слова: Солженицын, публицистика, художественный образ, ритм, диалогизм, картина мира, «идеологическое поле», «сквозняки» XX в.

Literary Word in A. I. Solzhenitsyn's Opinion-based Journalism

L. Ye. Gerasimova

In the article the author regards the semantic and composition meaning of the artistic images, as well as the nature of the artistic word in A. I. Solzhenitsyn's opinion-based journalism. The picture of the modern world created by Solzhenitsyn as an opinion journalist is analyzed in its dynamics and its invariables; special attention is focused on the techniques of dialogical review of the key philosophical

categories of the end of the XX century: pluralism, self-expression, emptiness.

Key words: Solzhenitsyn, opinion-based journalism, artistic image, rhythm, dialogism, world picture, «ideological field», XX century «draughts».

«Восхищения и возмущения мешают людям оценить художественную гениальность и постичь природу её, – писала в 1976 г. Л. К. Чуковская А. И. Солженицыну, прочитав III том «Архипелага ГУЛаг», – <...> для того чтобы анализировать, надо привыкнуть, перестать обжигаться – а мы прикованы к смыслу, сведениям, обжигаемся болью – и способны только на такие риторические восклицания, как мой “прорыв немоты”»¹.

«Страстный покой», необходимый, по мнению Лидии Корнеевны, для проникновенного анализа, труднодостижим, но неостановимо стремление исследователей постичь природу творческого дара Солженицына в его оттенках и целостности.

Публицистику свою А. И. Солженицын всегда считал делом вынужденным и второстепенным. Тем интереснее её поэтическое родство с художественной прозой писателя, её образные скрепы в метатексте всего его творчества.

Образное слово Солженицына-публициста рождается в напряжённо-динамичном ритме, темпе речи. С. С. Аверинцев вспоминал, как он, услышав голос Солженицына по радио, был озадачен, первоначально чуть ли не отпугнут «стремительностью <...> не столько темпа речи, сколько темпа души: presto, prestissimo»². А. И. Солженицын придает ритму не только нарратологическое, но и метафизическое значение: «... а есть ли у художника более высокая задача, чем делать слышимым ритм миропорядка?»³ Поэтому так дорожит он многообразием ритмов, темпов повествования в художественной прозе. О начальных главах «Августа Четырнадцатого», о темпе повествования, передающем темп жизни, автор говорит: «... вот такой темп был и никогда больше не будет»⁴.

В публицистике Солженицына строй души, волевой упор *прямо, непосредственно* определяют ритм текста.

Отсюда, может быть, и особое свойство солженицынских глаголов – их «векторность», ускорение движения⁵: «Отчего же *зинула* эта пропасть?» (7, 21); «Россия *крахнула* в Февральскую революцию» (8, 409); «Мы все должны *протиснуться* через этот ужас» (7, 367); «*извихнулся* из трёхсотлетнего гнезда» (о Николае II) (7, 399); «несчастные дилетанты Февраля <...> уже тогда власть и *обронили*» (8, 385); идеология «... *ознобила* три четверти Земли» (7, 45); «Большевики *издёргали, искрутили и изожгли* наш характер» (8, 204); «... ликование *звизхрило* 1991 год» (РО, 3); «и *выхлестывало* в раздражение: «Государство занялось грабежом»» (РО, 9); «наш образованный слой уже в течение XIX века весь *откинулся*,

отклонился от религии» (8, 498). Столь же образно-динамичны и причастия, прилагательные, отглагольные существительные: «*прокатанное* по нам столетие» (РО, 203); «*обезбожившее* человечество» (7, 429); «*оскалившиеся*» духовные опасности (7, 164); «*разливистая* демократия» (8, 33); «*свистящее* одиночество» (8, 101); «*исчерпание* культуры» (8, 425).

Динамика истории передается в публицистике Солженицына художественными образами, сквозными для всего его творчества. Иногда они рождены в художественной прозе и подхвачены в публицистике, иногда – наоборот. Один из таких образов – «*вихрь века*» – проходит через все тома «Красного Колеса». Космический вихрь, противоборство хаоса и космоса: «Когда раскручивается грандиозное, почти космическое колесо, оно захватывает в себя целый народ и целые народы...» (7, 348–349). В этом же значении образ революционного вихря не раз встречается и в публицистике. Но здесь он ещё и расслаивается, видоизменяется. Художественное слово-образ развёртывает всё новые значения. О состоянии жизни, об ударе по народному сознанию в начале 30-х гг. XX в.: «Это была *смена воздуха*, конец человеческих отношений, ничего понять нельзя, и непонятно, как дальше жить» (8, 222); об идеологии: «*тёмный вихрь «передовой идеологии»* налетел на нас с Запада в конце прошлого века, достаточно потерзал и разорил нашу душу» (7, 68). О нарастании секуляризма в мире: от «*тонко-ядовитого ветерка секуляризма*» (7, 332) до «*трёхвекового ветра Просвещения*», до «*злого духа*», который «победно кружит смерчем над всеми пятью континентами»: «Весь XX век втягивается в *крутящую воронку атеизма и самоуничтожения*» (7, 332 – Темплтоновская лекция). Солженицын остро ощущает и метафизические «*сквозняки для зла*, которые сегодня и продувают свободно» (7, 251), и привычно-желанное для современной цивилизации «общее направление симпатий (*ветер века*), общепризнанные допустимые границы суждений...» (7, 245). Он говорит и о «*потоке ... Освобожденческой идеологии*», которому на момент поддался сам (7, 289). Художественный образ стягивает все слои жизни: от метафизического до бытового (*поветрия* мировой журналистской моды), передавая ощущения кризиса – «одного всеобъемлющего духовного кризиса, – как писал протоиерей Александр Шмеман, – суть которого, на последней глубине его, – как раз в страшном, трагическом затемнении *человеческого лица*, в отрыве человека от духовной его сущности и назначения». «И именно в *явлении* этого кризиса, а также в подвиге его преодоления – главное в солженицынском творчестве», – заключает Шмеман и справедливо утверждает, что ни одна из частей творчества Солженицына «не может быть по-настоящему услышана вне этого целого и главного»⁶. Потому такими плоскими оказываются попытки и российских, и западных

критиков свести к политике ту или иную статью Солженицына.

В солженицынской картине мира особое место занимает образ обрыва. С. В. Шешунова обнаружила в «Красном Колесе» богатую семантику обрыва: это и значение красоты Творения, когда «видишь – так много России сразу, как не бывает повседневно» (Воротынцев в финале «Красного Колеса»); и значение угрозы, всеобщей опасности; и обрыва между людьми, когда все тянут врозь; и преддверия беды; и места выбора: вверх или вниз. Авторское «На обрыве повествования» – это и внезапное окончание, и высшая точка обозрения⁷. В главе «Воротынцев на могилёвском Валу» исследователь отмечает «двойственную семантику обрыва» («в противоречивом чувстве обречённости и освобождения»⁸).

В публицистике Солженицына вторая часть противоречия присутствует имплицитно. На первый план выдвигается значение опасности, крайней угрозы человечеству, края, к которому подошла Россия. Даже о высокой хронологической точке Солженицын говорит: «Смутен же обрыв Тысячелетия христианства на Руси» (РО, 186). В публицистике 1990-х – 2000-х гг. семантика обрыва – прерывание, падение с высоты, расширение «мировой трещины» (7, 189), обвал («Россия в обвале»; «обвал мироздания» (8, 329); «нравственный провал» (8, 228); «*пропасть*, в которую опал народный дух» (8, 336); «*обрушино* потеряли собственно русский язык» (8, 205)). Семантически близки к образу обрыва и другие – масштабностийные, «геологические» – образы: «*размыв жизни*» (РО, 3); «наше национальное *распыление*» (РО, 185); «*разрывы* российских пространств» (РО, 5); «*разломная* и засорённая обстановка» (РО, 180); «трещина – впад в бездну» (7, 188).

Солженицын-публицист не назидает, не проорочит, а болью своей сливаясь с болью народной, дочерпывает до дна: «... не уклонимся осознать и страшней: русский народ в целом потерпел в долготе XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное»⁹. Но: «Дух – способен изменить направление любого, наигибельного процесса. Откатить и от самого края бездны»¹⁰. Тон последней главы книги «Россия в обвале» – тон свидетеля и страдателя, знающего над собой Божью милость, – убеждает не меньше фактов: «...есть у русских надежда. Не отнята»¹¹. Надо «успеть найти направление выхода и направить силы к нему»¹². Не случайно заключительная 36-я глава названа «Строительное» – духовное устройство, «строй души» прежде всего.

В публицистике Солженицына особое значение приобретает сплав понятия и образа. Некоторые понятия-обобщения столь объёмны и реальны, что становятся образами, входят в повседневный язык, эмоционально окрашиваясь в речи разных общественных групп. «Образованщина» – с какими только оттенками не употребляется этот образ-понятие! Саркастическое обозначение

«наши плюралисты» рождалось у Солженицына в полемике с современным пониманием плюрализма как высшего жизненного принципа, в подробном анализе пропагандистских «исторических» сочинений авторов из третьей волны эмиграции, постепенно выросло в собирательный образ борца за плюрализм «вообще», скатывающегося к у н и ф и ц р о в а н н о м у пониманию «позора» русской истории. «Плюралист» готов «прежде чем Россия придёт в сознание – уже направить это сознание» (7, 309); он – противник советского режима, ненавидящий ещё «плотее», чем этот режим, писателя, «вызвездившего режиму в лоб» (7, 316) правду. Живучесть такого сознания подтверждается и в контексте плюрализма Февраля 1917-го, и в сегодняшнем контексте. Образ набирает многомерность.

В «Красном Колесе» мы читаем об «идеологическом поле», направлявшем Богрова, женщин-террористок. В публицистике этот образ-понятие комментируется автором, обогащается новыми смыслами, актуализируется, приобретает эмоциональную силу. «Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густились – и пронизывали, подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением», – пишет Солженицын в «Размышлениях над Февральской революцией» (7, 408). Поле овладело интеллигенцией, проникло в военные и государственно-чиновные круги, даже в священство, в нём «померкло национальное сознание» (7, 409). Победа Поля – одна из причин, по Солженицыну, национальной катастрофы. Струением мощного «либерально-радикального (и даже социалистического) Поля» (7, 408) Солженицын объясняет и послереволюционные настроения. О самом себе он говорит в интервью с Дэвидом Эйкманом в 1989 г.: «...почти все школьные годы, так лет до шестнадцати-семнадцати, я сопротивлялся советскому воспитанию и не принимал его внутренне <...> Но потом ... такая повелительная сила в этом Поле, в этом влиянии марксизма, который разлит был по Советскому Союзу, – что и в молодой мозг входит, входит, начинает захватывать» (7, 487). Радиацию Поля в мировое сознание Солженицын прослеживает и в публицистике, и в мемуарном «Зёрнышке». Этот образ – один из самых динамичных образов публицистики – воздействует на читателя почти физически, пугая и мобилизуя одновременно.

Диалогизм – общее свойство творчества Солженицына. Об этом писали многие исследователи. В публицистике одним из приёмов диалога не только с отдельными авторами, но с умонастроением времени, «потоком века» становится обыгрывание ключевых слов эпохи. Например, в статье «На возврате дыхания и сознания»: «С самого начала, как в Советском Союзе звонко произнесли и жирно написали «самокритика», – всегда то была «егокритика»» (7, 44; курсив Солженицына. – Л. Г.). Избирательную «смирённость

со «своим» при строгости к чужому» (7, 45) видит Солженицын даже в статье Сахарова, упоминувшего среди «крайних выражений догматизма и демагогии» сталинизм, но обходящего современную ему идеологию. «Но в 1968 году сослаться на «сталинизм» есть подстановка, маскировка, уход от проблемы» (7, 46). С горечью пишет Солженицын о штампах «принудительного мышления», «диктованного рассуждения», изуродовавших даже сильные и смелые умы. С сарказмом – о современном словоблудии, маскирующем пустоту. Не раз обыгрывает он одно из самых частотных современных слов – «самовыражение».

Иронически прослеживая, как А. Синявский в «Прогулках с Пушкиным» «заигрывает Пушкина в пустоту», Солженицын останавливается: «Неужели Синявский не видит высших уровней Пушкина? О, отлично видит (из-за того и всё выламывание на пушкинской площади)» (7, 443). Не принимая образа пустоты, созданного Синявским, Солженицын пишет: «Пушкин настолько «пуст», чтобы по-писательски уметь отобразить собой весь мир, а не только само-само-самовыражаться. Для того нужна не пустота, а бездонная глубина. Да, кто слишком занят собой, этого свойства понять нельзя» (7, 442). В интервью 1990-х – 2000-х гг. Солженицын не раз возвращается к «самовыражению», обыгрывает этимологию слова, противопоставляет «самовыражение» самоограничению, долгу писателя, как его понимал Гоголь. Ясно, что речь идёт не о лирическом начале искусства, не об автобиографическом пласте в творчестве писателя, не о даре интуиции, а о сосредоточенности на импульсах своего сознания и подсознания, на трансляции непреображённого душевного хаоса, а то и просто пустоты душевной. Такое искусство Солженицын называет «игрой на струнах пустоты». «Переигрывание пустоты» (7, 455), «вспышки несущественности», «всеирония» (7, 455) – в глазах Солженицына – попытки «обскакать ... на деревянной лошадке мировой кризис искусства» (8, 93). И хуже того – незначимость, несущественность, релятивизм новейших направлений в искусстве – черты более глубокого кризиса человечества. «Здесь просвечивает, но не светом, а багровостью, нечто большее, чем явление только внутри искусства» (8, 93), – пишет Солженицын. Это высказано в 1993 г., и почти в то же время, в 1996 г., С. С. Аверинцев с болью анализирует свою «ностальгию по тому состоянию человека как типа, когда всё в человеческом мире что-то значило или, в худшем случае, хотя бы хотело, пыталось, должно было значить; когда возможно было «значительное». Даже ложная значительность, которой, конечно, всегда хватало, <...> по-своему свидетельствовала об императиве значительности как задании, без выполнения коего и жизнь – не в жизнь»¹³. «... Сегодня дело обстоит совсем иначе, – горько удивляется Аверинцев. – Значительность вообще, значительность как

таковая просто улетучилась из жизни – и стала совершенно непонятной. Её отсутствие вдруг принято всеми как само собой разумеющаяся здоровая норма»¹⁴.

Образ самовыражающейся пустоты у Солженицына напоминает сравнение Феофаном Затворником гордого человека со стружкой, завитой вокруг себя, внутри которой пустота.

Пустота как философское понятие, как художественный образ – один из центров современной культуры. Пустота как личное метафизическое будущее, как уход в Ничто. Пустота гипнотизирует, вызывает ужас или стоическое приятие. Пустота – уход в небытие для тех, кто не верит в Сверхбытие, а значит, и в инобытие. Для Солженицына, с его органической верой, пустота – отсутствие смысла, отсутствие бытия или его имитация, симулякр. Он последовательно развивает образ пустоты в аспекте антикультуры, разрушения культуры, «расхищения души». В конечном счёте речь идёт о всё том же глубинном кризисе человека и человечества и о путях выхода из этого кризиса.

В «Дневнике Р-17» Солженицын записал в 1976 г.: «С годами автор меняется и физиологически, и умственно, и в убеждениях, и в настроениях. Ничто не повторимо. И если он пишет 30 лет, то это – не единый насквозь автор»¹⁵. В публицистике, суть которой – отклик на вызовы не только эпохи, но и дня, это особенно заметно. Но есть в ней узловые точки – художественные образы, образы-понятия – одновременно и устойчивые, и движущиеся через время. В их семантическом богатстве – и ретроспекция, и предвидение.

Примечания

- 1 Л. К. Чуковская – А. И. Солженицыну. 14 июня 1976. Москва // Солженицынские тетради : материалы и исследования. Вып. 1. М., 2012. С. 97.
- 2 Аверинцев С. Мы и забыли, что такие люди бывают // Между двумя юбилеями (1998–2003) : Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М., 2005. С. 152.
- 3 Солженицын А. «...Колеблет твой треножник» // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7 : В Советском Союзе. 1967–1974 ; На Западе. 1974–1989. М., 2001. С. 443–444. Близкую к этому мысль высказывает С. С. Аверинцев, рассматривая ритм как теодицею (См.: Аверинцев С. Ритм как теодицея // Аверинцев С. Собр. соч. / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Связь времён. Киев, 2005. С. 408–411).
- 4 Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. С. 221.
- 5 Примеры приводятся по: Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001 ; Т. 8 : Публицистика : На Западе. 1990–1994 ; В России. 1994–2003. М., 2005 (в скобках указывается том и страница) ; Солженицын А.

- Россия в обвале. М., 1998 (в скобках сокращённое название – РО и номер страницы). Курсив в примерах наш. – Л. Г.
- ⁶ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. 1947–1983 / сост. Е. Ю. Дорман ; предисл. А. И. Кырлежева. М., 2009. С. 818–819. (Курсив Шмемана.)
- ⁷ См.: Шешунова С. Национальный образ мира в эпосе А. И. Солженицына «Красное Колесо». Дубна, 2005. С. 64–69.
- ⁸ Там же. С. 67.

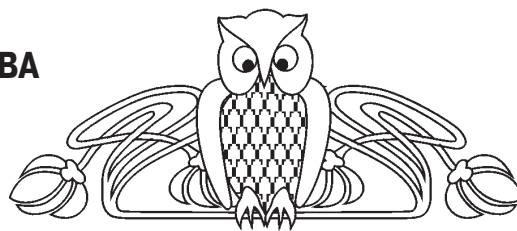
- ⁹ Солженицын А. Россия в обвале. С. 200.
- ¹⁰ Там же. С. 203.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 201.
- ¹³ Аверинцев С. Моя ностальгия // Аверинцев С. Собр. соч. С. 399.
- ¹⁴ Там же. С. 401.
- ¹⁵ Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003)... С. 28.

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Гапоненков

Саратовский государственный университет
E-mail: GaponenkovAA@info.sgu.ru

В статье личность и творчество А. И. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ», «Красное Колесо», «Россия в обвале») рассмотрены с точки зрения проблемы единства русской духовной культуры, в соотношении двух политических философий – консерватизма и радикализма. Теоретическая основа публикации – идеи русской религиозной философии, изложенные в трудах С. Л. Франка. Особая роль отведена полемическим суждениям писателя.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, русская духовная культура, религиозная философия, С. Л. Франк, консерватизм, радикализм

A. I. Solzhenitsyn and the Issue of the Unity of Russian Spiritual Culture

A. A. Gaponenkov

In the article the author regards the personality and oeuvre of A. I. Solzhenitsyn («Gulag Archipelago», «Red Wheel», «Russia in Collapse») from the perspective of the unity of Russian spiritual culture in relation to two political philosophies: conservatism and radicalism. Ideas of the Russian religious philosophy expounded in the works by S. L. Frank underlie the theoretical foundation of the paper. A special role is dedicated to the polemic judgments of the writer.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, Russian spiritual culture, religious philosophy, S. L. Frank, conservatism, radicalism.

Явление А. И. Солженицына – это возрождение забытых истин на фоне цинизма и материализма, связывание разомкнутых пространств русской мысли, воплощение единства русской духовной культуры и притом понимание ее заблуждений. «Архипелаг ГУЛАГ», погружая читателя на дно бездны страха и неверия, оставлял надежду на «воскресение из мертвых». Солженицына любят цитировать его противники, «играя» цифрами погибших за годы репрессий и войн, но критики не могут опровергнуть многих его убеждений, так или иначе вступая с ним в интенсивный диалог и невольно солидаризируясь, потому что в его иде-

ях просматриваются ценности русской духовной культуры XIX – начала XX в. И что особенно характерно, Солженицын не был готов разменять их на абстрактные правовые нормы западного мира.

В эмиграции философ С. Л. Франк предложил слушателям РСХД оригинальную и стройную концепцию *русской духовной культуры*, её истории со всеми противоречиями и разрывами, отдельными умственными течениями, индивидуальными судьбами, достижениями и утратами. Эмиграция искала почву, опору в русском языке, литературе XIX в., искусстве, религии, религиозной философии. Превеличенное дореволюционными и новейшими «неистовыми» критиками представление о недостатках русской культуры сменилось пониманием ее значительности, желанием разобраться в ней объективно. Франк наметил основные черты исторического противоборства и схождения двух течений русской мысли – *религиозно-мистического и социально-радикального*. Он напомнил о катастрофическом «разрыве между образованным классом и народом»¹, западной образованностью и исконно православной духовной культурой. Особенностью русского исторического пути была борьба между апологетами подлинной веры и «атеистической религии», бунтарства, приверженцами сложившегося государства, церкви и столпами радикальных перемен, нового социального переустройства.

Обозревая контекст *современных* ему политических течений, Франк находит, что они «по большей части заражены ложным консерватизмом уже в том смысле, что остались неизменны после революции, исходят из *старого*, одинаково революционеры и контрреволюционеры, не понимают творческого характера задачи»². Радикализм же их в том, что они сосредоточены на разрушении. Какова диалектика консерватизма и радикализма после революции, мировой

и гражданской войны? «Если в обычное время можно длить традицию и растить новое, и естественно дифференцироваться на две партии по преобладанию, то теперь это беспредметно. Задача *возрождения*, как бы *воскресения из мертвых* (курсив наш. – А. Г.). Только из последних глубин святости, только сам Бог может спасти»³.

Религиозная философия начала XX в. прошла через марксизм, ницшеанство, идеализм, веховство и в эмиграции вступила в диалог с православием, в большей степени, чем это было до революции и гражданской войны в России.

Путь Солженицына был скорее исключением из общих правил советской действительности. В студенческие годы он был марксистом поневоле, штудировал «Капитал». Маркс предлагал стройную систему взглядов: «Было время в моей юности, в 30-е годы, когда был такой силы поток идейной обработки, что я, учась в институте, читая Маркса, Энгельса, Ленина, как мне казалось, открывал великие истины...»⁴. «Великие истины» оказались ложными, разрушительными для России.

Вся окружающая среда была атеистической и враждебной религиозному мирозерцанию. Разрушены были скрепы памяти, связывающие с идейными течениями дореволюционной России. И молодые люди погружались в большевистскую мифологию, видели пантеон новых богов. Нужно было, проявив характер, противостоять целой системе принуждения, фантому «научного коммунизма», идеологическому туману и репрессиям. В качестве метазнания предлагались марксистские схемы русской истории, ограниченные классовым подходом. В этой удушающей атмосфере Солженицын задумал и стал осуществлять свой главный замысел – книгу о русской революции.

Так случилось, что Солженицын повторил судьбу высланной в 1922 г. философской элиты. Его также выдворили из родной страны, как когда-то пассажиров «философского парохода». Солженицын-писатель по праву может быть назван и русским мыслителем, продолжившим лучшие традиции, идеи религиозных философов первой половины XX в. (П. Струве, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк, Е. Трубецкой, И. Ильин). Они, в свою очередь, опирались на гениальные прозрения русских писателей и мыслителей: Пушкина, Гоголя, Чаадаева, Киреевского, Хомякова, Достоевского, К. Леонтьева, Вл. Соловьева.

Сегодня Русская православная церковь признала заслуги свободных мыслителей в деле духовного просвещения России. В выступлении на открытии XVII Всемирного Русского Народного Собора Святейший Патриарх Кирилл напомнил собравшимся: «А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии – яркого, самобытного направления в гуманитарной науке – не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации, способной предложить свой взгляд на мир, сказать человеку свое слово? Не случайно, что и сегодняшние

мыслители и политические деятели обращаются именно к мудрости тех, кто сформировал корпус этой замечательной религиозной философии конца XIX–XX века»⁵.

Культурный и социальный разрыв породили острые столкновения в истории русской литературы, философии и публицистики. Одно из них произошло в XIX в. – «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и его радикальные критики. Попытка Гоголя и славянофилов соединить в России «западную образованность и православную духовную культуру»⁶ не увенчалась успехом.

Другое столкновение в начале XX столетия – сборник «Вехи» и ожесточенная критика «антIVEDХОВЦЕВ». Историческое значение «Вех» заключено в переоценке «самых духовных основ господствующего мирозерцания»⁷ и отчасти сравнимо с тем отрезвляющим воздействием, которое произвел «Архипелаг ГУЛАГ» на Запад и часть советской интеллигенции во второй половине XX в.

Полемика вокруг этих событий («Выбранные места...», «Вехи», «Архипелаг...») русской духовно-интеллектуальной истории XIX и XX вв. характеризует состояние умов, религиозно-нравственные и социальные идеалы, отношение к власти, церкви и на сегодняшний день не закрыта. «Архипелаг ГУЛАГ» вот уже не одно десятилетие находится в центре ожесточенной дискуссии о советском наследии, «красной империи» Сталина.

Солженицын выступил *истинным радикалом* по отношению к идеологической основе режима, материализма и безбожия и возвратился на новом историческом витке к «Вехам», ему надо было уяснить истоки ложного радикализма создателей Советского государства.

Советская цивилизация переродила русскую интеллигенцию в «образованщину». Тем не менее просматриваются и общие родовые черты: «догматы идолопоклонства перед человеком и человечеством; религия заменена верой в научный прогресс»⁸. Безрелигиозный тип советской интеллигенции сформировался безрелигиозным гуманизмом предшествующих поколений: «Авторы “Вех” определяли интеллигенцию не по степени и не по роду образованности, а по идеологии – как некий новый орден, безрелигиозно-гуманистический»⁹.

Социальный радикализм и религиозно-мистическое отношение к жизни подверглись испытанию революцией, войнами и репрессиями в России XX в., обозначился «ясный водораздел»¹⁰ между атеистическим и религиозным направлениями. Революция обратилась против народа (коллективизация и религиозные преследования).

Солженицын прекрасно осведомлен о скрытых пружинах *делания* русской истории, о возникших в XIX– начале XX в. идеологических столкновениях двух тенденций общественного развития – *радикального и консервативного*, осознавая их через документы, мемуары, газетно-

журнальные споры, продолженные и в русском зарубежье. В «Красном Колесе» он предстал *истинным консерватором*.

В пестроте изложенных идеологических доктрин, партийных программ, лозунгов, знаковых суждений исторических и вымышленных лиц «Красного Колеса» вырисовывается история русского консерватизма в идеях его ключевых представителей: Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, М. Н. Каткова, Н. Я. Данилевского, К. П. Победоносцева, А. С. Суворина, Д. Н. Шипова, П. А. Столыпина, В. В. Розанова, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и др. Особо выделим теоретиков «либерального консерватизма» – П. Б. Струве и С. Л. Франка. В трудах С. Л. Франка (в книге «Духовные основы общества») представлено теоретическое осмысление и духовное наполнение понятий *истинного и ложного консерватизма*¹¹. Какова система рассуждений философа? В природе из корней, находящихся в почве, произрастает жизнь. Истинное мирозерцание (консервативное или радикальное) развивается аналогично, в процессе органического роста, на возделанной почве традиции и культуры, не превращаясь в банальное ретроградство или экстремизм.

Мысль об органическом росте любого мировоззрения из корней традиции и культуры также очень близка автору «Красного Колеса». Вспомним слова Павла Ивановича Варсонофьева: «История – и р а ц и о н а л ь н а... У нее своя органическая, а для нас, может быть, непостижимая ткань... История растет как дерево живое. И разум для нее топор... Но реку, но струю прервать нельзя, ее только на вершок разорви – уже нет струи. А нам предлагают рвать ее на тысячу сажений. Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев – это и есть связь струи» (7, 374)¹².

В «Красном Колесе» Солженицын сопоставляет программы Д. Н. Шипова и П. А. Столыпина. Общее между ними то, что оба поддерживают монархию, земство, не согласны с косностью царской бюрократии, против крайнего либерализма, однако же сторонники преобразований. Но каких? Шипов не стремится предрешить события, для него важно было нащупать «общую правду»: «Смысл нашей жизни – творить не свою волю, но уяснить себе смысл миродержавного начала...» (9, 75). В христианском государстве должна господствовать *этическая*, а не правовая система. Нужно избежать «азарта политической борьбы», вредного народной нравственности: «Преследовать не *интересы*, а стремиться к *правде* отношений» (9, 76). По сути, общество, полагал Шипов, должно быть устроено на религиозно-нравственной основе: «Он своим спокойным обстоятельным умом, – замечает автор, – прилагал нравственную идею к русской истории...» (10, 53). Но в самый решительный момент отошел от борьбы.

П. А. Столыпин, любимый исторический персонаж Солженицына, – человек волевого усилия,

необычайной работоспособности, бесстрашия и дерзости. В отличие от Шипова, он направляет всю свою энергию на воплощение заветных идеалов монархической государственности с крепким крестьянским сословием, осуществляя реформы при очень жестком нажиме сверху, вместе с тем шадя чувства и настроения государя. «И вырисовывался перед Столыпиным единственный естественный, но в землетрясной обстановке почти невероятный путь: путь равновесной линии по обломочному хребту. До сих пор почему-то: реформы – означали ослабление и даже гибель власти, а суровые меры порядка означали отказ от преобразований. Но Столыпин ясно видел совмещение того и другого!» (8, 163). Свобода выхода из общины – это ли не начало «свободы лица» и в целом либеральный проект. В том то и дело, что за него может приняться истинный консерватор, исповедующий Божественное предназначение царской власти, незыблемость монархического строя, единение царя с народом и считающий помещичьи хозяйства оплотом русской культуры, которые надо обязательно сохранить.

Двуличие кадетской партии по отношению к монархии и существующим институтам власти Солженицын вскрывает целенаправленно и с редкой долей сарказма. Партия народной свободы заряжена ложным радикализмом. Писатель проследживает истоки кадетизма. «К религии кадеты были если не враждебны, то равнодушны. Их безрелигиозность и мешала им понять сущность народного духа» (9, 88), – пронизательно усмотрел Д. Н. Шипов. А если они и брали на вооружение консервативные лозунги, то это объяснялось текущим политическим положением: «Значит, у них не было теперь иного выхода, как опередить правительство в патриотизме и даже в самой борьбе с германским империализмом» (9, 218). Отсюда согласие на внешнее расширение империи, взятие Константинополя и проливов.

Во внутренней политике сила общественного мнения строго предопределяла избирательность оценок. Многие из кадетов были выразителями взглядов русской интеллигенции, их политические речи были пропитаны пафосом освободительного движения: «Чего Освободительное Движение вообразить не могло и не желало – это достичь своих целей плавной эволюцией» (9, 75). Интеллигенция пыталась воспитывать общество в непримиримости. Отметим слова Варсонофьева: «И всякий, кто имеет *ретроградные* взгляды, – тоже у нас не интеллигент, хоть будь он первый философ» (7, 372).

Кадетская партия выражала общий революционный настрой: «Русский радикализм (он продолжал называть себя либерализмом) оказывался солидарен со всеми революционными направлениями, а поэтому не мог осуждать террор, даже порицал тех, кто порицает террор. Русский радикализм принял принцип, что если насилие направлено против врага – оно оправдывается» (9, 74).

Работа над «Красным Колесом» позволила Солженицыну открыть для себя те истины русской катастрофы, которые направляли его к мыслям о современном положении России, история Февраля для автора занимала теперь особое место, пересекаясь с днем сегодняшним.

После краха коммунизма и либерально-демократической революции в России Солженицын вернулся на родину. Встречаясь со многими жителями областей и автономных республик, он накопил в 1990-е гг. огромный материал – записанные им рассказы о бедствиях граждан, отмене социальных обязательств государства, переселении людей, закрытии предприятий, возрастании смертности и падении рождаемости – всю замолчанную боль русского народа. В то время любое патриотическое выступление сразу же преподносилось СМИ («оборотистое словцо»¹³) как выпад «красно-коричневых». После нескольких передач по государственному телевидению Солженицыну отказали в эфире.

Ельцин и его окружение видели писателя только как несгибаемого борца с коммунизмом, который должен приветствовать «новую» Россию, освободившуюся от советского прошлого и вернувшуюся на проторенную дорогу цивилизованного мира. Когда же Солженицын начал защищать традиционные ценности исторической России и критиковать власть за жестокость по отношению к русскому народу, от него отвернулась почти вся либерально-демократическая верхушка. Он демонстративно отказался от ордена Андрея Первозванного, который ему пытался преподнести Ельцин, и продолжил свои встречи с жителями провинции, интеллигенцией, накапливая свод признаний о социальном неблагополучии в российских регионах. Так родился замысел публицистической книги «Россия в обвале» – нецененного до сих пор свидетельства о страшных для страны 1990-х гг., целостной картины жизни народа в годы испытаний, критического взгляд в прошлое, поиска духовных «укрепов» на будущее.

Со времен «посылных соображений» «Как нам обустроить Россию?» прошло почти десять лет. Солженицын и в 1998 г. остается верным России как «единому организму» (5). Это не империя, тем более не Советский Союз, но и не искромсанная в своих коммунистических границах Российская Федерация. Солженицын остро чувствует боль миллионов соотечественников – «чужеземцев за 24 часа» (61), отрезанных в один момент от метрополии по воле новых демократических вождей республик бывшего Советского Союза. Писатель – один из немногих, кто настаивал на действенной поддержке русских соотечественников, брошенных властью на произвол судьбы в отделившихся полугосударствах и подвергшихся там притеснению и насилию, попранию своих прав.

Мыслимый им в 1990 г. Российский союз должен был вобрать в себя славянское ядро – Россию, Украину и Белоруссию, еще и северный

Казахстан, однако этому не суждено было воплотиться. Альтернатива была. «Развал» был как «неизбежен», так и «вполне избежен» (83) – предопределенности не было, доказывает Солженицын. Как трудно вновь будет объединиться: «Сживлять – это не разрубивать» (83). В проекте Евразийского союза, предложенного Н. Назарбаевым в 1994 г., писатель видит опасность «бюрократической надстройки», которая будет «сковывать» действия России. «Евразийство» как идеология вряд ли отвечает требованиям завтрашнего дня, России как «единому организму».

Современная Российская Федерация опирается на безликую массу народа без национального лица. Власть «даже обходит старательно само слово «русские» – а всегда «россияне». Русский этнос демонстративно не взят в опору России» (40). За этим стоит «отказ от русского культурного своеобразия» (45), констатирует писатель.

Солженицын много страниц в книге уделяет русской духовной культуре. Фундамент ее в православии: «Вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать» (187). И патриотизм без православия становится злобно ограниченным, «приобретает черты языческие» (185). Солженицын находит единомыслие со словами П. Б. Струве, приводя их в своей книге: «Государственная справедливость не требует от нас национального безразличия» (130). И государство, империю на первое место ставить нельзя: «Именно православие, а не имперская державность создала русский культурный тип» (187).

Что свойственно этому типу и как ему сохраниться в новых условиях? Солженицын не теряет надежды: «Наперекор всему, как нам не дают дышать, – тяга к общественной справедливости и тяга к нравственной жизни – нет, не загасли» (110).

Всеобщая стандартизация глобального мира стремится подчинить себе Россию и русскую культуру. «Этот процесс всеобщей стандартизации, – предупреждает писатель, – по смыслу своему – энтропийный. Выравнивая потенциалы различий, он ослабляет способности человечества к развитию духовному, а вослед и к иным видам развития» (115). Как это уже проявилось в России и Европе.

Коммунистическая идеология сменилась рыночной. Ложный радикализм захватил Россию. «Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той разрушительной скоростью, как “национализация” (1917–18) и “коллективизация” (1930) – только с обратным знаком» (23). Солженицын настаивает на большей преемственности «гай-чубайсовских реформ» (23), разрушающих прежде всего историческую Россию: «Никогда с 20-х годов не было такой крушительной смены психологии, мироощущения, духовных ценностей: лишь в те годы ломался весь мир на глазах – и сейчас» (109). Расстрел парламента в 1993 г. сопровождался призывом «неодемократов» «Раздавить гадину!» – силой оружия (в числе подписантов обращения

42-х были многие деятели культуры). Реформаторы действовали «очень непредусмотрительно для своего же демократического будущего» (17), взяв на вооружение горьковско-сталинский лозунг «Если враг не сдается, его уничтожают».

Вхождение России в глобальный мир обычно объясняют благой целью – «возвращением» в мир цивилизованных народов Запада, технологическим развитием даже в ущерб национальной культуре. Копирование чужого опыта – занятие бесперспективное и опасное, особенно когда теряется духовный склад народной жизни. Понимая это, Солженицын глубоко прав и дальновиден: «Уклад чужой жизни невозможно скопировать, не перерождаясь болезненно: он должен органически вытекать из традиций страны. По пословице: *Свою болячку не чужим здоровьем лечить*. На путь, неотличимый от западного, Россия все равно не выйдет никогда, как бы нам ни стараться» (35).

Болезненного перерождения ждет от нас Запад, но это означает отказ от русской духовной культуры как таковой, признание, что ее не будет и в помине. «Ясно же видно, что Западу нужна Россия технологически отсталая» (34), – добавляет Солженицын. Предприятия берутся под контроль иностранных фирм. В стране насаждается «пошлость в избытке», «культ наживы, наживы и проституции» (107): «В сегодняшних эфирно-газетных средствах – никогда не встретим истолкование событий, понимание перспектив – с собственно русской точки зрения» (174). В некоторых учебных пособиях утверждается мысль, что «литература не должна восприниматься в воспитательном смысле, но лишь как развлечение вкуса, – прямо против русской традиции» (179). Картину «обвала» русской светской культуры довершает моральное разложение: «Ведь еще губительнее нашей нужды – это повальное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас изо всех телевизионных ящиков» (201).

По отношению к русскому народу Солженицын самокритичен: «Мы в упадке нашем много-много виноваты сами» (155). Отсутствию «равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины» (164) в русском характере Солженицын противопоставляет «тягу к живой справедливости» (165). Народ «жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда» (166). Писатель, который знает одну божественную истину, не заблуждается предсказывать народную судьбу: «Но ещё никто земной не умел предсказывать все неожиданные ходы Истории» (57).

Резко диссонируют с апологетикой советского прошлого его слова: «Русский народ в целом потерпел в долготу XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное» (201). Писатель не обольщается достижениями научно-технического прогресса советской цивилизации, ему горько сознавать, что некогда органические скрепы народной жизни безжалостно истреблены и преданы забвению

(русский деревенский уклад, высокая рождаемость, связь с землей, местное самоуправление – земство и т. д.). Но нужно всегда помнить: «Судьба русского народа определит и судьбу России» (132).

В финальной части книги Солженицын оставляет читателя с надеждой на возрождение. Высказанная писателем в новых исторических условиях национальная идея «Сбережения Народа» наполняется конкретным смыслом по отношению к каждому жителю России: «Мой дух, моя семья да мой труд – добросовестный, неусыпный, без оглядки на захлбчивую жадность воровскую, – а как иначе вытягивать?» (203).

Окончательно «обвал» России не состоялся. И как знать, в этом заслуга и Солженицына, умевшего донести до власти свои «посильные соображения». В столкновении консерватизма и радикализма, лозунгов и программ, идеологий Солженицын вращивал *чувство единого народа*, воспитывая в человеке цельность характера и мироощущения. Он всей своей писательской деятельностью занимался преодолением разрывов, осознавая единство русской духовной культуры.

Примечания

- ¹ Франк С. Русская духовная культура. Конспект лекции // BAR. Ms. Coll / S. L. Frank. Box 12. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Л. 1.
- ² Франк С. Консерватизм и радикализм. Конспект лекции // Там же.
- ³ Там же. Л. 2.
- ⁴ Цит. по: Сараскина Л. Солженицын. М., 2009. С. 147.
- ⁵ Святейший Патриарх Кирилл. Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа. UPL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html> (дата обращения: 05.02.2014).
- ⁶ Франк С. Русская духовная культура. Л. 2.
- ⁷ Франк С. Непрочитанное... : статьи, письма, воспоминания / предисл. и сост. А. А. Гапоненкова, Ю. П. Сенокосова. М., 2001. С. 457.
- ⁸ Солженицын А. Образованщина // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 102.
- ⁹ Там же. С. 105.
- ¹⁰ Франк С. Русская духовная культура. Л. 2.
- ¹¹ См.: Франк С. Консерватизм и радикализм. Франк различал также *истинный* радикализм и *ложный*, опирающийся на отвлеченный идеализм или рационализм, отрицающий прошлое и верящий «в *самочинность* отдельного лица и поколения». Поведение радикала разрушительно, когда его радикализм далек от конкретно-жизненных задач.
- ¹² Текст «Красного Колеса» цитируется по: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. М., 2009. В скобках приводятся том и страница. Сохранено авторское правописание.
- ¹³ Солженицын А. Россия в обвале. М., 2006. С. 107. Далее текст книги цитируется по этому изданию с указанием в скобках соответствующей страницы. Сохранено авторское правописание.

УДК 821.161.1. 09 (093.3+044)+929 [Чуковский +Солженицын]

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В ДНЕВНИКАХ И ПИСЬМАХ К. И. ЧУКОВСКОГО

И. Ю. Иванюшина

Саратовский государственный университет
E-mail: iiyu@mail.ru

На материале дневников и писем К. И. Чуковского прослеживается история взаимоотношений двух писателей. Рассматриваются взгляды Солженицына и Чуковского на развитие русского языка и литературы.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, К. И. Чуковский, дневники, эпистолярный, «Один день Ивана Денисовича», «Чукоккала».

A. I. Solzhenitsyn in K. I. Chukovsky's Diaries and Letters

I. Yu. Ivanyushina

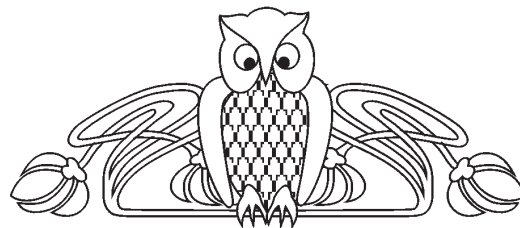
The history of the two writers' interaction is traced on the material of K. I. Chukovsky's diaries and letters.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, K. I. Chukovsky, diaries, epistolary intercourse, «One Day in the Life of Ivan Denisovich», «Chukokkala».

История отношений трех поколений семьи Чуковских с А. И. Солженицыным достаточно хорошо документирована. Дневники и письма К. И. Чуковского опубликованы в 15-томном собрании сочинений¹; отдельно изданы переписка А. Солженицына с Корнеем Ивановичем² и Лидией Корнеевной³, а также отрывки из ее дневника⁴. На тему Солженицын и Чуковский не раз печатно высказывалась Е. Ц. Чуковская⁵. Все это позволяет нам фактическую сторону этих отношений обозначить пунктирно в той мере, в какой она отражена в дневниках и письмах К. И. Чуковского.

Знакомство Чуковского с Солженицыным первоначально было заочным. В апреле 1962 г., отдыхая в Барвихе, Корней Иванович получил от редактора «Нового мира» А. Т. Твардовского «рукопись некоего беллетриста о сталинских лагерях» (13, 324). 11 апреля Чуковский записал в дневнике: «Третьего дня Твардовский дал мне прочитать рукопись „Один день Ивана Даниловича” – чудесное изображение лагерной жизни при Сталине. Я пришел в восторг и написал краткий отзыв о рукописи» (13, 325). Отзыв назывался программно – «Литературное чудо»⁶ и был передан Хрущеву как один из аргументов в защиту публикации повести в «Новом мире».

Еще до личного знакомства в дневнике Чуковского появляются отрывочные сведения и слухи о Солженицыне: он математик, «он – враг интеллигенции» (13, 359); он выставил репортеров, сказав им: «Вы мешают мне работать. Если вы не уйдете из комнаты, уйду я» (13, 368); готовится его разгром то в «Правде» и «Известиях» (13, 359), то на совещании в Кремле (13, 365). Таким образом, к моменту получения первого письма

от Солженицына Чуковский был уже заинтригован. 3 марта 1963 г. он восторженно (с тремя восклицательными знаками) пометил в дневнике: «Получил письмо от Солженицына!!!» (1, 364). А 5 марта в письме неустановленному адресату сообщил: «Мне случалось получать письма от Льва Толстого, Ильи Репина, Короленко, Горького, Леонида Андреева, Маяковского, но никогда я не испытывал такой высокой радости, какая нахлынула на меня, когда получил письмо от Солженицына. Я готов был выбежать на улицу и кричать: – А я получил письмо от Солженицына! Он обещает приехать ко мне!» (15, 524). Письмо Солженицына содержало благодарность автору первой рецензии на «Ивана Денисовича», написанной «в то время, когда такая рецензия еще требовала мужества»⁷. Автор сетовал на то, что Твардовский не показал ему отзыв Чуковского, ««боясь испортить», хотя опасность испортиться от похвал давно миновала с возрастом»⁸.

6 июня 1963 г. Солженицын по приглашению Чуковского впервые приехал в Переделкино. В это время Чуковскому исполнился 81 год, Солженицыну – 45. Этим определяется то впечатление, которое произвел гость на хозяина: «Сегодня был у меня Солженицын. Выбежал по лестнице легко, как юноша. В легком летнем костюме, лицо розовое, глаза молодые, смеющиеся. <...> как молодое помчался он догонять поезд – изо всех сил, сильными ногами, без одышки <...> легкий, жизнерадостный, любящий» (13, 369–370). Бодрая, радостная молодость станет лейтмотивом в многочисленных портретных зарисовках Солженицына в дневнике Чуковского: «Сегодня приехал Солженицын, румяный, бородатый, счастливый» (13, 438)⁹.

При более близком общении Чуковский отмечает такие черты характера Солженицына, как доведенная до автоматизма точность учителя математики; экономность: «Говорю ему: тебе нужны ботинки. А он: еще не прошло 10 лет, как я купил эти» (13, 431); зоркая внимательность и чуткость: «Он ясноглазый и производит впечатление простеца. Но глаз у него сверлящий, зоркий, глаз художника. Говоря со мной, он один (из трех собеседников) заметил, что я утомлен. Меня действительно сморило. Но он один увидел это – и прервал – скорее сократил – рассказ» (13, 338).

Дневники и письма К. Чуковского 1963–1964 гг. отражают короткий период массового ув-

лечения Солженицыным. Он становится «модным писателем»: «Когда я упомянул в разговоре, что у меня был в гостях Солженицын, – пишет Чуковский, – на меня посмотрели с нескрываемой завистью» (15, 534); «Всюду слышу восторженные отзывы о Вашем рассказе...» (15, 546); «... среди учительства Ваш рассказ имеет особенный успех» (15, 546); «Как нарочно, заговорили о Солженицыне. Все отзывались о нем восторженно» (13, 374); «Были две аристократки: графиня Людмила Толстая и баронесса Будберг (Мура). Заговорили о Солженицыне. Людмила: “С удовольствием отдаю ему комнату Алеши – одну из пяти комнат в моей квартире”. Говорят, он был у Капицы – и произвел на них чарующее впечатление» (13, 423). Но уже к концу 1965 г. ситуация вокруг Солженицына резко изменилась.

В сентябре 1965 г. после конфискации архива Солженицын по приглашению Чуковского поселился на даче в Переделкино. Корней Иванович отмечает в дневнике: «Он бесприютен, растерян, ждет каких-то грозных событий – ждет, что его куда-то вызовут, готов даже к тюрьме» (13, 418). В очерках литературной жизни «Бодался теленок с дубом» Солженицын вспомнит об этом времени: «В эту пору К. И. Чуковский предложил мне (бесстрашие для того было нужно) свой кров, что очень помогло мне и ободрило. В Рязани я жить боялся: оттуда легко было пресечь мой выезд, там можно было взять меня совсем беззвучно и даже безответственно: всегда можно свалить на произвол, на “ошибку” местных гебистов. На переделкинской даче Чуковского такая “ошибка” исполнителей была невозможна. Я гулял под темными сводами хвойных на участке К. И. – многими часами, с безнадёжным сердцем, и бесплодно пытался осмыслить своё положение, а ещё главней – обнаружить высший смысл обвалившейся на меня беды»¹⁰.

В дальнейшем, приезжая в Москву по делам, Солженицын не раз останавливался в московской квартире или на переделкинской даче. Приглашая его, Чуковский неизменно подчеркивал: «... для меня высокая честь – Ваше (к сожалению, слишком кратковременное) житье в Переделкине» (15, 587); «Как хотелось бы мне, чтобы Вы оба сделали нашему Холодному Дому великую честь – и поселились в нем до моего приезда. Иначе – его существование бессмысленно. Пожалуйста, пренебрегите всеми другими жильями – и переезжайте в Переделкино, где Вас все любят» (15, 583). Он хлопотал о предоставлении Солженицыну квартиры в Москве, собирал подписи, посылал ему ободряющие письма.

Как свидетельствует дневник Л. К. Чуковской, «Ал<ександр> Ис<аевич> все беспокоится, не компрометирует ли он К<орнея> И<вановича> своими наездами в Переделкино. Поручил об этом спросить у Деда. Я Люше говорила, что об этом и спрашивать нечего, что в гостеприимстве Дед тверд и не отречется. Она все-таки спросила. Он ответил: – Я подлецом еще никогда не был»¹¹.

Твердость позиции Чуковского тем более показательна, что полного идейного единства между ним и Солженицыным не было. Присмотревшись к своему гостю, Чуковский отмечает в дневнике: «Из разговора выяснилось, что он глубоко поглощен своей темой и не слишком интересуется, например, Пушкиным, Леонидом Андреевым, Квитко. Я читал ему любимые стихи. Ему они никак не понравились. Зато о лагере может говорить без конца» (13, 419); «Его, в сущности, интересует только одна тема – та, что в “Случае на станции” и в “Иване Денисовиче”. Все остальное для него, как в тумане. Он не интересуется литературой как литературой, он видит в ней только средство протеста против вражеских сил» (13, 420). Выяснилось также, что Солженицын равнодушен к творчеству М. Зощенко, которого так любил и ценил Чуковский; что их взгляды на цензуру существенно расходятся и т. д. 20 мая 1967 г. Чуковский записывает в дневнике: «Конечно, имя Солженицына войдет в литературу, в историю – как имя одного из благороднейших борцов за свободу – но все же в его правде есть неправда <...>» (13, 439).

Солженицын и Чуковский – это очень разные по характеру, темпераменту, жизненному опыту, эстетическим пристрастиям люди. Но, как совершенно очевидно демонстрирует их переписка, они питали друг к другу глубокое уважение. Со стороны Чуковского это было обычное для него искреннее восхищение самобытным талантом. 12 марта 1963 г. он написал: «Дорогой Александр Исаевич. Это никакая не заслуга: прочитать великое произведение искусства и обрадоваться ему как долгожданному счастью» (15, 526). Из произведений Солженицына он успел прочесть только несколько рассказов и «Раковый корпус». Но опытный критик сразу понял, что «в литературу вошел очень сильный, оригинальный и зрелый писатель»¹², которого он ставил рядом с Л. Толстым и А. Чеховым.

Солженицын до знакомства с Чуковским имел о его творчестве лишь самые расплывчатые детские воспоминания, которыми и поделился в письме: «Ответно признаюсь Вам, что в тумане моего младенчества не вспоминаю никакой книги прежде Вашего “Крокодила” – она отпечаталась раньше всех и сильнее всех. Вообще это был самый большой ужас моего детства, и, выходя за калитку, я спрашивал у взрослых и оглядывался: не идет ли Крокодил, нет ли массового нашествия зверей...»¹³. С критическими работами Чуковского Солженицын не был знаком. В ноябре 1965 г. он впервые прочел книгу «От Чехова до наших дней» (1908) и признался ее автору: «Я прочел ее с восхищением, всякое другое слово было бы недостаточным. Я никогда не представлял себе, что в опыте нашей отечественной критики есть такое! Книга написана с блеском <...> обнажается и вытягивается главный нерв автора <...> Лично для меня эта книга объяснила и многое, чего я не знал о той литературе вообще...»¹⁴.

Это признание не столько порадовало, сколько огорчило Чуковского, в ответных письмах он объяснил это чувство: «Свою книжку “От Чехова до наших дней” я патологически ненавижу» (15, 583); «Нет, я безмерно рад Вашей похвале (главным образом потому, что она – Ваша). Если же я продолжаю настаивать на своей нелюбви к своей книжке, то лишь потому, что мне в тысячу раз дороже такие мои никому неведомые вещи, как “Поэт и палач”, “Жена поэта”, “Тема денег в поэзии Некрасова”, “Николай Успенский”, “Дружинин и Лев Толстой”, где передо мною раскрывались широкие перспективы новаторской критики <...> С 1914 года по сию пору я для читателей знакомый незнакомец. Автор “Мойдодыра”, “От двух до пяти” и “чего-то такого про Некрасова” <...> А та борьба за правду, за определение писательского я при помощи изучения его стиля, та боевитость, без коей я не мог написать ни строки, – все это пошло псу под хвост и ни единым словом не может войти в мое “Собрание сочинений”» (15, 586–587).

Главная методологическая установка Чуковского – «определение писательского я при помощи изучения его стиля» – была применена им и к творчеству Солженицына. Поэтому не вполне права Л. К. Чуковская, когда в письме Солженицыну делает долгосрочный прогноз: «И вот беда: Вы дожили до войны, тюрьмы, каторги, славы, любви, ненависти, изгнания – до всего. Есть только одно, до чего Вы не доживете: до художественного анализа. Восхищения и возмущения мешают людям оценить художественную гениальность и постичь ее природу»¹⁵. Но именно художественный анализ произведений Солженицына мы находим и в рецензии на «Ивана Денисовича», и в «Высоком искусстве», и в письмах К. Чуковского.

Настоящая встреча Солженицына и Чуковского произошла на эстетической почве. Критик сразу и безоговорочно принял Солженицына-художника. 5 марта 1963 г. Чуковский признается в письме неустановленному адресату: «Я страстно полюбил его талант – не только потому, что он ратует за правое дело (этого подвига не забудет история), но и потому, что он величайший мастер, величайший художник из всех, какие были у нас после Чехова» (15, 524). А 12 марта 1963 г. уже в письме самому Солженицыну пишет: «“Иван Денисович” поразил меня раньше всего своей могучей поэтической (а не публицистической) силой. Силой, уверенной в себе: ни одной крикливой, лживой краски; и такая власть над материалом; и такой абсолютный вкус» (15, 527).

Воспитанный эпохой модернизма с ее высокой художественной и критической культурой, Чуковский и произведения совсем другой эстетической природы оценивал по тому же «гамбургскому счету». В письме Солженицыну от 17 августа 1963 г. он пояснял: «Со мною это бывало и прежде. Когда вышло “Двенадцать” Блока, все витии спорили об “идейной направленности” этой

вещи, и только меня очаровал гениальный сплав романса, частушки, народной песни...» (15, 546).

Рецензия Чуковского на «Ивана Денисовича», будучи опубликованной и воспринятой, могла бы задать совсем иную парадигму изучения творчества Солженицына. Чуковский открывает важнейший эстетический принцип писателя: «В каждой сцене автор идет по линии наибольшего сопротивления и всюду одерживает победу»¹⁶. Именно так, по мнению Чуковского, преодолевается публицистичность: «Другой более слабый автор непременно ударился бы в публицистику, стал бы проклинать и вопить. Но А. Рязанский – и в этом его величайшая сила – ничем не выражает своего страстного гнева. Он не публицист, а летописец»¹⁷. Л. Выготский называл это законом преодоления формой содержания. Одним из способов такого преодоления Чуковский считает трагическую иронию автора, ощутимую на каждой странице «Ивана Денисовича».

Но, пожалуй, самой важной точкой пересечения Солженицына и Чуковского был пристальный интерес обоих к проблемам родного языка. Перечитывая книгу отца о Н. А. Некрасове, Лидия Корнеевна отметила в дневнике: «Между К. И. и А. И. никакого нету сходства, но, еще не успевая понять, что и о чем они пишут, – испытываешь радость погружения в родной язык»¹⁸.

Первое, на что обратил внимание Чуковский в произведениях Солженицына, был именно язык: «...весь рассказ написан <...> языком, полным юмора, колоритным и метким. Автор не щеголяет языковыми причудами (как Даль, Мельников-Печерский, Ал. Ремизов), не выпячивает отдельных аппетитных словечек (как безвкусный Лесков); речь его не стилизация, это живая органическая речь, свободная как дыхание. Великолепная народная речь с примесью лагерного жаргона»¹⁹.

Для того чтобы всерьез поговорить о языке «Ивана Денисовича» в печати, Чуковский нашел подходящий повод. Рассказ Солженицына спешно и небрежно перевели на разные языки мира. Проанализировав эти переводы, Чуковский написал статью «Вина или беда» и опубликовал ее в «Литературной газете»²⁰. В письме Солженицыну он так объяснил подлинный замысел своей статьи: «Я для того и порицаю переводчиков “Ивана Денисовича”, чтобы дать русскому читателю наиболее осязательное, наиболее конкретное представление о стилистическом великолепии повести» (15, 538). В языке подлинника он отметил «свежие, сверкающие народные краски», «слова своеобразные, редкостные, никогда не входившие в так называемую литературную лексику»²¹. Всю жизнь исследовавший поэзию Чуковский чутко реагирует на ритмическую организацию текста: «Не нужно отличать слишком изысканным слухом, – пишет он, – чтобы заметить, что этот текст подчинен ненавязчивому сказовому народному ритму»²². Высоко оценив профессионализм статьи Чуковского, Солженицын с благодарностью от-

метил: «И вообще о языке повести до Вас никто не удосужился написать. Спасибо!»²³

Статья о переводах «Ивана Денисовича» вошла в книгу Чуковского о теории художественного перевода «Высокое искусство», опубликованную в 1964 г. и подаренную автором Солженицыну. Но уже при следующем издании книги в мае 1968 г. возникли трудности: «Вечером приехала Елена Никол. Конюхова от “Советского писателя” уговаривать меня, чтобы я выбросил из своей книги упоминание о Солженицыне. Я сказал, что это требование хунвейбиновское, и не согласился <...> Книга моя вряд ли выйдет <...> Итак, у меня в плане 1968 г. три книги, которые задержаны цензурой...» (13, 497–498). Упоминания о требовании изъять страницы о Солженицыне еще несколько раз встречаются в дневнике Чуковского за 1968 г. Запись от 7 октября – одна из самых горьких: «Сегодня, увы, я совершил постыдное предательство: вычеркнул из своей книги «Высокое искусство» – строки о Солженицыне <...> но ведь я семь месяцев не сдавался, семь месяцев не разрешал издательству печатать мою книгу – семь месяцев страдал оттого, что она лежит где-то под спудом, <...> и теперь, когда издательство заявило мне, что оно рассыплет набор, если я оставлю одиозное имя, я увидел, что я не герой, а всего лишь литератор <...> ибо книга все же – плод многолетних усилий, огромного, хотя и безуспешного труда. Мне предсказывали, что, сделав эту уступку цензурному террору, я почувствую большие мучения, но нет: я ничего не чувствую кроме тоски – обмозолился» (13, 520).

Действительно, это был далеко не первый случай, когда цензура уродовала книги Чуковского и он, живший литературным трудом, вынужден был смиряться. В результате у него выработалось специфическое отношение к цензурным изъятиям, которое он высказал в письме Солженицыну: «А насчет урезок – берите пример с Николая Алексеевича Некрасова: он печатал свои стихи с любыми цензурными изъятиями, зная, что в собрании своих сочинений он реставрирует вычеркнутое. Ведь 1963 годом история литературы не кончается» (15, 546).

Этот вынужденный и выстрадавший Чуковский подход был чужд максималисту Солженицыну, выразившему свое отношение к цензуре в письме к съезду писателей. Требования Солженицына казались Чуковскому утопическими, сам он шел другим путем: с огромным трудом шаг за шагом добиваясь, например, сначала упоминания М. Зощенко в открытой печати, затем публикации воспоминаний о нем в журнале «Москва» в 1965 г.²⁴ Солженицын же упрекал его: «В очерке этом мне сильно не хватает 1946-го года... Ведь нужно! Ведь как обминуть?»²⁵

А вот в вопросе о путях развития русского языка Чуковский и Солженицын были союзниками. Когда на страницах «Литературной газеты» академик В. Виноградов в высокомерно-пре-

зрительном тоне отозвался о лингвистических воззрениях Чуковского²⁶, в защиту писателя выступил именно Солженицын. В программной статье «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана»²⁷ он вступился за писателя, «отдавшего лучшие движения своего таланта прослеживанию жизни нашего языка и поддержке всего живого в нем, будь оно седое или только что рожденное»²⁸. Здесь же Солженицын формулирует основные принципы языкового расширения²⁹. В этом деле он считает Чуковского своим единомышленником: «...В вашей книге 1908 года я находил местами и то языковое расширение, и тот русский склад, о котором идет речь. С опозданием я даже начал выписывать примеры, чтобы когда-нибудь их привести. Мне было очень приятно найти в Вас союзника, да иначе и быть не могло»³⁰. Конечно, и в этом вопросе позиции писателей совпадали не полностью, но оба стояли за раскрепощение языковой энергии народа, не удивительно, что сегодня в лингвистических исследованиях их имена стоят рядом как образцы «языкового сопротивления»³¹ советской реальности.

Знаком окончательного признания Чуковским литературного значения Солженицына стало приглашение его в «Чукоккалу». 20 марта 1966 г. он писал: «...мне необходим Ваш автограф <...> хотелось бы, чтобы Вы отразились в “Чукоккале” не случайной альбомной записью, а чем-нибудь более существенным, более передающим самую квинтэссенцию, самую суть Солженицына <...> Мне хочется, чтобы в книге, где так полно представлены Горький, Маяковский, Ал. Блок, Илья Репин, Вяч. Иванов и др. – было оказано самое горячее гостеприимство А. И. Солженицыну» (15, 593). Обсуждались разные варианты: «стихотворение о судьбах русских поэтов»³², «крохотки» «Шарик» и «Город на Неве», фрагменты о языке, о литературе и творчестве. Но готовившееся в 1966 г. издание альманаха так и не было осуществлено при жизни Чуковского. В издании 1979 г. не могло идти и речи о публикации Солженицына, и только в изданиях 1999 и 2006 гг. его автографы были опубликованы³³.

Последний раз Солженицын с женой побывали у Чуковского в Переделкине 16 июня 1969 г. Тогда же Наталья Решетовская сфотографировала их обоих на скамейке у дома.

В конце 1960-х гг. имя Чуковского в какой-то мере было для Солженицына охранной грамотой, что признавал и сам Александр Исаевич: «Корней Иванович открыл мне свой дом в самые тяжелые дни, когда <...> очень реальна была возможность ареста. Вне его дома меня можно было смахнуть как муху. А вот здесь – не возьмешь»³⁴.

Чуковский умер 28 октября 1969 г., а уже 5 ноября Солженицын был исключен из Союза писателей СССР. Но еще некоторое время Корней Иванович мог помогать опальному писателю, оставив ему часть своих сбережений, на которые,

как свидетельствует Солженицын, он прожил три года³⁵.

Чуковский не дожил до всемирной славы Солженицына, до публикации его главных произведений, но того немного, что он прочел, ему как профессионалу оказалось достаточно, чтобы оценить масштаб и уникальность явления. Дневники и письма Чуковского интересны не только тем, что они сохранили непосредственные впечатления об относительно молодом Солженицыне, но тем, что показали возможности художественно-эстетического подхода к творчеству писателя.

Примечания

- 1 Чуковский К. Собр. соч. : в 15 т. Т. 13, 15. М., 2007–2009. Дневники и письма Чуковского приводятся по данному изданию с указанием тома и страницы в скобках.
- 2 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969) // Новый мир. 2011. № 10. С. 134–153.
- 3 «Открытую почту нам Москва обрubiла в оба конца...» : Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1974–1977) // Солженицынские тетради. Вып. 1. М., 2012. С. 47–100 ; «Слово “Самиздат” пишется с большой буквы...» : Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1967–1974) // Солженицынские тетради. Вып. 2. М., 2013. С. 43–92.
- 4 Чуковская Л. Счастливая духовная встреча. О Солженицыне // Новый мир. 2008. № 9. С. 79–139.
- 5 См.: Чуковская Е. Солженицын и Чуковские // Рос. обозрение. 1994. № 41 ; Она же. А. И. Солженицын в переписке с Чуковскими // Путь Солженицына в контексте большого времени. Сборник памяти. 1918–2008. М., 2009. С. 102–106 ; Она же. Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969) // Новый мир. 2011. № 10. С. 134–153.
- 6 Чуковский К. Литературное чудо // «Ивану Денисовичу» полвека : Юбилейный сборник (1962–2012). М., 2012. С. 20–21.
- 7 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 135.
- 8 Там же.
- 9 В том же эмоциональном ключе дает портрет Солженицына и Л. К. Чуковская : «Первое впечатление: молодой, не более 35 лет, белозубый, быстрый, легкий, сильный, очень русский <...> Светло-голубые глаза, неопределенного цвета волосы. Шофер? Монтер? <...> Главное ощущение от него: воля, сила. Чувствуется, что у человека этого есть сила жить по-своему» (Чуковская Л. Счастливая духовная встреча... С. 71–72).
- 10 Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 84.
- 11 Чуковская Л. Счастливая духовная встреча... С. 79.
- 12 Чуковский К. Литературное чудо. С. 21.
- 13 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 135–136.
- 14 Там же. С. 146.
- 15 «Открытую почту нам Москва обрubiла в оба конца...». С. 97.
- 16 Чуковский К. Литературное чудо. С. 21.
- 17 Там же.
- 18 Чуковская Л. Счастливая духовная встреча... С. 124.
- 19 Чуковский К. Литературное чудо. С. 20–21.
- 20 Чуковский К. Вина или беда? Об искусстве художественного перевода // Лит. газ. 1963. 3 авг.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 140.
- 24 См.: Чуковский К. Михаил Зощенко // Москва. 1965. № 6. С. 190–208.
- 25 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 145.
- 26 См.: Виноградов В. Заметки о стилистике современной советской литературы // Лит. газ. 1965. 19 окт.
- 27 См.: Солженицын А. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана // Лит. газ. 1965. 4 нояб.
- 28 Там же.
- 29 См. об этом: Иванюшина И. Две концепции «языкового расширения» : А. Солженицын и В. Хлебников // А. И. Солженицын и русская культура. Вып. 3. Саратов. 2009. С. 86–95.
- 30 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 147.
- 31 См. об этом: Купина Н. Тоталитарный язык : Словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь, 1995.
- 32 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 149. Имеется в виду стихотворение А. Солженицына «Поэты русские! Я с болью одинокой...» (1952).
- 33 Современное издание «Чукоккалы» (Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006) содержит три автографа А. Солженицына: первую альбомную запись («Побыв сегодня несколько часов с Вами, Корней Иванович, и вместе с Вами заглянув (надеюсь, не последний раз) в «Чукоккалу» – я пережил это светлое и такое необходимое прикосновение к нашей старой доброй литературе. Солженицын. Дар остроумца не дан мне, и этот листик, увы, не украсит «Чукоккалу»), стихотворение «Поэты русские!», рассказ «Шарик» (С. 540–543) и фотопортрет А. Солженицына, сделанный Э. Гладковым.
- 34 Солженицын А. Лидия Чуковская. Некролог // Лит. газ. 1996. 14 февр.
- 35 «<...>После гонимых за “Ивана Денисовича” у меня не было существенных заработков, только ещё деньги, оставленные мне покойным К. И. Чуковским, теперь и они подходят к концу. На первые я жил шесть лет, на вторые – три года» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Приложения. Из интервью А. Солженицына газетам «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». Москва, 30 марта 1972 // Новый мир. 1991. № 8. С. 103).

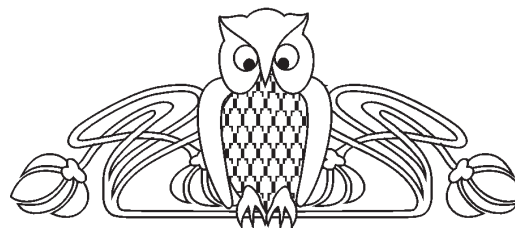

УДК 821.161.1.09+929Солженицын

«СТРАШНЫЕ» СЛОВА У СОЛЖЕНИЦЫНА

И. Е. Мелентьева

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва
E-mail: irinamelenteva@mail.ru

В статье идет речь о лексических предпочтениях Солженицына: о том, какие слова и почему он считал «невыносимыми». В отношении к слову у Солженицына выделяются эстетические (смысл, звук, цвет, запах) и этические (принадлежность к блатному или палаческому миру, русскость, возможность исхождения из уст Христа) аспекты.

Ключевые слова: Солженицын, слово, словарь.

Solzhenitsyn's «Awful» Words

I. E. Melentyeva

The article dwells on Solzhenitsyn's lexical preferences, on what words he considered «unbearable» and why. In Solzhenitsyn's attitude to the word aesthetic aspects (meaning, sound, color, smell) and ethic ones (belonging to the rogue or slaughterer world, being Russian, a possibility of coming from Christ's lips) can be singled out.

Key words: Solzhenitsyn, word, dictionary.

В Париже 10 апреля 1975 г. на пресс-конференции, которая передавалась в прямом эфире и затянулась на много лишних минут, известный французский журналист Бернар Пиво спросил у А. И. Солженицына: «...какое слово в русском языке вам дороже всего? Какое слово – мир? счастье? Бог? свобода?»¹. Солженицын ответил: «...я думаю, что писателю задавать такого вопроса нельзя. Вся моя жизнь проходит среди слов, и когда мне удаётся минуту дохнуть свежим воздухом, то я беру выписки из русских словарей и перебираю эти слова как драгоценности, и каждое кажется мне таким прекрасным, что не хочется от него... До свидания, до свидания!»². Закончившееся эфирное время не позволило Солженицыну завершить свой ответ, но можем обратиться к драгоценным выпискам из русских словарей, сочным и полновесным словам гениев русской литературы, собранных писателем в «Русский словарь языкового расширения» (1988).

Однако в статье речь пойдет о тех словах, которые Солженицын не любил, называя их «страшными», «гадкими», «мерзкими», «смердными». Образно говоря, эти слова находятся на противоположном полюсе по отношению к лексике «Русского словаря языкового расширения».

Характеристика ««страшное» слово» встречается в двучастном рассказе «Эго» (1995). Солженицын пишет о большевиках: «...ещё существовал и *начпогуб* Вейднер... это страшное слово значило: начальник политического отдела губернии»³. Писателя и персонажей ужасает, что это сокраще-

ние вполне можно расшифровать как *начальник* (или *начало*) *погубления*. Губительность является смысловым центром и в другом «страшном» слове уже из «Архипелага ГУЛАГ»: «...губительное слово – *Секирка*. Это значит – Секирная гора» (5, 33). На Секирной горе в Соловецком лагере «в двухэтажном соборе... устроены карцеры. Содержат в карцере так: от стены до стены укреплены жерди толщиной в руку, и велют наказанным арестантам весь день на этих жердях сидеть. <...> Высота жерди такова, что ногами до земли не достаёшь. Не так легко сохранить равновесие, весь день только и силится арестант – как бы удержаться. Если же свалится – надзиратели подсакивают и бьют его. Либо: выводят наружу к лестнице в 365 крутых ступеней (от собора к озеру, монахи соорудили); привязывают человека по длине его к *балану* (бревну) для тяжести – и вдоль ступеней (ступеньки настолько круты, что бревно с человеком на них не задерживается, и на двух маленьких площадках тоже)» (5, 33). Не менее страшным кажется автору «Архипелага ГУЛАГ» и наименование «Центральный Карательный Отдел (а названьице-то! по коже пробирает)» (5, 19). Страшно, когда можно людей гнать на работу, как скот, «длинными палками, дрынами», и появляется «даже глагол уже всем понятный: *дрыновать*» (5, 33). А вот еще пример из «Архипелага ГУЛАГ», когда от страшного бесчеловечного явления рождается новое бесчеловечное страшное слово: «...сани и телегу тянут не лошади, а люди (по несколько в одной) – и тоже есть слово вридло (временно исполняющий должность лошади)» (5, 33). И слышится в этом «вридло» и вред, и зло, и подлость.

Чтобы отразить ужас эпохи ГУЛАГа, Солженицыну не обязательно назвать, выписать и объяснить все «страшные» слова, писатель как всегда экономен в художественных средствах. Для плотного изображения страшного времени и языка этого времени используются тщательно отобранные сгущенные слова подобно тому, как с помощью Узлов конструируется эпопея «Красное Колесо». «Я придумал концентрировать, создать УЗЛЫ...», – пишет Солженицын о сути композиционной работы над повествованием в отмеренных сроках. – В кривой истории, то есть в смысле математическом кривая линия истории, – есть критические точки, их называют в математике особыми. Вот эти узловые точки – как Узлы, – я их подаю в большой плотности...»⁴ Таким же об-

разом с помощью узловых точек «страшных» слов рисуется и линия «страшного» языка.

Роль Узла, в котором в свернутом виде представлена эпоха ГУЛАГа, играет и слово «роман». Когда Солженицын в очерках литературной жизни «Бодался телёнок с дубом» рассуждает об эпических жанрах, то не может удержаться от того, чтобы не сделать примечания: «А роман (мерзкое слово! нельзя ли иначе?)»⁵. На первый взгляд, непонятно, почему вполне благозвучное слово вызывает такую сильную негативно-уничтожающую реакцию писателя. Однако в корпусе текстов Солженицына можно найти объяснение и этому. Так, в «Архипелаге ГУЛАГ» читаем в пояснительном авторском словарице «Некоторые тюремно-лагерные термины»: «**тискать роман** – (*блатн.*) рассказывать в камере авантюрно-любовную историю» (6, 506). А в самом тексте опыта художественного исследования находим более развернутую характеристику этого слова. «Увидеть блатаря с газетой, – пишет Солженицын, – совершенно невозможно, блатными твёрдо установлено, что политика – щебет, не относящийся к подлинной жизни. Книг блатные тоже не читают, очень редко. Но они любят литературу устную, и тот рассказчик, который после отбоя им бесконечно *тискает романы*, всегда будет сыт от их добычи и в почёте, как все сказочники и певцы у примитивных народов. Романы эти – фантастическое и довольно однообразное смешение дешёвой бульварщины из великосветской (обязательно великосветской) жизни, где мелькают титулы виконтов, графов, маркизов, – с собственными блатными легендами, самовозвеличиванием, блатным жаргоном и блатными представлениями о роскошной жизни, которой герой всегда в конце добивается: графиня ложится в его “койку”, курит он только “Казбек”, имеет “луковицу” (часы), а его “прохоря” (ботинки) начищены до блеска» (5, 353). Таким образом, от вроде бы нейтрального слова отворачивает Солженицына связь данной лексической единицы с блатным миром и особыми блатными представлениями о прекрасном. В этом заключается специфичность видения слова Солженицыным. Однако, несмотря на то, что слово «роман» у писателя вызывало отторжение, он все равно использовал его для обозначения жанра (кстати, и в «Бодался телёнок с дубом» Солженицын, говоря о современном романе, употребляет это слово уже без негативных комментариев).

Еще несколько узловых слов – «Органы», «вагон-зак», «сексот», «тюряк» – образуют линию гадкого и мерзкого палаческого языка. Слово-сочетание «органы внутренних дел», лишившись последних двух слов, превратилось в «Органы». «Этим гадким словом они называли сами себя» (4, 41), – замечает Солженицын. Писателя всегда поражали бессознательная саморазоблачительность власти, которая «окрепала» сама себя «достойными кличками» (1, 273), и неспособность создате-

лей новых советских слов и понятий прислушаться к собственному языку. «“Вагон-зак” – какое мерзкое сокращение! – восклицает Солженицын. – Как, впрочем, все сокращения, сделанные палачами» (4, 436). О неестественности палаческого языка, несродности живому великорусскому языку говорит то, что слово «вагон-зак» «нигде, кроме тюремных бумаг... не удержалось. Усвоили арестанты называть такой вагон “стольпинским” или просто “стольпиным”» (4, 436). Солженицын показывает, как в русском языке, не терпящем над собой насилия, происходит борьба с чужеродными лексическими элементами.

Слово «сексот» рассматривается писателем в пяти измерениях. Первые три вполне традиционны: значение, написание, звучание, однако Солженицын добавляет к ним еще два: запах и цвет, которые равно отвратительны. О тех, кого называли «сексотами», Солженицын пишет, что поначалу «они названы были по-деловому: секретные сотрудники (в отличие от штатных, открытых). В манере тех лет это сократилось – *сексоты*, и так перешло в общее употребление. Кто придумывал это слово (не предполагая, что оно так распространится, – не уберегли) – не имел дара воспринимать его непредвзятым слухом и в одном только звучании услышать то омерзительное, что в нём сплелось, – нечто более даже постыдное, чем содомский грех. А ещё с годами оно налилось желтовато-бурой кровью предательства – и не стало в русском языке слова гаже» (5, 282). Несмотря на искусственность, слово распространилось в языке, чему способствовала образовавшаяся при уродливом сокращении аура неожиданных смыслов и парадоксально проявившаяся оценка явления. В советское время это слово бытовало как ругательство.

Оппозицию советскому палаческому языку Солженицын находит в дореволюционной тюремной лексике. Например, его восхищает слово «острог», этим пассажем открывается глава «Архипелага ГУЛАГ» под названием «Тюряк»: «Ах, доброе русское слово – *острог* – и крепкое-то какое! и сколочено как! В нём, кажется, – сама крепость этих стен, из которых не вырвешься. И всё тут стянуто в этих шести звуках – и строгость, и острога, и острота (ежовая острота, когда иглами в морду, когда мёрзлой роже мятель в глаза, острота затёсаных колец предзонника и опять же проволоки колючей острота), и осторожность (арестантская) где-то рядышком тут прилегает, – а *рог*? Да рог прямо торчит, выпирает! Прямо в нас и наставлен!» (4, 410). Все то, что до революции называлось острогом, в советское время стало обозначаться невыразительным словом «тюряк» (*тюремное заключение*). В данном случае Солженицын, пусть даже иронически, выступает против оскудения языка «по холостящему советскому обычаю», ведь «лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств»⁶.

Показательна в данном контексте и история именованья заключенных. Солженицын показывает, как живая стихия русского языка преобразует мертвое, «казённо рождённое» «з/к», наделяет его склонением и превращает аббревиатуру в удержавшееся слово «зэк». «До 1934 года официальный термин был *лишённые свободы*. Сокращалось это “л/с”, и осмысливали ли туземцы себя по этим буквочкам как “элэсов” – свидетельств не сохранилось, – пишет Солженицын в главе «Зэки как нация». – Но с 1934 года термин сменили на «заключённые» (вспомним, что Архипелаг уже начинал каменеть, и даже официальный язык приспособлялся, он не мог вынести, чтобы в определении туземцев было больше *свободы*, чем тюрьмы). Сокращённо стали писать: для единственного числа “з/к” (зэ-ка), для множественного – “з/к з/к” (зэ-ка зэ-ка). Это и произносилось опекунами туземцев очень часто, всеми слышалось, все привыкали. Однако казённо рождённое слово не могло склоняться не только по падежам, но даже и по числам, оно было достойным дитём мёртвой и безграмотной эпохи. Живое ухо смышлёных туземцев не могло с этим мириться, и, посмеиваясь, на разных островах, в разных местностях стали его по-разному к себе переиначивать...» (5, 405–406).

Любопытно проследить за особенностями употребления Солженицыным слова «туфта», которое встречается в его текстах в двойном написании с буквами «ф» или «х» посередине. «Меня корят, – пишет он, – что надо писать туфта, как правильно по-воровски, а тухта есть крестьянское переиначивание, как Хвёдор. Но это мне и мило: тухта сроднено с русским языком, а туфта совсем чужое, принесли воры, а обучили весь русский народ. Так пусть будет тухта» (5, 58), – читаем в «Архипелаге ГУЛАГ». Использование «х» или «ф» позволяет разделить голос автора, сродненно-го с русским языком, от голоса палачески-благного языка. Например: «“*Туфта* – *опаснейшее орудие контрреволюции*” (а тухтят блатные больше всех: уж лёд засыпать в ряжи – узнаю, это их затея!). Ещё лозунг: “Туфточ – классовый враг!” – и поручается ворах идти разоблачать тухту, контролировать сдачу казёровских бригад!» и т. п. (5, 78). Этот фрагмент комментируется Солженицыным: «Подчиняюсь “ф” лишь потому, что цитирую» (5, 78). Однако в авторской речи писатель противится блатному произношению и таким образом не подчиняется ценностным установкам блатного мира.

Еще следует сказать о линии узловых топонимов: Свердловск, улица Горького, Петербург. Известно восклицание Солженицына о говорящих фамилиях – гулаговских тюремщиков: «...как будто по фамилиям их на работу берут!» (4, 148). А далее перечисляются с указанием должностей Трутнев, Шкуркин, Баландин, Скорохватов, Волкопялов, Грабищенко... И риторический вопрос: «Совсем ли ничего не отражается в людских фамилиях и таком сгущении их?» (4, 148). Вот

и Свердловск с характеристикой «не хочется это грязное название и писать»⁷ – типичное порождение гулаговского мышления. Город, названный грязным именем палача, и сгущение подобных грязных палаческих названий городов не делают ли атмосферу жизни еще более затхлою?

С улицей Горького ситуация несколько иная: само явление жизни так безнадежно потеряло себя, что стало недостойно своего истинного названия: «...я вышел в солнечный день на улицу Горького (так испорченную, что уже и не хочется называть её Тверской)...»⁸ То есть Тверская улица настолько искажена, что вполне соответствует своему новому названию (а о своем отношении к Горькому Солженицын достаточно написал в «Архипелаге ГУЛАГ» и «Бодался телёнок с дубом»).

Размышления писателя о должном имени для тогдашнего Ленинграда мы находим еще в начале 1950-х гг. В пьесе «Пленники» (1952–1953), написанной в лагере и ссылке, Настенька спрашивает поручика Русской освободительной армии (бывшего лейтенанта Красной армии) Болоснина: «Вы откуда сами, Игорь Дмитриевич?» Герой отвечает: «Я – уроженец и обитатель города, который так люблю, что затрудняюсь назвать достойно. Санкт-? – уже потеряно давно, да и город этот заведомо не от апостола, уже видно. Петербург? – по-немецки. Петроград? – не вижу права на честь за то, что “вздёрнул на дыбы”... И не Пушкина это город, и не Достоевского, и нет единого имени, которое покрывало бы его сполна. Сам с собой я теперь зову его <...> Невгород. <...> И потом совершенно точно. Второго большого города на Неве нет». И это Настенькой принимается очень естественно: «Невгород? Напоминает... Новгород? И очень по-русски звучит. Знаете, эти ароматнейшие русские слова с ударением на приставке: невпору, припорох, излюба»⁹. Показательно, что слово Ленинград совершенно опускается и не упоминается в тексте. Также проблеме переименования Ленинграда Солженицыным посвящено обращение 1991 г. «К жителям города на Неве», где писатель пытается воздействовать на общественное мнение и объяснить, что название «Санкт-Петербург» «было в XVIII веке навязано вопреки русскому языку и русскому сознанию» и что «э т о г о звучания возвращать не надо». Писатель считал, что «переименование в 1914 г. в “Петроград” было вполне разумным, и оно верно, если считать город названным в честь императора. (Если же хотеть сохранить, как исторически было, в честь Апостола Петра, – то естественная русская форма: Свято-Петроград.)»¹⁰. И хотя писатель не был услышан властями, но корреспонденция, отправленная Солженицыным «в Петроград», доходила туда, куда следует, о чем свидетельствует один из его адресатов Михаил Кураев: «В декабре 1997 года я получил письмо от А. И. Солженицына. Его рукой на конверте был написан адрес: “Петроград”, дальше проспект, номер дома и т. д. Письмо дошло без задержек»¹¹.

В ряду негативно маркированных слов в текстах Солженицына можно найти и совершенно неожиданное, не относящееся ни к блатной жизни, ни к палаческому языку – «юрисдикция». В 1974 г., обращаясь по просьбе митрополита Филарета к Третьему Собору Зарубежной Русской Православной Церкви, Солженицын писал: «Так много ступеней нас ждёт – в высоту братства и любви, а мы и на самой низшей застигнуты в непонятном раздроблении – не веры, не оттенков веры или хотя бы обряда, но каких-то *юрисдикций* – мерзкое слово, которого не только не слышали мы из уст Христа, но представить нельзя на страницах священных книг»¹². В комментариях к первому тому публицистики Н. Д. Солженицына поясняет, что «после атмосферы гонений Церкви и стойкости верующих на родине – у писателя вызывал стойкое недоумение юрисдикционный раскол церквей в русской эмиграции. Это и стало главным тоном письма»¹³. Здесь писатель ужасается и тому, что внесен разлад в церковные дела, и тому, что для обозначения болевых точек церковной жизни у людей, располагающим всем богатством русского и церковнославянского языков, не находится более адекватного слова, чем иностранное – юрисдикция. В «Объяснении» к «Русскому словарю языкового расширения» Солженицын, говоря об угрозе оскудения русского языка, предупреждает о бездумном приятии иноязычных слов: «Но нельзя упустить здесь и других опасностей языку, например, современного нахлына международной английской волны. Конечно, нечего и пытаться избегать таких слов, как компьютер, лазер, ксерокс, названий технических устройств. Но если беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как “уик-энд”, “брифинг”, “истеблишмент” и даже “истеблишментский” (верхоуставный? верхоуправный?), “имидж” – то надо вообще с родным языком распрощаться»¹⁴.

Изучение особенностей солженицынского словоупотребления позволяет лучше понять не только яркость и выразительность его стиля, но и уточнить отношение писателя к слову. Полновесным словам, из «коренной струи языка»¹⁵ Солженицын противопоставляет дурно пахнущие мертвые, безобразные и плоские выражения палаческого и блатного мира, в котором бесчеловечность действующих лиц проявляется в бесчеловечности их языка. От «страшных», «гадких», «мерзких» слов страшно, гадко, мерзко становится и персонажам, и читателю, и самому писателю. Эта лексика могла бы составить своеобразный «антисловарь» языка Солженицына, в котором негативно маркированные слова становятся мощным подспорьем

в обрисовке ужасающего мира ГУЛАГа. Через «страшное» слово-Узел, как через увеличительное стекло, яснее становится характеристика эпохи. Солженицын призывает к сбережению русского языка, с болью отзывается о его порче в «свободной» литературе третьей волны эмиграции: «На каком всё это написано языке? Хотя сия литература и назвала сама себя “русскоязычной”, но она пишет не на собственно русском языке, а на жаргоне, это смрадно звучит. *Языку-то русскому они прежде всего и изменили*»¹⁶.

Примечания

- 1 Солженицын А. Пресс-конференция в Париже (10 апреля 1975) // Солженицын А. Публицистика : в 3 т. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 281.
- 2 Там же.
- 3 Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М., 2006. С. 273. В дальнейшем при цитировании данного издания в скобках указываются том и страница ; сохранены авторская орфография и пунктуация.
- 4 Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве (Париж, март 1976) // Солженицын А. Публицистика. Т. 2. С. 432.
- 5 Солженицын А. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 28.
- 6 Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. М., 1995. С. 3.
- 7 Солженицын А. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. С. 297–298.
- 8 Солженицын А. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 38.
- 9 Солженицын А. Пьесы и киносценарии. Париж, 1981. С. 184.
- 10 Солженицын А. К жителям города на Неве (28 апреля 1991 г.) // Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 351.
- 11 Кураев М. Солженицын и мы // Путь Солженицына в контексте Большого Времени : Сборник памяти : 1918–2008 / сост., подгот. текста и общ. ред. Л. И. Сараскиной. М., 2009. С. 357.
- 12 Солженицын А. Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви // Солженицын А. Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 211.
- 13 Солженицын Н. Краткие пояснения // Солженицын А. Публицистика. Т. 1. С. 707.
- 14 Русский словарь языкового расширения. С. 3.
- 15 Там же.
- 16 Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов : Очерки изгнания // Новый мир. 2000. № 9. С. 128–129.

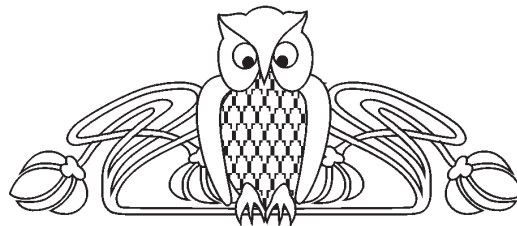

УДК 821.161.1.09-31+929Солженицын

РИТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ РОМАНА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Г. М. Алтынбаева

Саратовский государственный университет
E-mail: gulnarama@gmail.com

В статье на материале романа А. И. Солженицына «В круге первом» проанализированы риторические корни жанра романа. Доказано, что риторическая природа романа как жанра, о чём писали М. М. Бахтин и Ю. М. Лотман, характерна для произведения Солженицына. Исследование риторических «истоков» романа наравне с другими корнями больших эпических жанров в творчестве Солженицына – важный путь к пониманию и природы художественного метода писателя, и жанра русского романа XX в. в целом.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «В круге первом», риторика, теория романа.

Rhetoric Roots of A. I. Solzhenitsyn's Novel «The First Circle»

G. M. Altynbaeva

The article analyzes the rhetoric roots of A. I. Solzhenitsyn's novel «The First Circle». It is proved that the rhetoric nature of the novel as a genre – as described by M. M. Bakhtin and Yu. M. Lotman – is characteristic for Solzhenitsyn's novel. Research of the rhetoric «sources» of the novel together with other roots of large epic genres in Solzhenitsyn's oeuvre is an important route to the comprehension of both the nature of the writer's artistic method and the genre of the Russian novel of the XXth century in general.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, «The First Circle», rhetoric, theory of novel.

В «Дневнике Р-17» Александр Исаевич Солженицын делает запись об одном из важных для себя приёмов синтеза жанров. По убеждению писателя, «граница между жанрами должна быть чёткая. Неопределённость их – это уже доля современного вавилонского смешения искусств»¹. То есть должно быть не только органичное соединение разных форм, но чёткое представление о каждой, так как именно это позволяет наиболее точно и неприметно на первый взгляд, а в то же время на пользу материалу сводить жанры.

Одновременное чтение работ М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана о жанре романа, а также ведение на физическом факультете СГУ дисциплины по выбору «Особенности стилистики научных текстов» случайно заставили меня по-новому взглянуть на произведение А. И. Солженицына «В круге первом». Так, научная и прагматическая потребности определили цель моей работы, которая заключается в выявлении риторических корней первого солженицынского романа.

Размышляя над проблемами стилистики романа, М. М. Бахтин в качестве одного из ис-

точников жанра называет риторику, «в ведении которой искони находилась вся проза, в том числе и художественная»². Комментатор Бахтина подчеркивает, что «влияние риторики на роман» было «одной из сквозных тем романной теории М. М. Б., у которого обоснование особой *прозаической художественности* как второй ведущей линии развития европейской литературы (наряду с поэтическим в собственном смысле словом) шло через пересмотр традиционного отнесения художественной прозы и романа к риторическим формам»³. Главное положение романной теории Бахтина – «Роман как словесное целое – это многостильное, разноречивое, разноголосое явление»⁴ – переключается с художественной позицией А. И. Солженицына, который на протяжении всего творчества для воплощения своей цели использует различные формы. Писатель «экспериментирует», ищет формы для своих идей. В этой связи очень важным является следующее его высказывание: «Я должен комбинировать жанры. Не считаю, что я открыватель чего-то нового, но и не традиционалист, – я только каждый раз думаю, как *эту задачу решить лучше всего, как наиболее рельефно подать читателю этот материал* (курсив наш. – Г. А.)»⁵. Полижанровость является отличительной чертой художественного метода Солженицына. «Мой материал, совершенно необычный, потребовал <...> своих жанров, своего подхода»⁶. В жанровом эксперименте Солженицын «остраивает» природу романа, возвращаясь к его истокам, к *процессу* соединения его риторического, эпического и карнавального начал.

Для Ю. М. Лотмана риторика – «поэтика текста», раздел поэтики, изучающий внутритекстовые отношения и социальное функционирование текстов как целостных семиотических образований»⁷. В работе учёного звучит очень важная мысль, которая, на наш взгляд, близка солженицынскому пониманию природы художественности. «Риторическая структура не возникает автоматически из языковой, а представляет собой решительное переосмысление последней (в системе языковых связей происходят сдвиги, факультативные структуры повышаются в ранге, приобретая характер основных, и т. п.). Риторическая структура вносится в словесный текст извне, являясь дополнительной его упорядоченностью»⁸.

На наш взгляд, Солженицын как художник XX в. понял причину и механизм включения риторического в ткань собственно художественного.

В основе системы соединения форм у Солженицына лежат его основные творческие принципы⁹: во-первых, что с чем соединить и как – зависит от материала, над которым писатель работает; во-вторых, синтез, создание новой формы – во имя идеи, но не «во имя пустоты»; в-третьих, в основе синтезирования всегда задача автора – наиболее рельефно подать фактический материал; в-четвёртых, скрещение разных форм – ради читательского восприятия.

Читая «В круге первом»¹⁰, можно вычленил риторические элементы¹¹ романа на различных текстовых уровнях:

речевое событие – истоки, причина его возникновения;

речевая ситуация – риторика в контексте большой идеи писателя;

структура речевой ситуации и поведение говорящего;

речевое действие – дискурс (речь автора/героев);

речевые цели;

«минус-риторика».

В «Архипелаге ГУЛаг» Солженицын обращает внимание на обновление семантики слов в XX в.: «Верно замечает Н. Я. Мандельштам: наша жизнь так пропиталась тюрьмой, что многозначные слова «взяли», «посадили», «сидит», «выпустили», даже без текста, у нас каждый понимает только в одном смысле!»¹² В «Одном дне Ивана Денисовича» писатель обратил внимание читателя 1960-х гг. на особый лексический состав речи героев и рассказчика, сопроводив текст «толковым словарём». В романе «В круге первом» подобные слова выделены курсивом и уже не требуют расшифровки. Среди них: номер, прогрессивно, цырлы, курочить, Особлаг, шарашка, зона, опер, сидеть, рвать когти, чернуха, темнить, свои, наши, десятка, придурок, шалашовка, закон, вольный, вычистить, пятьдесят восемь – десять, четвертная, вертухай, выскочить, спецнаряд, «Вам *пять* осталось?», вагонка, повторник, намордник, там, примкнуть, «с вещами», дело, «по рогам», отправлять, заложить, материал, поток.

В языковом арсенале Солженицына богатый синонимический ряд глагольных форм. В романе «В круге первом» семантическое поле «говорить» включает более десятка слов: проронил, буркнул, внулшал, кипел, восклицал, хлестал, повторил, выговаривал, отчеканил, воскликнул, отмахнулся, прошепелявил, огрызнулся, ораторствовал, усмехнулся, отозвался, проворчал, пожаловался, чмокнул, изумилась, вскричала, гаркнул, мычал, пробормотал и др.

Примечательно, что глаголы, характеризующие собственно речевой акт, встречаются, как правило, в несобственно прямой речи, в авторских

отступлениях. В диалогах героев выбор той или иной формы глагола *продиктован контекстом*, он зависит от круга говорящих, от речевой ситуации, от психологического состояния героя, от авторской интенции.

«Рубин **помолчал в затруднении** (здесь и далее выделено нами. – Г. А.). И Нержин **молчал, всё так же откинувшись на лицу**. Кажется, тысячу раз у них было вдоль и поперёк переговорено всё на свете, всё известно – а вот **глаза их, тёмно-карие и тёмно-голубые, ещё изучающе смотрели друг на друга**.

Переступить ли?..

Рубин **вздыхнул**:

– Но такой телефонный разговор – это узелок мировой истории. Обойти его – нет морального права.

Нержин **оживился**:

– Так ты и бери дело за жабры! А что ты мне вкручиваешь тут – новая наука да досрочка? У тебя цель – словить этого молодчика, да?

Глаза Рубина сузились, лицо ожесточело.

– Да! Такая цель! Этот подлый московский стилиста, карьерист, стал на пути социализма – и его надо убрать» (335).

«Рубин **наклонялся на Нержина, корпусом на него наседали и тряс растопыренными пятернями**. Нержин **отталкивался в грудки**:

– Ладно, пусть обезьяна! Но не хочу я разговаривать в твоей терминологии – какой-то «капитализм»! какой-то «социализм»! Я этих слов не понимаю и не могу употреблять!

– Тебе – Язык Предельной Ясности? – **рассмеялся Рубин, сорвался с напряжения**.

– Да, если хочешь!

– А что ты понимаешь?

– Я – вот понимаю: своя семья! неприкосновенность личности!

– Неограниченная свобода?

– Нет, моральное самоограничение.

– Ах, философ утробный! Да разве с этими расплывчатыми амёбными понятиями ты проживёшь в двадцатом веке? Ведь все эти понятия классовые! Ведь они зависят от...

– Ни от хрена они не зависят! – **отбился и выпрямился из углубления** Нержин. – Справедливость – ни от чего не зависит!

– Классовое! Классовое понятие! – **тряс Рубин пятерню над его головой**.

– Справедливость – это глава угла, это основа мироздания! – **замахал и Нержин**. **Издали можно было подумать, что они сейчас будут драться**» (337).

Глаголы образно передают ход мысли героя, его пластику, определяют его отношение к собеседнику, к предмету разговора, настроение в момент речи. Естественным, таким образом, оказывается и авторский приём, использованный в главе 46 «Замок святого Грааля». Фактически все глагольные формы во фрагменте разговора художника Кондрашёва-Иванова и Нержина со-

ставляют семантическую группу «видеть» и либо воссоздают видеоряд разговора героев, либо передают эстетическое переживание героев в момент общения с произведением искусства¹³.

«– Вполне могут быть такие места в России, – **всё уверенней соглашался Нержин. Он поднялся с чурбака и прошёлся, рассматривая «Утро необыкновенного дня» и другие пейзажи.**

– Ну, разумеется! ну, разумеется! – **волновался художник и крутил головой.** <...>

– У-у, – **понравилось Нержину.** <...>

– Да это слышать невозможно!! – **разгневался художник и потрясал длинными руками.** <...>

– Вообще-то да... – **покачал головой и Нержин.** <...>

Кондрашёв-Иванов ещё выпрямился, ещё воздвигнулся во всю свою недюжинную высоту. Смотрел же он ещё вверх и вперёд, как Эгмонт, ведомый на казнь <...>

Нержин усмехнулся со злою трезвостью <...>

– Н-нет!! – **Кондрашёв-Иванов расправил длинные руки, готовый сейчас же схватиться с целым миром...**» (329–330).

Активно Солженицын использует внесубъектные формы выражения, например графические приёмы.

Курсивом и в кавычках автор выделяет «**термины**» в речи обитателей шарашки («машиназвукровка»; «видимая речь»; «сдвиг фаз»; «классификация голосов»; «Слово *клиппированная* было с английского и означало стриженная речь» (67); ««Почитать» и « послушать» – это была обычная проба качества телефонного тракта» (69)), **фразы-идеологемы** («*два мира – две системы!* третьего не дано! и никакого «Колокола», звон по ветру распускать – нельзя! недопустимо!» (53); «Как говорится – *что тебе надо больше всех?* Больше всех – что тебе надо?» (60)), **визуально-слуховые метафоры** («Вот, Лёвка, когда я поймал валентулин голос! *Колокольчатый* у него! Так я и запишу, а? Такой голос – по любому телефону можно узнать. При любых помехах» (30); «А твоя жена в этот вечер отоварила сахарные талоны *слипшейся подушечкой*, раздавленной, перемешанной с бумагой, и считала, как разделить дочкам на тридцать дней» (46); «Кто-то когда-то, довольный отзывом Рубина, сказал, что у него *ухо хорошее*» (71)), **слова и фразы с саркастически-иронической коннотацией** («Всё происходит от *руки?* Марр?» (47); «Вспомни ту реденькую полуводяную – без единой звёздочки жира! – ячневую или овсяную кашу! Разве её *ешь?* разве её *кушаешь?* – ею причащаешься! к ней со священным трепетом *приобщаешься*, как к той пране йогов!» (49); «Ты *мимо чьего кабинета* *топаешь*, хам?? Как твоё фамилие?» (65); «Поэтому *работать* он, собственно, не мог, мог только *руководить*» (66); «В шутку Амантая считали старейшим работником *фирмы*, ибо, кон-

чив радионститут в июне сорок первого года и брошенный в мешиво смоленского направления, он как татарин был извлечён немцами из лагеря военнопленных и начал свою производственную практику в цехах этой самой фирмы «Лоренц», когда её руководители ещё подписывались в письмах «mit Heil Hitler!»» (68); «*А чего* лишили нас, скажи?» (87); «У меня мозг *уже* затемнился!» (88); «Сейчас Абакумов уже начинал злиться и приподнял над столом сжатый кулак с булыгу, – как растворилась высокая дверь и в неё без стука вошёл Михаил Дмитриевич Рюмин – низенький кругленький херувимчик с приятным румянцем на щеках, которого всё министерство называло *Минькой*, но редко кто – в глаза» (92); «И тут Рюмин нашёл себя! – с усердием и успехом (может, к этому прыжку он и жмурился всю жизнь?) он освоил *намотку дел*» (93)), **ключевые слова в моменты «потока сознания» героя** (Сталин: «Глухонемая тишина налила дом и двор, и весь мир. В этой тишине почти не продрогало, почти не проползало время, и надо было пережить его как болезнь, как недуг, всякую ночь придумывая дело или развлечение. Не стоило большого труда исключить себя из мирового *пространства*, не двигаться в нём. Но невозможно было исключить себя из *времени*» (107)) и **иностранные слова и выражения, преимущественно немецкие и французские** (Hitlerjungend, SS, ça dépend, «Hier stehe ich und kann nicht anders», voice coder, «*кес ке пассе?*» – «qu'est-ce qu'il est passé?»; «Par exemple»; «Адье!»).

В разрядку поданы «душевные» порывы героев или ключевые слова в высказываниях:

«– Подождите, – опомнился Абакумов. – Вы мне только скажите одно: **когда** будет готово? **Готово** – когда?» (101);

«Лучший социализм! Иначе, чем у Сталина! Сопляк! Социализм **без** Сталина – это же готовый фашизм!» (132);

«А я вот люблю – и счастлива! Что вы мне на это скажете?» (49);

«Да так – просто **поспать!** Я по конституции свои двенадцать часов отработал – и хватит!» (74);

«Ты мне аппарата дай – **два!** **целых!** Когда? А?» (92);

«Так и сейчас: обещано было Иосифу Виссарионовичу, что один аппарат будет стоять перед ним первого **марта**» (97);

«– Между **нами?** Или между **нами?** – голос Бобынина гудел как растревоженный чугун. – Между **нами** отлично вижу: я вам нужен, а вы мне – нет!» (103);

«– Ошибаетесь, гражданин министр! – И сильные глаза Бобынина сверкнули открытой ненавистью. – У меня ничего нет, вы понимаете – **нет ничего!**» (103).

Ударение проставлено не только в «сложных» словах, но и там, где автор хочет интонационно выделить, проставить акцент на речи:

«Симочка покойно улыбалась:

– Как – куда? Мне отдашь. Я сохранию. Пиши, милый» (77);

«– Ты меня как-то спрашивала, что я всё пишу да пишу, – с затруднением сказал он» (77).

Показательны ударения как указание на грузинский акцент – в речах, внутренних монологах, воспоминаниях и потоках сознания Сталина. Читатель словно слышит искажённую, но «стальную» русскую речь Вождя:

«– Па-смотрим, – устало ответил Сталин и моргнул. – Нэ знаю» (112);

«Это был метод борьбы – так метод борьбы! – не схоластика, не листовки и демонстрации, а настоящее революционное действие. Чистюли-меньшевики брюзжали, что – грабёж и террор, противоречит марксизму. Ах, как издевался над ними Коба, ах, гонял их как тараканов, за то и назвал его Ленин «чудесным грузином!» – эхсы – грабёж, а революция – нэ грабёж? ах, лакированные чистоплюи! Откуда же брать деньги на партию, откуда же – на самих революционеров? Синица в руках лучше журавля в небе» (117).

Еще одним риторическим приёмом является разбивка слов на слоги. Так автор указывает на манеру произнесения героем тех или иных слов/фраз, на которых делается акцент:

«– Да, перепёлочка... Кажется, я... скоро уеду.

Она извернулась в его руках и, роняя платок с плеч, сколь крепко могла, обнимала:

– Ку-да-а?

– Как куда? Мы – люди бездны. Мы исчезаем, откуда выплыли, – в лагерь, – рассудливо объяснял Глеб.

– За что-о-о же?? – не словами, а стоном вышло из Симочки» (76);

«– Аб-солютно! – с достоинством произнёс Рубин.

– Да я в жизни не знал человека пристрастнее тебя!

– Да поднимись ты выше своей кочки зрения! Да взгляни же в историческом разрезе! За-ко-но-мерность! Ты понимаешь это слово? <...>

– Утки в дудки, тараканы в барабаны! Ске-епсис! Да разве из тебя выйдет порядочный скептик?» (52);

«– Хотя бы... Ч-ч-чёрт его знает, – заколебался Глеб» (87);

«– Ничего-о! Найдём людей! Там триста человек – что ж, не найдём?» (95).

Среди субъектных форм организации повествования – прямые авторские включения и «лирические отступления». Солженицын вступает с читателем в живой разговор. Выражается это и в прямых высказываниях, и в подстрочных комментариях и добавлениях, вынесенных в круглые скобки, и через сопоставления и параллели. Это характерный для всего творчества Солженицына приём.

«Лирические отступления» вводят нас в контекст времени, создают «воздух эпохи», пейзажи дорисовывают образ настоящей России.

«Есть такие учреждения, где натыкаешься на темновато-багровый фонарик у двери: «Служебный». Или, поновей, важную зеркальную табличку: «Вход посторонним категорически воспрещён». А то и грозный вахтер сидит за столиком, проверяет пропуска. И за недоступной дверью рисуется, как всё запретное, невесть что.

А там – такой же простой коридор, может почище. Средней струёй простелена дорожка красного казённого рядна. В меру натёрт паркет. В меру часто расставлены плевательницы.

Только безлюдно. Не ходят из двери в дверь.

Двери же – все под чёрной кожей, под вздувшейся от набивки чёрной кожей с белыми заклёпками и зеркальными же оваликами номеров.

Даже те, кто работают в одной из таких комнат, знают о событиях в соседней меньше, чем о рыночных новостях острова Мадагаскара» (17–18).

«Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали докладчики в началах и окончаниях речей, выпевали тонкие пионерские голоса, провозглашали во здравие архиереи. Имя этого человека запекалось на обмирающих губах военнопленных, на опухших дёснах арестантов. По этому имени во множестве были переименованы города и площади, улицы и проспекты, дворцы, университеты, школы, санатории, горные хребты, морские каналы, заводы, шахты, совхозы, колхозы, линкоры, ледоколы, рыболовные баркасы, сапожные артели, детские ясли – и группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну» (106).

«Тому уже шёл четвёртый год, как Нержин и Потапов встретились в гудящей, тревожной, избыточно переполненной, даже в июльские дни полутёмной бутырской камере второго послевоенного лета. Там скрещались тогда пёстрые жизни и непохожие пути. Очередной тогдашний поток был – из Европы. Проходили камеру новички, ещё уберегшие крошки европейской свободы. Проходили камеру ядрёные русские пленники, едва успевшие сменить германский плен на отечественную тюрьму. Проходили камеру битые калёные лагерники, пересылаемые из пещер ГУЛага на оазисы шарашек» (209).

«Но довольно было с них деревень, они шли вдоль реки.

Тут очень бы приятно идти, своя тенистая влажная замкнутая жизнь. На мелких местах слышное журчание и видимая рябь, на глубоких редкие необъяснимые вздрагивания неподвижной будто бы воды, и всюду – беготня водопеших стрекоз, а наверно есть и рыба и раки. Тут надо бы разуться по колено и идти просто речкою, как мальчишки бродят по раков. А по берегу мешала им то непроходимая крапива, то ольховый прутняк.

Толстенная причудливая ива вырастала на их берегу, а гнутым стволом перекидывалась на тот

берег – как мост, и с поручнями таких же кручёных изогнутых ветвей» (311).

Воспоминаниями о прошлом героев, особенно не из числа зэков, автор дорисовывает образы «палачей» и «жертв», а воспроизводя подслушанные надзирателями «споры и разговоры этих белобородых академиков, священников, старых большевиков, генералов и потешных иностранцев», автор продолжает дополнять галерею безымянных обитателей ГУЛага: «Наделашину хотелось бы, но из-за обязанностей службы никогда не удавалось, без перерыву послушать чей-нибудь рассказ от начала до конца: как человек жил раньше и за что его посадили. Его поражало, что люди эти в грозные месяцы ломки своей жизни и решения своей судьбы находили мужество говорить не о своих страданиях, но о чём попало: об итальянских художниках, о нравах пчёл, об охоте на волков или о том, как строит дома какой-то Кар-бу-зе – и дома-то строил он не им» (195).

Продолжая традицию М. Цветаевой в части синтаксиса, Солженицын большое внимание уделяет выработке его форм и приёмов. Риторический канон в романе «В круге первом» поддерживается за счёт использования риторических тропов и введения риторических фигур. Солженицын среди пунктуационных знаков активно употребляет тире и многоточие. Так создаётся и особый динамизм, и лаконичность, и система пауз и умолчаний.

Отдельного внимания заслуживают приёмы интертекста и «текста в тексте». В романе они являются и «способом создания движения в речи»¹⁴, и отвечают за «эмоциональность речи»¹⁵. Это не только цитаты из газет, отсылки к прецедентным именам и трудам учёных, философов, писателей, именам литературных героев и текстам, которые читают и обсуждают заключённые; это и выбранные цитаты из записной книжки Сталина, и выдержки из работ Ленина и коммунистических статей – в речи Рубина; мысли Нержина об истории; письма и записки родных заключённых. Это и декларируемые стихи и песни, передающие настроение героев, «запрещённая» музыка и «Дневники социалистического соревнования», звучащие из приёмника в акустической лаборатории, и многое другое.

Речевой портрет героев романа Солженицына показан таким образом, что, читая (не только их прямые высказывания в диалогах, но и внутреннюю речь, авторские отступления), мы понимаем их манеру говорения и лексический запас, профессиональную принадлежность, социальный статус (богема, служащие, партийцы) и положение в советской системе (зэки, вольняшки).

Разговоры и споры героев-зэков представляют собой драматургический фрагмент. Звучат реплики, но диалоги не всегда сопровождаются «авторскими ремарками», как почти нет и эпических форм описания речевой ситуации. Интонация и настроение создаётся с помощью графических и синтаксических средств, перечисленных выше.

Причина такого авторского выбора формы продиктована, на наш взгляд, романным замыслом: весь роман «В круге первом» построен на идеях. Полифонизм, многоголосость создаётся за счёт риторически грамотно построенных диалогов. Герои как носители твёрдых убеждений не просто высказываются, они отстаивают свою позицию в споре друг с другом. Автору необходимо было довести идеи до такого предела, чтобы главный спор – о судьбе России – дать в максимальной полноте его проявлений. В то же время такое построение позволяет отчётливее увидеть риторический каркас романа. Схема риторической конструкции включает не столько оппозицию тезис-антитезис, но параллельное *n*-ное количество микротезисов как вариантов одного макротезиса. Таков солженицынский способ воплощения большой идеи в жанре романа. В этом – отличие полифонизма Солженицына от полифонизма Достоевского. Образцовыми, с риторической точки зрения, являются споры Рубина – Солодина (глава 65 «Поединок») и Герасимовича – Нержина (глава 90 «На задней лестнице»).

Последний из названных заслуживает особого внимания ещё по одному критерию. Речь Иллариона Герасимовича отвечает всем правилам научного дискурса, а его диалоги – образец ведения научного спора. Вот пример авторских ремарок к его высказываниям:

«Из густой тьмы Герасимович отвечал **точными нужными словами, не вставляя сорных, как пишутся хорошие книги, как бывает, когда обдуманно прежде, чем сказано**» (647);

«– Это и есть главный предмет нашей беседы, – **раздался спокойный голос из темноты. И так просто**, будто говорилось о замене перегоревшей радиолампы в схеме:

– Я думаю, что нам, русским техническим интеллигентам, пришло время сменить в России образ правления.

Нержин вздрогнул. Впрочем, не от недоверия: он ещё по наружности чувствовал к Герасимовичу родственность, хотя разговориться им не приходилось до сих пор.

Тихий ровный голос из темноты говорил сдержанно и чуть торжественно, от чего Нержин ощутил перебеги ознобца вдоль хребта» (648);

«**С ледяною ровностью** Герасимович напомнил...» (651);

«– На-зад? – **раздельно, без выражения отчеканил** Герасимович» (652).

Таким образом, можно сказать, что риторические корни романа «В круге первом», в первую очередь, вычленяются на композиционном и стилевом уровнях. Это подтверждает наблюдение М. М. Бахтина о том, что для риторических жанров характерно «условное разыгрывание речевого общения и первичных речевых жанров»¹⁶, «учет адресата и предвосхищение его ответной реакции часто бывает многосторонним, сложным и напряженным, вносящим своеобразный внутренний

драматизм в высказывания <...>. *Острый, но более внешний характер* (курсив наш. – Г. А.) носят эти явления в риторических жанрах¹⁷.

«Схема» романа «В круге первом» А. И. Солженицына выглядит следующим образом.

1. Жанры, включённые в жанровую ткань романа:

- художественные;
- документальные;
- публицистические;
- риторические.

2. Текстовые уровни выявления риторических корней романа:

- композиционный;
- сюжетный;
- идейный;
- стилиевой.

3. Способы воплощения риторического слова в тексте романа:

- формальные и семантические;
- субъектные и внесубъектные.

Гораздо сложнее проследить риторические корни солженицынского произведения на уровне сюжета. Поскольку риторический каркас лишь условно-аналитически может быть вычленен из живого движения жизни, создающегося динамичными связями, симпатиями, антипатиями героев, детективной сменой обстоятельств, пересечением различных «кругов» реальности. Речевые события, речевые ситуации возникают спонтанно (хотя можно говорить и об их моделированности). Специального анализа заслуживают точки схождения/расхождения различных жанров, использованных Солженицыным в процессе сюжетосложения и шире – телеологического развития большой художественной идеи. Не менее интересным представляется выявить наличие/отсутствие приёма, обозначенного Ю. М. Лотманом как «минус-риторика»: «...субъективно воспринимаемая как сближение с реальностью и простотой, она представляет собой зеркальное отражение риторики и включает своего эстетического противника в собственный культурно-семиотический код»¹⁸. Конечная цель нашего исследования – понимание творческой лаборатории писателя, природы его художественного метода.

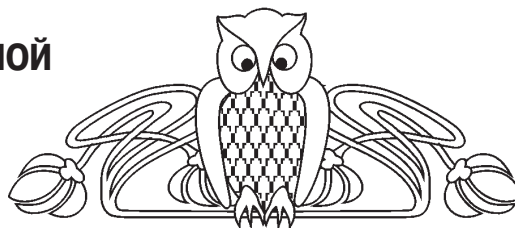
Примечания

- ¹ Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003) : Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М., 2005. С. 27.
- ² Бахтин М. Слово в романе : К вопросам стилистики романа // Бахтин М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 3. М., 2012. С. 11.
- ³ Бочаров С. Комментарий к статье М. М. Бахтина «К стилистике романа» // Бахтин М. Собр. соч. Т. 5. М., 1997. С. 510.
- ⁴ Бахтин М. Слово в романе. С. 14.
- ⁵ Солженицын А. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм», 23 мая 1989 // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 475.
- ⁶ Там же. С. 482.
- ⁷ Лотман Ю. М. Риторика // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 167.
- ⁸ Там же. С. 179.
- ⁹ О «ходе идей и ходе вещей», о жанровой природе и особенностях поэтики эпических форм у Солженицына см.: Герасимова Л. Е. О современных границах жанра романа // Русский роман XX века : Духовный мир и поэтика жанра : сб. науч. тр. Саратов, 2001. С. 230–239 ; Она же. Этюды о Солженицыне. Саратов, 2007.
- ¹⁰ Роман цитируется по изданию: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 2. В круге первом. М., 2011. Страницы приводятся в скобках; сохранены авторская орфография и пунктуация.
- ¹¹ В работе использована терминология, принятая в современной риторике. Подробно см.: Михальская А. Русский язык. Риторика. М., 2011.
- ¹² Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ : Опыт художественного исследования. Ч. III–IV. М., 2010. С. 510.
- ¹³ Об особенностях словесного описания А. И. Солженицыным произведений живописи в романе «В круге первом» подробнее см. в статье Т. И. Дроновой в этом же номере журнала «Известия Саратовского ун-та» (Дронова Т. Экфрасис как прием в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 57–64).
- ¹⁴ «Второй закон риторики будем называть законом продвижения и ориентации адресата, так как он требует, чтобы слушатель с помощью говорящего был сориентирован «в пространстве» речи и чтобы он чувствовал, что вместе с говорящим продвигается к цели. <...> Кроме принципов построения всей речи в целом, создающих ощущение движения, в классической риторике выработались даже принципы построения отдельной фразы, которые способствуют легкости ее восприятия. Фраза должна иметь хорошо заметную структуру» (Михальская А. Русский язык. Риторика. С. 100, 101).
- ¹⁵ «Третий фундаментальный закон общей риторики требует, чтобы говорящий не только мыслил, не только рассудком творил свою речь, но и чувствовал, переживал эмоционально то, о чем он сообщает или беседует. <...> Этот закон требует от говорящего работы чувства, субъективного переживания по поводу предмета речи и умения выразить свои эмоции в речи, сделать ее выразительной – экспрессивной» (Там же. С. 102, 103).
- ¹⁶ Бахтин М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 174.
- ¹⁷ Там же. С. 201.
- ¹⁸ Лотман Ю. Риторика. С. 175.

УДК 821.161.1.09-31+929[Солженицын+ Успенский]

«КОМПОЗИЦИЯ, НЕСУЩАЯ К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ СВОБОДЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Е. И. Бобко

Саратовский государственный университет
E-mail: bobko72@mail.ru

В статье рассматривается проблема точки зрения в композиции романа А. И. Солженицына «В круге первом» путем структурного анализа ее элементов на основании методологии Б. А. Успенского.

Ключевые слова: Солженицын, роман, композиция, Б. А. Успенский, точка зрения.

«Composition Carrying Towards the Ultimate Freedom: To the Issue of the Point of View in A. I. Solzhenitsyn's Novel «The First Circle»

E. I. Bobko

The issue of the point of view in the composition of A. I. Solzhenitsyn's novel «The First Circle» is regarded in the article by means of the structural analysis of its components based on the methodology by B. A. Uspensky.

Key words: Solzhenitsyn, novel, composition, B. A. Uspensky, point of view.

Уже традиционно роман А. И. Солженицына «В круге первом» называют одним из самых композиционно продуманных произведений в русской литературе. «Именно через композицию романа <...> выражается его основная идея – всеобщей связанности, причастности всех ко всему. Отсюда – симметрия всех сюжетных конструкций. Отсюда – обилие полемических диалогов (каждая точка зрения противопоставлена иной)...»¹, – подчеркивал Л. Лосев. Говоря о феноменальности для литературы XX в. романа, обладающего «композицией, несущей к окончательной свободе», Г. Бёльль определял «форму, манеру, способ, какими солженицынская проза себя выстраивает и смиряет»: «...порядок здесь не прописан и не надуман и – тем не менее – создается. Он «интегрируется» в физико-математическом смысле»². Представляется, что понятие интеграции – не только соединения, но и *восстановления, восполнения*³ – может быть применимо для характеристики авторской стратегии в романе «В круге первом», «структурность и исчисляемость»⁴ которого обусловлены воплощением «общей, ведущей, большой своей родной идеи»⁵.

По мысли Ю. М. Лотмана, «редкий из элементов художественной структуры так непосредственно связан с общей задачей построения кар-

тины мира, как «точка зрения»»⁶. На наш взгляд, в изучении своеобразия композиции романа А. И. Солженицына может быть результативным применение предложенной Б. А. Успенским методологии анализа закономерностей структурной организации художественного текста через выявление точек зрения в композиционно значимых его планах – хронологическом, психологическом, фразеологическом, оценочном – и определение специфики их взаимосвязей⁷.

Характеристика всего многообразия точек зрения и их взаимодействия во всех обозначенных Успенским композиционно значимых планах произведения могут стать предметом самостоятельного исследования. В данной статье представлены отдельные наблюдения, касающиеся приемов «интеграции» точек зрения героев и автора-повествователя в планах пространственной и временной перспективы в их взаимосвязях с фразеологическим, психологическим и оценочным планами.

Отметим, что в исследовательских работах о романе «В круге первом» термин «точка зрения» встречается достаточно часто, но в основном при рассмотрении полифонизма на идейном уровне и специфики авторского начала. Анализ минимальных элементов композиции романа, определяющий функции системы точек зрения на данном структурном уровне, позволит дополнить уже существующий опыт изучения архитектоники романа «В круге первом»⁸.

Пространственный план романа «В круге первом», как показывают исследования, демонстрирует многообразие ракурсов художественного видения, планов изображения, дополним – множественность точек зрения и сложную систему их взаимоотношений – сближений и расхождений.

В работе Успенского обозначен *прием последовательного обзора*, «как бы имитирующего движение взгляда человека, осматривающего картину»⁹. Такой обзор мы неоднократно встречаем «В круге первом». В «марфинских» главах он не только знакомит читателя с бытом шарашки, находящимися в ней людьми, но и обнаруживает (через соединение часто несоединимого в одном визуальном / повествовательном ряду) парадоксальность законов существования и взаимоотношений этих людей; законов, которые сформировались в Марфино – первом круге лагерного мира как фе-

номенального явления – в сложной взаимосвязи сознания и бытия.

Один из примеров – описание ночной шарашки, спящих эзков, видящих разные сны: «... сны были разные, но во всех снах спящие тягостно помнили, что они – арестанты, что если они бродят по зелёной траве или по городу, то они сбежали, обманули, случилось недоразумение...»¹⁰. Отметим, что организующая роль точки зрения повествователя акцентирована не только в плане пространственно-временной перспективы, она «сцепляет» планы психологической и фразеологической характеристики. Такую позицию автора Успенский определяет как точку зрения «всевидящего и всезнающего наблюдателя»¹¹. Позиция, предполагающая синтез «внешнего» и «внутреннего» изображения, в данном случае необходимо для того, чтобы конкретное наблюдение обрело значимость констатации всеобщего закона «внутренней жизни» – не только сознание, но и подсознание человека определяется несвободой, она «просочилась сквозь все наслоения жизни, сквозь все инстинкты, вторичные и даже первичные» (431).

Обзор, имитирующий человеческий взгляд, создает у читателя ощущение присутствия в описываемом месте, обуславливает его «подключение» к последующим диалогам или рассуждениям героев. Так, обзор комнаты отмечающих Рождество немцев предвзвешивает столкновение Рубина и Зиммеля, авторскую передачу размышлений Рубина о том, как правильно в целях пропаганды коммунистических идей строить общение с немцами, как «корректировать» информацию, опровергающую его убеждения; детальный обзор двора дяди Авенира «с каждым стволем и корнем» предшествует разговору Иннокентия и дяди Авенира, «с упрямством яснорассудной старости» (370) говорящего о необходимости жизни в соответствии с естественной природой бытия и по совести, о границах патриотизма.

Неоднократно отмечалась роль детали в описаниях Солженицына. В аспекте нашего анализа деталь можно рассмотреть как прием «фокусировки» обзорного изображения, актуализации точки зрения читателя. Сосновая веточка в обзорно показанной комнате шарашки (16) столь же иллюстративна в аспекте «скрещения пёстрых жизней и непохожих путей» (172), как авторское повествование о судьбе Рубина, ставшего в Марфино «единственным близким и понятным человеком» (18) для немецких военнопленных. Эта деталь обнаруживает стремление заключенных вырваться из «подневольного» существования в свободное пространство памяти (воспоминания), тогда как два огромных портрета Сталина и одно изображение Рюмина в обзоре кабинета всемогущего Абакумова выявляют его зависимость от общей системы «страха и привилегий». «Интегрируя» в систему точек зрения точку зрения читателя, Солженицын

в полной мере использует парадигматический потенциал такого структурного приема.

Авторская позиция может быть обусловлена позицией действующего лица, когда сохраняется *пространственная прикрепленность* повествователя к герою. Один из примеров – описание здания Марфинской шарашки «через» героя: «Нержин обернулся, чтобы с пригорка увидеть, чего почти не приходилось ему: здание, в котором они жили и работали <...> С южного фасада <...> ровные ряды безоткрытых окон выглядели равномерно-бесстрастно, и окраинные москвичи и гуляющие Останкинского парка не могли бы представить, сколько незаурядных жизней, растоптанных порывов, взметённых страстей и государственных тайн было собрано, стиснуто, сплетено и докрасна накалено в этом подгородном одиноком старинном здании. И даже внутри пронизывали здание тайны. Комната не знала о комнате. Сосед о соседе» (208). По отношению к данному примеру можно говорить о приеме «субъективной камеры»¹² – максимальном сближении точки зрения повествователя с точкой зрения героя, которое можно фиксировать во всех композиционно значимых планах произведения; *соположение* «внешней» и «внутренней» точек зрения является смыслопорождающим.

Соположение «внешней» и «внутренней» точек зрения можно назвать одним из основных приемов художественной оптики «В круге первом», который дает возможность восстановить картину советского общества 50-х гг. в ее полноте, добавив «лагерное» измерение. Показательна в этом плане позиция Нержина:

«Откуда ж лучше увидеть русскую революцию, чем сквозь решётки, вмурованные ею?

Или где лучше узнать людей, чем здесь?

И самого себя?» (273).

Подчеркнем, что примеров максимального сближения – во всех композиционно значимых планах произведения – точек зрения героя и автора немного, чаще организация повествования предполагает возможность их дистанцирования, сменны позиции повествователя. На эту особенность стиля Солженицына неоднократно указывали исследователи, в частности: «... повествователь то свободно «вживается» в одного из персонажей <...> то вдруг отдаляется от него, так сказать, меняет свое местонахождение»¹³.

Внезапное *остранение* от героя, выявление авторского присутствия завершает повествование о бессонной ночи Рубина, заканчивающего работу над своим «Проектом о создании гражданских храмов»: «Проходя через двор и оглянувшись на ночные липы, озарённые снизу отсветом пятисот- и двухсотваттных ламп зоны, он глубоко-глубоко вдохнул воздух, пахнувший снегом, наклонился, полной жменею несколько раз захватил звездчатого пушничка и им, невесомым, бестелесным, льдистым, отёр лицо, шею, набил рот.

И душа его приобщилась к свежести мира» (440).

Точка зрения повествователя здесь *восстанавливает* целое героя через обращение к метафизическому плану бытия, в котором – в противовес рассудочным попыткам Рубина создать идеологически обновленную модель духовной жизни – происходит подлинное соединение человека с миром¹⁴. Связанные с природными образами («мохнатый иней», «торжественная очищенность воздуха») метафизические координаты также «монтируют» эпизоды блужданий Яконова у недоразрушенной церкви Никиты Мученика и полемики Нержина и Солодина во время пилки дров, входя в идейное многоголосие как «чудо» (главы 25, 26) – неоспоримое свидетельство Божественной природы миропорядка. Структурообразующая функция «интеграции» точек зрения в данном случае очевидна.

Можно привести другой пример организации описания – «одна сцена, схваченная с движущейся позиции»¹⁵. Так, по пути на свидание с женой Нержин видит окраинные московские улицы, на которых «чередили одноэтажные и двухэтажные давно не отремонтированные, с облезлой штукатуркою дома, наклонившиеся деревянные заборы...» (210). Совмещению точек зрения повествователя и героя в пространственном (и временном) плане соответствует их близость в плане психологической характеристики – синтез «внешнего» и «внутреннего» ракурсов изображения выявляет противоречивость впечатлений Нержина. С одной стороны, Глеб испытывает желание, чтобы «время остановилось, а шёл бы автобус, шёл бы и шёл, по этой снежной дороге с проложенными чёрными прокатинами от шин, мимо этого белого парка в инее, густо закуржавевших его ветвей, мелькающих детишек...» (209). С другой – «определённое искажение формы, вызванное движением»¹⁶, на мотивно-образном уровне связано с авторской передачей размышлений героя о такой «воле» – «оголтелом внешнем коловращении, враждебном человеческому сердцу, противном покою души» (210). *Синтез* точек зрения героев акцентирует именно такую проекцию в план оценки: панорама Москвы, «суетливая, всё что-то настигающая толпа» (211), которую «вбирают глазами» Нержин и Герасимович, вызывает их на разговор о тотальной не-свободе как основе советского режима, о возможности концепции свободы для разумно построенного общества.

Пример «интеграции» точек зрения в аспекте авторской установки на восстановление полноты художественного осмысления действительности – глава «На просторе» о поездке в деревню Рождество Иннокентия и Клары, соединяющая повествование, *ведущееся с переменной позиции*, – «авторская точка зрения прикреплена к тому или иному герою в фиксированной фазе описания»¹⁷, и *последовательный обзор*, подчёркивающий контраст «сияющего простора» и «распланированной местности», «ивяного царства» (257) и разорённого храма. Такая пространственная

организация акцентирует центральную в романе идею о неразрывной взаимосвязи нравственного и интеллектуального опыта отдельного человека и вопросов «общего порядка». «Вот именно этого мне в жизни не хватает: чтобы во все стороны было видно. И чтоб дышалось легко!» (252) – признается Володин Кларе. Пространственные характеристики приобретают ценностное значение; внешний и внутренний сюжеты разворачиваются параллельно. Переменная позиция повествователя (отметим – не только в пространственном, но и в психологическом, фразеологическом планах), постепенное расхождение точек зрения героев способствуют изображению прогулки и разговора Иннокентия и Клары как *нереализованной возможности* взаимопонимания¹⁸, необходимого обоим героям для обретения собственной точки зрения в ситуации, когда, по словам Володина, «жизнь – распалась» (262). Для характеристики авторской стратегии в данном случае уместно применить термин «панорамное повествование» П. Лаббока¹⁹: общая (всеохватывающая) точка зрения «птичьего полета»²⁰, позиция «над действием», открытое присутствие автора в тексте актуализируют его точку зрения в плане оценки – указанные главы играют особую роль в создании центрального, по Солженицыну, образа романа – «самой России»²¹. Определяющими являются организующая и объясняющая функции повествователя – именно с точки зрения автора мотивируется причинно-следственный ход событий, обречённость поисков героев того, что восстановило бы распадающуюся жизнь: «Но не дано было этому быть. Этому быть не могло» (261).

План временной перспективы «В круге первом» также свидетельствует о широком спектре приема «интеграции» точек зрения; как края данного спектра можно условно обозначить начало и финал романного повествования – значимые элементы сюжетной композиции.

«Кружевные стрелки показывали пять минут пятого. <...>

Видя всё это и *не видя* (здесь и далее курсив наш. – Е. Б.) этого всего, государственный советник второго ранга Иннокентий Володин, прислоняясь к ребру оконного уступа, высвистывал что-то тонкое-долгое. <...>

Пора была или зажечь в кабинете свет – но он *не зажигал*, или ехать домой, но он *не двигался*. <...>

А у тех *пойдут теперь на две недели каникулы*. Доверчивые младенцы. Ослы длинноухие! <...>

Иннокентий бросил журнал и, ёжась, *прошёл* по комнате.

Позвонить или не позвонить? *Сейчас* обязательно? Или *не поздно* будет там?.. в четверг – пятницу?

Через три-четыре дня он полетит туда сам. Логичнее – подождать. Разумнее – подождать.

Но будет *поздно*» (8).

Прогностический характер эпизода для сюжетной линии героя и произведения в целом формируется в том числе и за счет динамики точек зрения во временном плане. Индивидуальное время Володина «выпадает» из «официального» времени, по которому живет социально-иерархическая верхушка – служащие «сорока пяти общесоюзных и двадцати республиканских министерств» (7). Оно приобретает катастрофический характер, что находит выражение в других композиционно значимых планах. Психологический план характеризуется динамической сменой «внутренней» и «внешней» точек зрения: авторское изображение поведения, жестов, движений героя сочетается с воссозданием его внутренней речи, слово автора напряженно взаимодействует со словом героя. В пространственном плане смена остранения и совмещения точек зрения героя и повествователя также происходит очень динамично.

Такая организация повествования не только способствует актуализации романной интриги, но и вводит читателя в идейно-художественное пространство «В круге первом», выявляя в качестве «узловой» ситуацию нравственного выбора. Благодаря синтезу ретроспективной и синхронной точек зрения, реализации художественно-психологического и сюжетно-композиционного потенциала «интеграции» точек зрения героя и повествователя читатель *оказывается* на той же *границе*, что и герой, чье сознание раздвоено, показано как столкновение, в свою очередь, противоположных аксиологических точек зрения – доводов «здравого смысла» и нравственного чувства.

Одновременный охват с одной общей точки зрения сразу почти всех действующих лиц – «онтологическая временная перспектива»²² – подобным образом можно охарактеризовать точку зрения повествователя в финале романа «В круге первом». По Успенскому, функция подобной формы повествования – создание «эффекта сгущения времени». Такова она и в романе Солженицына, специфику хронотопа которого определяет принцип пространственно-временного сжатия. В общий для всех героев момент времени (календарного и природного) фиксируется не только их разное биографическое время, но и определенный этап жизненного пути как ступень духовного роста: Володин, обретающий подлинное зрение; Рубин и Сологдин, начинающие, как им представляется, новую жизнь в Марфино; Нержин, готовый к новому лагерному сроку, укрепленный мыслью о том, что «тюрьма не только проклятье, она и благословенье» (151); Надя, которой не хочется дожить до «чёрной темноты будущего» (313); Сталин, приближающийся к концу жизни, но думающий о вечной власти... Точка зрения автора-повествователя, интегрирующая «внешнее» и «внутреннее», реальное и метафизическое измерения, – *эпический ракурс*, с которого озирается «извилистый заблудившийся поток проклятой истории – сразу весь, как с огромной высоты, и

подробно, до камешка на дне, будто в него окунались» (316).

Как *сближение точки зрения автора то с одной, то с другой точкой зрения* строится повествование в главах 37–38 (история отношений Нержина и Нади). Подобная «интеграция» точек зрения героев и повествователя (ее можно проследить и в других композиционных планах) позволяет соединить разные временные планы, которые охватывают почти десятилетний период, восполняет «зазор» в видении ситуации каждым из героев: «Нержин не понимал, что жена продолжала и теперь, как вначале <...> методично отсчитывать дни и недели его срока. Для него его срок был – светлая холодная бесконечность, для неё же – оставалось двести шестьдесят четыре недели, шестьдесят один месяц, пять лет с небольшим» (229), обнаруживает «не названное, не понятое – и непоправимое» (298) – мировоззренческое расхождение героев, распадение любовной связи между ними.

Повествование может представлять собой результат *синтеза* разных временных точек зрения. Успенский в таком случае вводит понятие *двойной экспозиции*, отмечая, что формально совмещение точек зрения проявляется в ремарках, в сопутствующих комментариях или же в замечаниях. В качестве одного из примеров, когда двойная экспозиция как вид «интеграции» авторского времени и индивидуального времени персонажа (повествование учитывает временную перспективу персонажа, участвующего в действии, но точка зрения автора существенно от нее отличается во временном плане) является концептуальной в плане организации сюжетной линии персонажа, характеристики его типа исторически значимого поведения²³, можно назвать историю блестящей карьеры Рюмина.

Столкновение точек зрения во временном плане соотносится с конфликтными ситуациями на сюжетном уровне и художественным осмыслением центральных проблем романа.

Яркая иллюстрация – сюжетная линия разработки вокодера, глава о «крысоловке», устроенной Абакумовым. Временная перспектива, с одной стороны, Селивановского, Осколупова, Яконова, которые лгут министру о сроках готовности телефонного аппарата, и самого Абакумова, обещающего Сталину, что «один аппарат будет стоять перед ним первого марта» (78), и потому в ужасе ожидающего доклада у Хозяина; с другой – Пряничкова и Бобынина, вызванных к Абакумову из Марфино. «Окончательная мотивировка»²⁴ конфликта, выявляющая нравственно-психологические его основы: «...столь велик страх, вырабатываемый долголетним подчинением...» (78) – осуществляется с точки зрения автора-повествователя, нарративная иерархичность которой актуализирует план оценки. Данный пример – один из многих, свидетельствующих о том, что столкновение точек зрения героев в плане времен-

ной характеристики в романном целом является одним из важных средств воплощения основного конфликта «двух миров со своей иерархией, системой ценностей, представлениями о смысле жизни, добре и зле, чести и бесчестии»²⁵.

Показательно сходство приемов «интеграции» точек зрения в плане временной перспективы в «узловых точках»²⁶ сюжетных линий Яконова и Володина.

Возвращающийся из министерства Яконов, в ужасе думающий о неизбежном нисхождении с «вершины лестницы власти» в «лагерный ад», случайно останавливается у разрушенной церкви Никиты Мученика. Место вызывает у него воспоминания о юности, о том, как Агния показывает «одно из самых красивых мест в Москве» (138).

В данном случае взаимоотношение точек зрения, принцип их «интеграции» включает *двойную экспозицию*, а также *синтез, совмещение* точек зрения героев и точки зрения автора-повествователя. За описанием-обзором Москвы, увиденной Яконовым как бы с точки зрения Агнии – пейзажем, в котором раздвигаются временные и пространственные границы, следует диалог Агнии и Антона о прошлом и настоящем, о «душе страны», о выборе жизненного пути, о понимании счастья, о возможности иного взгляда на происходящее в стране и другой его оценки. Таким образом, изменение точки зрения героя, ее совмещение с точкой зрения Агнии и точкой зрения повествователя в пространственно-временном плане соотносится с динамикой сближения обозначенных точек зрения в плане оценочной идеологии.

Единство места подчеркивает характер и значимость тех изменений в жизни персонажа и страны, которые произошли за сравнительно недолгий срок: «Совершенно даже не верилось, что тот солнечный вечер и этот декабрьский рассвет происходили на одних и тех же квадратных метрах московской земли» (143). Сближение, а затем все большее расхождение точек зрения повествователя и героя в хронологическом, психологическом, фразеологическом планах позволяют воссоздать «механизм» самоопределения Яконова в совокупности «внешних» и «внутренних» факторов. Обратим внимание на то, что экскурс в прошлое обрамлен описанием «слепого» блуждания Яконова по набережной Москвы-реки, в котором синтез «внешней» и «внутренней» точек зрения повествователя передает как результат выбора героя его остранение от жизни: «А он стоял, локтями припав к мёртвым камням, и жить ему не хотелось» (143).

Центральные мировоззренческие и этические дилеммы в сюжетной линии Володина также реализуются в конфликтном поле настоящего и прошлого как временных точек зрения, аксиологически маркированных, что находит выражение в актуализации фразеологического плана. Если для Яконова текстом, несущим духовный опыт прошлого, становится Канон ко Пресвятой Бого-

родице, то для Иннокентия это дневники матери: «Ничего в них не было как будто такого уж сокровенного, и даже прямо неверное было – а он удивлялся. Сторомодны были и самые слова, которыми выражались мама и ее подружки. Они всерьёз писали с больших букв: Истина, Добро и Красота; Добро и Зло; этический императив. В языке, которым пользовался Иннокентий и окружающие его, слова были конкретней и понятней: идейность, гуманность, преданность, целеустремлённость» (363).

В разговоре Володина с женой можно проследить столь же сложную динамику сближения/отталкивания точек зрения героев, «внешнего» и «внутреннего» ракурсов изображения, как и в сцене разговора Агнии и Антона у церкви Никиты Мученика: «Дотнара пришла звать мужа на какой-то прикремлёвский вечер. Иннокентий посмотрел на неё бессмысленно, потом собрал лоб, вообразил себе это напыщенное зрелище, где все будут друг с другом совершенно согласны, где все проворно встанут на ноги для первого тоста за товарища Сталина...<...> Из невнятной дали он вернулся к жене глазами – и попросил её ехать одну. Дотнаре дико показалось, что живой жизни званого вечера можно предпочесть ковыряние в старых альбомах. Связанные со смутными, но никогда не умирающими воспоминаниями детства, все эти находки в шкафах много говорили душе Иннокентия и ничего – его жене» (364). *Переменная позиция* повествователя, «вживание» в героев – *совмещение* точки зрения автора с точкой зрения Иннокентия, затем Дотнары, включение в авторское повествование слова персонажа, объясняющий авторский комментарий не только обнаруживают природу конфликта, но и определяют ценностные точки зрения героев, укрепляя их в разных планах жизненной реальности – метафизическом (Иннокентий, в котором пробудилась душа) и физическом (Дотнара).

«Интеграция» точек зрения в «узловых точках» сюжетных линий Яконова и Володина задает их (анти) симметричность²⁷, реализует авторское понимание внешней и внутренней действительности как «напряженной реальности правды и лжи, свободы и неволи, Добра и Зла»²⁸.

Анализ элементов композиции романа «В круге первом» (глав, эпизодов) через определение системы точек зрения и рассмотрение их взаимодействия в плане пространственно-временной характеристики показывает общность принципов структурной организации на всех уровнях композиции, дополняет представление о специфике полифонизма в произведениях Солженицына, жанрового мышления писателя. Выявляемая иерархия точек зрения характеризует автора как «некий идеологический, композиционный и нарративный центр, организующий и уравнивающий все другие <...> выраженные в произведении Солженицына точки зрения»²⁹, но это обусловлено не дидактичностью, а телеологичностью авторской

точки зрения, стремлением к восстановлению подлинной полноты бытия: «...в солженицыновском взгляде мы обнаруживаем новый способ смотреть <...> этот новый способ смотреть означает открытие той <...> реальности, которая по сути своей неисчерпаема и неупростима»³⁰.

Сделанные наблюдения, касающиеся взаимосвязей композиционно значимых планов произведения, позволяют говорить об «интеграции» точек зрения как *соединении, восстановлении, восполнении* по отношению ко всем аспектам композиции «В круге первом»: семантическому, синтаксическому и прагматическому.

Трактовка авторской стратегии структурной организации художественного текста как *интеграции* имеет подтверждение в романе. Численное интегрирование дифференциальных уравнений преобразуется для Нержина не только в стремление «обнять мыслью» «извилистый заблудившийся поток проклятой Истории» (316), но и «в бремя по ещё не улетевшим частицам тепла воскресить мертвеца (Россию. – Е. Б.), показать его всем, каким он был; и разуверить, каким он не был...» (212). Кондрашëв-Иванов воплощает в своих картинах не искажённый «нюансами» взгляд на человека и мир, соотносящийся с «*высшим синтезом* (курсив наш. – Е. Б.) природы» (276), выявляющим образ Совершенства.

Примечания

- ¹ Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына // Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи. СПб., 2010. С. 307.
- ² Бёль Г. Мир под арестом // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 230.
- ³ Универсальный энциклопедический словарь. М., 1999 (Серия Энциклопедические словари). С. 410.
- ⁴ Темпест Р. Солженицын – писатель XXI века // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник Памяти: 1918–2008 / сост., подгот. текста и общ. ред. Л. И. Сараскиной. М., 2009. С. 283.
- ⁵ Солженицын А. Из «Литературной коллекции». Окунаясь в Чехова // Новый мир. 1998. № 10. С. 178.
- ⁶ Лотман Ю. Точка зрения текста // Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 253.
- ⁷ Нами учитывается развитие идей Б. А. Успенского в трудах Ю. М. Лотмана и их переосмысление в «Нарратологии» В. Шмида, но именно терминологический аппарат и методологические приемы «Поэтики композиции» представляются в наибольшей степени органичными рассматриваемому художественному материалу.
- ⁸ См.: Белопольская Е. Роман А. И. Солженицына «В круге первом»: Опыт интерпретации. Ростов н/Д, 1997; Ванюков А. «В круге первом» А. Солженицына: феномен композиции и сферы смыслов романа // А. И. Солженицын и русская культура: сб. науч. докл. Саратов, 2004. С. 44–54; Волошинов А. Гомер – Данте – Солженицын: фракталы искусства. URL: <http://nonlin.awse.ru> > 2002/22 (дата обращения: 03.11.2013); Голубков М. «В круге первом» А. Солженицына: опыт монографического анализа. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology> (дата обращения: 23.10.2013); Краснов В. Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа. М., 2007; Лейдерман Н. По принципу антисхемы (о романе А. Солженицына «В круге первом») // Звезда. 2001. № 8. С. 191–205; Немзер А. Рождество и Воскресение. О романе Солженицына «В круге первом» // Лит. обозрение. 1990. № 6. С. 31–37; Спиваковский П. Теоретико-литературные аспекты творчества А. И. Солженицына // Теоретико-литературные итоги XX века: в 2 т. / гл. ред. Ю. Б. Борев; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. Т. 1. Литературное произведение и художественный процесс. М., 2003. С. 307–371; Урманов А. Творчество Александра Солженицына. М., 2003 и др.
- ⁹ Успенский Б. Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 108.
- ¹⁰ Солженицын А. В круге первом. М., 2006. С. 431. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ¹¹ Успенский Б. Указ. соч. С. 163.
- ¹² Седов К. О поэтике повествования в повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: прагматический подход // А. И. Солженицын и русская культура: науч. докл. Саратов, 2004. С. 269.
- ¹³ Кинсита Т. Повествовательный стиль А. И. Солженицына и поэтика Достоевского // Путь Солженицына в контексте Большого Времени... С. 124.
- ¹⁴ Показательно в этом плане замечание о Рубине Т. Лопухиной-Радзянко: «Его душа подвергается постоянному расчленению – в нем постоянно доброе намерение превращается в злое. И это зло остается с ним, как неизлечимая болезнь, и мучит его» (Цит. по: Лопухина-Радзянко Т. Духовные основы творчества Солженицына. Frankfurt a/M, 1974. С. 108–109).
- ¹⁵ Успенский Б. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁶ Там же. С. 108.
- ¹⁷ Там же. С. 104.
- ¹⁸ Отстаивая свой художественно-психологический метод в полемике с Глебом, Кондрашëв-Иванов утверждает: «Но не опрометчиво ли считать, что вообще можно знать и видеть действительность именно такую, какова она есть? А особенно – действительность духовную? Кто это – знает и видит??. И если, глядя на портретируемого, я разгляжу в нем душевные возможности выше тех, которые он до сих пор не проявил в жизни, – почему мне не осмелиться изобразить их? Помочь человеку найти себя – и возвыситься? <...> Да я больше вам скажу: не только портретирование, но всякое общение людей, может быть, всего-то и важнее этой целью: то, что увидит и назовет один в другом – в этом другом вызывается к жизни!» (курсив наш. – Е. Б.) (Цит. по: Солженицын А. В круге первом. С. 344).
- ¹⁹ См.: Николаев А. Основы литературоведения. Иваново, 2011.
- ²⁰ Успенский Б. Указ. соч. С. 112.
- ²¹ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве // Лит. газ. 1991. 27 марта (№ 12). С. 10–11.

- ²² Якобсон Р. Заметки об «Августе Четырнадцатого» // Лит. обозрение. 1999. № 1. С. 19.
- ²³ См.: Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории : Александр Солженицын и Ипполит Тэн // Новый мир. 1996. № 7. С. 195–211.
- ²⁴ Боген А. О некоторых особенностях нарративной структуры Ф. М. Достоевского (к проблеме авторитетности точки зрения) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2004. Вып. 3. С. 106.
- ²⁵ Голубков М. Указ. соч.
- ²⁶ Белопольская Е. Указ. соч. С. 113.
- ²⁷ См.: Шиндель С. Александр Солженицын и Генрих

Белль : диалог культур : дис. ... канд. культурол. наук. Саранск, 2010.

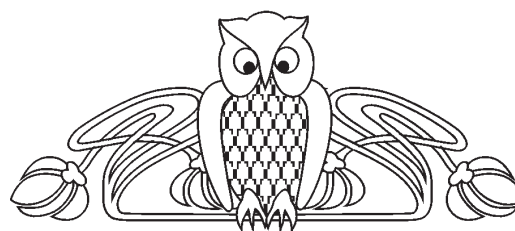
- ²⁸ В чем можно черпать силу : интервью с Н. Д. Солженицыной // Кифа. 2013. № 10. URL: gazetakifa.ru/content/view/4970/ (дата обращения: 10.11.2013).
- ²⁹ Урманов А. Поэтика прозы А. И. Солженицына : дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o (дата обращения: 10.11.2013).
- ³⁰ Дель'Аста А. Солженицын и возрождение художественной литературы в эпоху тоталитаризма // Путь Солженицына в контексте Большого Времени... М., 2009. С. 158.

УДК 821.161.1.09-31+929Солженицын+ 75(470)+929 Ивашов-Мусатов

ЭКФРАСИС КАК ПРИЕМ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Т. И. Дронова

Саратовский государственный университет
E-mail: tida52@mail.ru

В статье исследуется роль живописных экфрасисов в романе А. Солженицына «В круге первом», выявляются принципы работы писателя с реальными визуальными объектами, собран богатый материал о живописце и графике С. М. Ивашеве-Мусатове – прототипе героя-художника Кондрашева-Иванова, изучаются не привлеченные ранее для анализа варианты экфрасисов в ранних и окончательной редакции произведения.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, С. М. Ивашев-Мусатов, экфрасис, картина-прототип, ранние редакции, поэтика романного повествования.

Ekphrasis as a Device in the Novel by A. I. Solzhenitsyn «The First Circle»

T. I. Dronova

In the article the role of the picturesque ekphrases in the novel by A. I. Solzhenitsyn «The First Circle» is researched; the principles of the writer's work with real visual objects are identified; abundant data has been gathered about the artist and graphic painter S. M. Ivashev-Musatov, the prototype of the hero – artist Kondrashov-Ivanov; previously unattended ekphrasis variants in the early versions and the final version of the novel are studied in the paper.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, S. M. Ivashev-Musatov, ekphrasis, prototypical picture, earlier versions, poetics of the novel narrative.

Экфрасис, то есть словесное описание визуальных произведений искусства, по мнению Л. Геллера, «обнажает прием»¹. Однако после первого знакомства с романом «В круге первом», обрушивающим на реципиента всю мощь своей архитектуры романа-собора по определению Г. Белля², читатели нередко не запоминают даже развернутых экфрасисов, хотя смыслы, вводимые либо акцентированные ими, как правило, входят в восприятие. Думается, что в связи с этим не следует говорить о коммуникативной неудаче

автора, напротив, он достигает своей цели. В понимании А. И. Солженицына, художественные приемы как таковые не должны привлекать к себе внимание, т. е. делать значимым сам процесс восприятия вещи, как считали формалисты. Будучи органически включены в повествование, они должны служить авторским целям, т. е. быть предельно телеологичными. Формулируя свое эстетическое кредо, Александр Исаевич утверждал: «Я применяю много новых приемов <...>, но не для того, чтобы вообще развивать их или быть современным, а для того, чтобы наиболее экономно справиться с материалом»³.

Роман «В круге первом», как ни одно другое произведение писателя, насыщен экфрасисами и многочисленными экфрастическими деталями (архитектурными, скульптурными, живописными). Не является ли парадоксом это обращение автора, стремящегося к наиболее экономному овладению жизненным материалом, к описанию пластических произведений искусства? Ведь по своей изначальной природе экфрасис является отступлением от основного действия, его остановкой. Безусловно, Солженицын-художник наследует традицию не античной экфразы⁴, а опыт литературы XIX–XX вв., продемонстрировавшей пластичность и многообразие эстетических функций данного приема, в том числе и нарративных.

Интерес к экфрасису в современной отечественной науке был активизирован публикацией материалов Лозаннского симпозиума «Экфрасис в русской литературе». За последнее десятилетие появился ряд серьезных исследований – монография М. Рубинс, кандидатские диссертации Н. Морозовой, А. Криворучко, Е. Постновой и других, опубликованы десятки статей – Н. Меднис, Т. Дроновой, Р. Ханиновой, Н. Бочкаревой,

С. Животягиной, Р. Уртминцевой, Т. Автухович⁵ и др. Проведена конференция в Пушкинском Доме (2008), издан сборник статей на основе докладов ее участников⁶. Но ни в одном из известных трудов по экфрасису произведения А. И. Солженицына не стали объектом изучения.

Среди работ о творчестве писателя нам встретилась лишь одна публикация, специально посвященная живописным экфрасисам в романе «В круге первом», – доклад Э. Б. Мекша на солженицынской конференции 1998 г. в Пушкинском Доме⁷. При этом сами экфрасисы (без употребления термина и без анализа характера описания) неоднократно привлекали внимание исследователей романа «В круге первом» – Л. Ржевского, Ж. Нива, Е. Белопольской, А. Ванюкова, М. Николсона⁸ и др.

Как правило, литературоведы постигают идейно-художественные смыслы главной картины героя-художника Кондрашева-Иванова – «Замок святого Грааля»⁹. Экфрасис этой работы и коринского замысла «Русь уходящая» являются объектами интерпретации в докладе Э. Б. Мекша.

Цель данной статьи – выявить принципы работы писателя с визуальными объектами, раскрыть роль экфрастических описаний в романном повествовании. Материалом являются не привлекавшиеся ранее для анализа варианты экфрасисов в ранних и окончательной редакции произведения¹⁰, а также прототипы картин героя романа И. М. Кондрашева-Иванова – произведения С. М. Ивашева-Мусатова. Выражаю глубокую признательность художнику А. Рассказову, создавшему совместно с И. Ягодкиным в Фейсбуке сайт с картинами своего учителя¹¹ и поделившемуся в частной переписке со мной личной информацией об их авторе.

Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов (1900–1992) – старший товарищ Солженицына по Марфинской шарашке – является прообразом героя-художника в романе. И биография солженицынского персонажа (Ипполита Михайловича Кондрашева-Иванова), и его словесный портрет воссоздают в основных чертах судьбу и облик С. М. Ивашева-Мусатова¹². Потомственный интеллигент, правнук декабриста В. П. Ивашева, он был арестован и получил 25 лет лагерей по делу Даниила Андреева как один из слушателей его романа «Странники ночи»¹³.

Его путь в искусство близок солженицынскому: окончив физико-математический факультет МГУ, Сергей Михайлович преподавал в вузах Москвы, но предпочел творчество и педагогическую работу в художественных студиях¹⁴. Его довоенная биография была успешнее, чем показано в романе: он участвовал в коллективных выставках с 1934 г.¹⁵, в 1935 году его произведения экспонировались в Филадельфии¹⁶.

С. М. Ивашев-Мусатов принадлежал к художникам, сформировавшимся в 1920-е гг.¹⁷. Декоративный характер многих его живописных и графических произведений, их колористическая

насыщенность сближают его картины с опытом «русских сезанистов» – бубнововалетовцев. Одним из учителей С. М. Ивашева-Мусатова был И. И. Машков – активный участник этого объединения: «От Машкова Ивашев-Мусатов перенял любовь к выразительности цвета, сочной пастозной живописи, крепко построенной композиции»¹⁸. Но символический характер цветовых контрастов, мистический подтекст ряда работ отсылают, как кажется, к опыту символистов. Скорее всего Сергей Михайлович унаследовал эстетические открытия этого течения не непосредственно, а через творчество Даниила Андреева, близкое знакомство с которым повлияло на его представления об искусстве. В этом убеждает и предложенная в романе А. И. Солженицына «формула творчества»: «... в магическом пятиугольнике, где все открывалось и создавалось, все пять вершин были заняты раз и навсегда: две вершины – рисунок и цвет, как мог увидеть только он, две вершины – мировое Добро и мировое Зло, а пятая – сам художник» (274).

Проведенный анализ романских экфрасисов убеждает в огромном влиянии Ивашева-Мусатова на восприятие Солженицыным произведений изобразительного искусства. Об этом свидетельствует и автограф Александра Исаевича на оттиске 11-го номера «Нового мира» за 1962 г. с «Одним днем Ивана Денисовича»: «Моему вдохновенному чуткому другу С. Н. Ивашеву-Мусатову. 2.12.62. <...>»¹⁹. Но отбирает автор «Круга» лишь те картины, которые соответствуют его собственным эстетическим вкусам.

В окончательную редакцию романа включены экфрасисы пяти работ художника, некоторые с измененными писателем названиями: «Первый снег», «Дуб» («Изувеченный дуб»), «Натюрморт с медным кувшином» («Натюрморт с подносом»), «Девушка в противоопридном костюме. Москва. 1941 год», «Замок святого Грааля». Упоминается также пейзаж «Утро» («Утро необыкновенного дня»). В раннем варианте (в 3-й редакции 1959 г., перепечатка 1961–1962 гг.) была еще одна работа – «Натюрморт с гипсовой головой» («Натюрморт со статуэткой и книгой»).

В каталоге единственной прижизненной персональной выставки С. М. Ивашева-Мусатова зафиксировано время создания большинства из этих полотен – «Первый снег», «Натюрморт с медным кувшином», «Девушка в противоопридном костюме», «Утро», «Натюрморт с гипсовой головой» – 1940-е гг.²⁰, то есть до ареста; «Дуб» и «Замок святого Грааля» – после освобождения, в 1950–1960-е гг. О времени работы над эскизом картины «Замок святого Грааля» имеются точные данные, обозначенные рукой художника на его обратной стороне: «Эскиз “Парсифаль” <...> 15.VIII.61 4 ч [аса] 16.VIII.61 6 ч [асов] С. М.»; итоговая работа под названием «Замок святого Грааля», выполненная по эскизу (тушью по бумаге), была подарена писателю в июле 1966 г.²¹

Но автору романа потребовалось, чтобы все они были написаны на Марфинской «шарашке» и чтобы Нержин в момент острейшего душевного напряжения увидел их как впервые.

Особенность экфрастической ситуации «В круге первом» состоит в том, что читатель не может сравнить произведения героя романа с подлинниками, как это обычно бывает в случае реальных, а не вымышленных экфрасисов. Невозможность отсылки к референту обусловлена тем, что Солженицын воссоздает полотна малоизвестного художника, прижизненная персональная выставка которого проходила в 1986 г. в Москве в маленьком зале на ул. Профсоюзной, а ее каталог, включающий десять черно-белых репродукций и одну цветную, был напечатан тиражом в 500 экземпляров²². Вторую выставку организовали ученики Сергея Михайловича к его столетию (Москва, галерея «Союз Творчество»)²³, а сайт с его картинами в Фейсбуке был открыт лишь 2012 г.²⁴

Сопоставление романских экфрасисов и подлинников, послуживших их прототипами, в каком-то смысле нарушает замысел автора романа, но позволяет лучше понять специфику его художественной манеры, выявить вектор интерпретации первоисточников.

Экфрасис, будучи по своей природе миметическим приемом, сопряжен художественному методу Солженицына, стремящегося к воскрешению «подлинной» реальности на основе собственного опыта, к очищению действительности от лжи, в том числе утверждаемой средствами искусства.

Важная, но далеко не единственная функция экфрасисов картин Кондрашева-Иванова – полемика с опытом соцреализма. В общей структуре романа творчество художника противопоставлено многочисленным идеализированным портретам вождя, своеобразный экфрастический перечень которых включен в 19-ую главу «Юбиляр»; неудачным попыткам писателя Галахова написать произведение, свободное от самоцензуры; представлениям лагерного начальства, безуспешно пытавшимся втолковать создателю «некрасивых» и «несовременных» картин свои представления о красоте. Но главное – именно в 46-й главе «Замок святого Грааля», посвященной воссозданию произведений Кондрашева-Иванова, раскрываются в экфрастических описаниях и проговариваются в «слове героя» представления о сущности человеческой личности и сути творчества.

Одним из наиболее развернутых, тонких и значимых для выражения взглядов героя-художника на искусство является экфрасис картины «Первый снег». Это произведение, как и другие, увидено в романе Глебом Нержиным. Писатель переводит зрительные впечатления персонажа в словесный ряд, воссоздавая не только предметный мир, колорит картины, настроение, но и движение глаз зрителя. Солженицын начинает описание с центральной части произведения: «Стылый

ручей занимал главное в ней место. Куда тек ручей – почти нельзя было понять: он не тек вовсе, его поверхность была готова взята ледком. Где помельче, в ручье угадывался коричневый оттенок»²⁵. Далее взор переводится на берега ручья. Акцент делается на отдельных деталях и цветовой палитре: «Первый снег лежал пятнами на обоих бережках, а в вытайнах между ними торчала желкло-коричневая трава. Два куста ветлы росли у берега, неосяземо-дымчатые, мокрые от задержавшегося на них крупинками и тающего снега» (275). Взгляд перемещается на дальний план, причем в описание вторгается рефлексия об образно-смысловом центре картины: «Но не тут было главное, а – в глубине: густою грудью леса стояли оливково-черные ели, в первом же ряду их беззащитно светилась единственная береза. От ее желтого нежного огня еще мрачней и сплоченней стояла хвойная стража, поднимая острые пики в небо. Небо было в безнадежных пегих клочьях, и в такой же пасмури заходило задушенное солнце, не имея силы прорваться прямым лучом» (275).

Сосредоточивая внимание на цветовых контрастах (оливково-черная, мрачная, сплоченная стража елей и желтое нежное свечение одинокой березы), усиливая драматизм изображения через метафорические образы (острых пик, пронзающих небо; заходящего задушенного солнца), автор романа передает не только или даже не столько реальное соотношение живописных пятен и настроение пейзажа, сколько свое впечатление, навеянное скорее опытом заключения, нежели самой работой. В то же время экфрастическое описание не противоречит живописной манере художника, отличительными чертами которой являются динамичная композиция, колористические контрасты, обнажающие столкновение противоположных начал в физическом и нравственном мире.

А затем взгляд вновь возвращается к начальной точке созерцания – к ручью, описанием которого открывается экфрасис. Но теперь осмысление изображенного на картине пейзажа переводится в общеэстетическую и философскую сферы. Причем не за счет ослабления внимания к особенностям живописного изображения, напротив, именно из его характеристик извлекается интерпретатором концепция художника – суть мироздания, воплощенная визуальными средствами: «Но и не это еще было главное, а – стылая вода устоявшегося ручья. Она имела налитость, глубину. Она была свинцово-прозрачная, очень холодная. Она вобрала в себя и держала равновесие между осенью и зимой. И даже еще какое-то другое равновесие» (275)²⁶.

Но Солженицыну недостаточно введенной в описание неопределенной формулировки («еще какое-то равновесие»), и он проясняет смысловой план картины через передачу внутренней речи художника: «Вот эта вода – она была и налита, и холодна, и глубока, и неподвижна – но все это

было ничто, если она не передавала высшего синтеза природы. Этого синтеза – понимания, успокоения, всеединения – сам в себе, в своих крайних чувствах Кондрашев никогда не находил, но знал и поклонялся ему в природе» (276).

В романном тексте экфрасис «Первого снега» становится поводом для размышлений о русском пейзаже, о его запечатлении в отечественной живописи, и – в итоге – о русском национальном характере: «...мы привыкли считать нашу русскую природу бедненькой, обиженной, скромно-приятной. Но если бы наша природа была только такая, – скажите, откуда бы взялись у нас саможигатели? стрельцы-бунтари? Петр Первый? декабристы? народовольцы?» (276). Думается, что акцентирование бунтарского начала в природе и характере русского человека привнесено автором романа. В дальнейшем эта тема получит развитие в экфрасисе «Руси уходящей» П. Корина.

Хотя малоизвестность картин-прототипов позволяла писателю вольно обращаться с первоисточниками, пересоздавать их предметный мир, он не воспользовался этой свободой, как правило, следуя в своих словесных описаниях за живописцем, позволяя себе лишь усилить и переосмыслить отдельные мотивы произведения, подчиняя их общему романному замыслу. При этом в ходе переработки ранних редакций Солженицын последовательно стремится к преодолению описательности экфрасисов, к все более естественному вовлечению их в диалогическую по форме структуру романного повествования. В этом плане интересный материал для наблюдений дают два различных способа описания картины «Дуб», в название которой автор «Круга» добавляет эпитет «изувеченный».

Сохранилось три варианта этой работы С. М. Ивашева-Мусатова, отражающих разные этапы осуществления замысла – графический и живописный, созданные в 1950-е гг., и холст 1970-х гг., отличающийся особой колористической насыщенностью. В ранних редакциях «Круга» – 3-й (1959–1962) и 4-й (1962–1963) – в текст был включен развернутый экфрасис скорее всего графического варианта, поскольку в описании не идет речь о цветовых соотношениях. В солженицынской интерпретации произведения акцентируется внимание на мужественном противостоянии одинокого дуба натиску враждебных стихий: «Это был Дуб одинокий, таинственной силой растущий на взлете голой скалы, куда взбиралась по обрыву опасная тропа и был взнесен как бы зритель. Какие ураганы ни дули здесь! как ни каржили они этот дуб! <...> Небо, должно быть, не знало солнца никогда. Изуродованное постоянно рукопашной с постоянно дующими, вырывающими его из скалы ветрами, – это многоуглое когтистое упорное дерево с ветвями, заломленными, скрюченными, никогда не оставляло борьбы и цеплялось за гибкое свое место над бездной» (756–757)²⁷. В окончательной романной

редакции изломанность линий, драматизм становятся объектом рефлексии Нержина. Те характеристики «Изувеченного дуба», которые в ранних рукописях были даны в статическом описании, автор динамизирует, переводя в «слово героя», полемизирующего с художником по поводу его эстетических принципов.

К полемике побуждает излишне романтизированный, как кажется персонажу, предельно заостренно передающий контрасты Добра и Зла стиль автора: «...я не понимаю вашей страсти к крайним выражениям. Ну вот, изувеченный дуб. <...> Под ним, конечно, – бездна <...> И небо – не только грозное, но оно вообще никогда не знало солнца <...>. И все ураганы, какие за двести лет где-нибудь дули, – все тут прошли, и ветви ему закручивали, и с когтями рвали его из скалы. Я знаю, вы шекспирист, вам если злодейство – то самое непомерное. Но это устарело <...>. Не надо этих больших букв над добром и злом...<...> Злодейство устарело???» – возражает художник Нержину. – «Да только в нашем веке оно и проявилось впервые ...» (276).

Иной вариант переработки экфрасиса ранней редакции в элемент романного повествования в окончательном тексте обнаруживается при обращении писателя к «Натюрморту с гипсовой головой». Этот экфрасис 3-й редакции, несколько отступающий от «прототипа», возможно, восходящий к нескольким натюрмортам художника, выражает в слове присутствие чего-то Незримого: «...у окна, раскрытого в легкую неяркую голубизну, стоит на смутно-видимом условном столе – статуэтка, погрудное, без рук, изображение девушки, и лежит большая закрытая книга в желтом сафьяновом потертом переплете. <...> И на книге нет надписи. Неизвестно, о чем она. Только легкая дымка – воздушного дня? нахлынувшего прошлого? – веет за окном, над книгой и над статуэткой ...» (757).

В окончательной редакции автор отказывается от описания данного натюрморта, но атмосферу воспоминания, а также веяния чего-то незримого/ невыразимого сохраняет при создании образа Агнии – возлюбленной Яконова, романтический облик которой возникает в его памяти у обломков разрушенной церкви Никиты Мученика. Писатель рисует средствами словесной живописи портрет героини в духе Кондрашева-Иванова. Он вписывает ее образ в желто-золотую гамму закатной Москвы. «И во всем этом золотом осиянии Агния, в наброшенной желтой шали тоже казавшаяся золотой, сидела, щурясь на солнце» (139). «Прозрачная желтая шаль ее за плечами повисла на освобожденных, полуопущенных локтях и была как тонкие золотые крылья» (141).

В неклассической литературе XX в. одна из ведущих функций экфрасиса – быть источником мотивов. Среди многочисленных мотивов «Круга», вводимых через экфрасистические описания, – мотив рыцарства. Он действительно про-

говаривается при описании нескольких картин Кондрашева-Иванова – «Натюрморт с подносом», «Девушка в противоипритном костюме» – и получает вершинное воплощение в экфрасисе «Замка святого Грааля».

В ранних вариантах «Круга» писатель, воссоздавая натюрморты художника, выражал удивление, что они «не были грубое нагромождение яблок, винограда, разрезанных арбузов или убитой дичи, нет – его натюрморты удивительным образом несли в себе духовное настроение – и каждый свое» (757). В окончательной редакции этот фрагмент отсутствует, возможно, зрелый автор счел его неопитским, но экфрастические описания передают именно духовную составляющую произведений.

В экфрасисе «Натюрморта с подносом» отмечены особенности его композиции – соотношение сторон четыре к пяти (египтский квадрат), охарактеризовано пространственное расположение предметов, но главное внимание сосредоточено на смыслах, рождаемых в сознании зрителя. «...Ярко начищенный круглый медный поднос <...> воспринимался <...> как доблестно горящий щит», а вместе с темно-металлическим кувшином и спадающей желто-золотой парчой, уподобленной «накидке Невидимого», рождает ассоциации с рыцарским служением: «Что-то было в сочетании этих трех предметов, что передавало дух мужества и призывало не отступать» (274). Как видим, изменение названия подлинника («Натюрморт с медным кувшином») обусловлено внутренней темой писателя²⁸.

Представляя читателю «Портрет девушки в противоипритном костюме. Москва. 1941 год», Солженицын выявляет его символическое наполнение. Образ героини осмысливается как символ страдающей и не сдающейся врагу Москвы: «А сорок первый год на этом портрете – явился» (273). В романном описании все детали облика героини служат созданию образа «мадонны гнева и мщения» (758), как она названа в ранней редакции. «Медно-рыжие буйные волосы ее <...> взволнованным контуром охватывали голову. <...> безумные глаза видели перед собой что-то ужасное, непрощаемое что-то. <...> противоипритный черно-серый костюм ломался острыми, жесткими складками, серебристой полосой отсвечивал на переломленной плоскости – и виделся как латы рыцарских времен» (273). Но главное, что подчеркивается Солженицын в экфрасисе, – это сочетание жестокого и мстительного выражения с благородным, с рыцарской готовностью к подвигу, позволяющее сравнить героиню с Орлеанской девой.

В споре с Нержиным Кондрашев-Иванов проговаривает свое этическое и эстетическое кредо: «...каждый человек носит в себе Образ Совершенства, который иногда затемнен, а иногда так явно выступает! И напоминает ему его рыцарский долг!» (277). Это представление о духовной сущ-

ности личности воплощается в главном произведении Кондрашева-Иванова, как и его прототипа, – в «Замке святого Грааля»²⁹.

По свидетельству Н. Д. Солженицыной, знакомство писателя с «Граалем» произошло следующим образом: 1 января 1962 г. С. М. Ивашев-Мусатов показал Александру Исаевичу, который в это время начал работу над 3-й редакцией романа «В круге первом», «эскиз будущей картины, недавно написанный маслом на картоне. <...> Под впечатлением увиденного в мастерской Солженицын пишет сцену, где художник Кондрашев-Иванов показывает Нержину “маленькое полотно” <...>. Дальше следует точное описание этого эскиза, прошедшее затем почти дословно сквозь все последующие редакции романа...»³⁰. С точки зрения оценки художественных достоинств романских экфрасисов, важным представляется приводимый Натальей Дмитриевной факт знакомства Сергея Михайловича с романом и тем самым с описаниями собственных произведений: «...Солженицын в январе 1964 года дает почитать его («Круг». – Т. Д.) друзьям по шарашке, в том числе Ивашеву-Мусатову, который остался доволен посвященными ему страницами»³¹.

Экфрасис «Замка святого Грааля» создан автором романа «В круге первом» с такой глубиной и выразительностью, что не только воспроизводит экспрессию и эмоциональную нагрузку произведения, но стремится стать равносильным ему дублем, преподносит его как самостоятельную реальность³².

В экфрастическом описании центральным является образ рыцаря, узревшего неземной свет: «Это то мгновение, когда Парсифаль впервые увидел – замок! святого!! Грааля!!! <...> Растерянный, изумленный, он смотрел туда <...>, где на все верхнее пространство неба разлилось оранжево-золотистое сияние, исходящее то ли от Солнца, то ли от чего-то еще чище Солнца, скрытого от нас за замком. <...> игловидно поднимаюсь на всю высоту картины до небесного зенита, – не четко-реальный, но как бы сотканный из облаков, чуть кольшистый, смутный и все же угадываемый в подробностях нездешнего совершенства, – стоял в ореоле невидимого сверх-Солнца сизый замок святого Грааля» (278).

Солженицын не раскрывает символического наполнения образа святого Грааля³³, но и сюжет картины, и ее название побуждают читателя к включению мотивов «ковчега Завета», «крови Христовой» в семантическое поле произведения. Дополнительные культурологические обертонны эти мотивы обретают при соотнесении живописного замысла С. М. Ивашева-Мусатова с темой Грааля у Д. Андреева, который обращался к ней на протяжении всего творческого пути – «Песнь о Монсальвате» (1934–1938), «Навна» (1955), «Роза мира» (1958). Но эта тема, подсказанная мне А. Рассказовым, требует специального исследования.

Для диалогизированного романного повествования Солженицына показательно, что картина «Замок святого Грааля» получает в романе и иное истолкование – реализованной утопии³⁴. В 90-й главе «На задней лестнице» она становится аргументом в споре Нержина с Герасимовичем об историческом прогрессе: «Сотни лет поэты и пророки напевали нам о сияющих вершинах <...> Вот здесь, посветите, есть такой Замок святого Грааля...<...> Там еще будто всадник доскакал и узрел – ерунда! Никто не доскачет, никто не узрит!» (550). Повествователь не объясняет причины столь резкой смены восприятия произведения, но обращает внимание читателя на детали психологического свойства. В первом случае душа Нержина, разбуженная свиданием с женой, делала его восприимчивым к замыслу художника, вместе с которым он созерцает «Замок». Во втором писатель подчеркивает отсутствие освещения. Темнота, в которую погружена лестница с произведениями Кондрашева-Иванова, лишает героя непосредственного переживания искусства. Картина становится аргументом в интеллектуальном споре. Но для романного целого важны оба варианта интерпретации.

В заключение отмечу органичность включения экфрасиса как структуры «текст в тексте» в роман, насыщенный многочисленными литературными, философскими, музыкальными цитатами и реминисценциями. Солженицынские описания произведений Кондрашева-Иванова становятся «окнами» из замкнутого пространства шарашки в мир этических и эстетических ценностей, из конкретно-исторического времени в вечность. Запечатлевая в художественном слове картины-прототипы С. М. Ивашева-Мусатова, писатель возвращает их из забвения, делая фактом духовной жизни современного читателя.

Примечания

- 1 Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе : тр. Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 8.
- 2 См.; Бель Г. Мир под арестом. О романе Александра Солженицына «В круге первом» // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 229–232.
- 3 Солженицын А. Публицистика : в 3 т. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 531.
- 4 См.: Аверинцев С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Аверинцев С. Образ античности. СПб., 2004 ; Брагинская Н. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпаты – восточнославянские параллели. Структура балканского текста / сост. и отв. ред. Т. М. Судник и Т. В. Цивьян. М., 1977 ; Фрейденберг О. Миф и литература древности. М., 1978 и др.
- 5 См.: Рубин М. Пластическая радость красоты : Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб., 2003 ; Морозова Н. Экфрасис в прозе русского романтизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006 ; Криворучко А. Функции экфрасиса в русской прозе 1920-х годов : автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 2009 ; Постнова Е. Экфрасис в творчестве В. А. Каверина 1960–1970-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012 ; Меднис Н. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58–67 ; Дронова Т. Жанровый потенциал экфрасиса в историко-софском романе Д. С. Мережковского // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. Саратов, 2006. С. 88–94 ; Она же. «Все прекрасное умирает в человеке, но не в искусстве» (Функции экфрасиса в романе Д. С. Мережковского «Леонардо да Винчи») // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века : материалы III Междунар. науч. конф. Вып. 4. М., 2008. С. 55–64 ; Ханинова Р. Некоторые аспекты экфрасиса в русской прозе XX века : статья в парадигме текста // Преподаватель XXI век. 2007. № 4. С. 95–103 ; Бочкарева Н. Функции живописного экфрасиса в романе Грегори Норминтона «Корабль дураков» // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С. 81–89 ; Животьягина С. Феномен визуализации и его художественные функции в романе-хронике Н. С. Лескова «Захудалый род» // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 35–38 ; Уртминцева М. Экфрасис : научная проблема и методика ее исследования // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 975–977 ; Автухович Т. Поэтический экфрасис : риторика чтения // Чтение : рецепция и интерпретация : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 1. Гродно, 2011. С. 126–133 и др.
- 6 См.: «Невыразимо выразимое» : экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте сб. ст. / сост. и науч. редакция Д. В. Токарева. М., 2013.
- 7 Цит. по: Запелалов В. Международная научная конференция в Пушкинском Доме «Академик А. И. Солженицын. К 80-летию со дня рождения» // Рус. лит. 1999. № 4. С. 181–185.
- 8 См.: Ржевский Л. Творец и подвиг. Очерки по творчеству Александра Солженицына. Frankfurt, 1972 ; Нива Ж. Солженицын. М., 1992 ; Белопольская Е. Роман А. И. Солженицына «В круге первом»: Опыт интерпретации. Ростов н/Д, 1997 ; Ванюков А. «В круге первом» А. И. Солженицына : феномен композиции и сферы смыслов в романе // А. И. Солженицын и русская культура : сб. науч. докл. Саратов, 2004. С. 44–54 ; Николсон М. Солженицын как «социалистический реалист» // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008 : сб. ст. М., 2010. С. 476–498 и др.
- 9 Исключениями являются монография Ж. Нива, где наряду с «Замок святого Грааля» речь идет о картине, которую автор исследования именуется «Осенний ручей» (См.: Нива Ж. Указ. соч. С. 92) и статья А. И. Ванюкова, в которой философия творчества в романе рассматривается на примере композиции нескольких работ героя-художника – «Натюрморт с подносом», «Первый снег», «Замок святого Грааля» (См.: Ванюков А. Указ. соч. С. 45–46).

- ¹⁰ Сопоставление разных вариантов экфрасисов стало возможным благодаря предпринятому М. Г. Петровой текстологическому исследованию рукописей романа «В круге первом» и публикации наиболее значимых различий в издании: *Солженицын А. В круге первом*. М., 2006.
- ¹¹ См.: Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович. URL: <https://www.facebook.com/IvashevMusatov?fref=ts> (дата обращения: 11.12.2013).
- ¹² Информацию о художнике см.: Художники народов СССР. XI–XX вв. Биобиблиографический словарь : в 6 т. Т. 4. Кн. 1. М., 1983 ; *Кутцов И.* Вступительная статья // Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов. Живопись. Графика : каталог выставки. М., 1985. С. 3–6. ; Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович URL: <https://www.memo.ru/museum/rus/fineart/ivashev-musatov.htm> (дата обращения: 11.12.2013) ; мемуарные источники : *Панин Д.* Лубянка – Экибастуз. Лагерные записки. М., 1990 ; *Гершман М.* Приключения американца в России (1931–1990). Нью-Йорк, 1995 ; *Слуцкая И.* За пределами Видимого. URL: <https://www.newswe.com> (дата обращения: 11.12.2013).
- ¹³ «Арестован 1.10.1947 г. в связи с делом Даниила Андреева. Инкриминировали антисоветскую агитацию и террор. 30.10.1948 г. приговорен ОСО к 25 годам ИТЛ с последующим поражением в правах. Срок отбывал в Степлаге Карагандинской обл. до 1954 г. Лагерный номер СА-759. Работал художником. Лагерные работы не сохранились. Освобожден в апреле 1956 г. Реабилитирован в ноябре того же года. Жил и работал в Москве» (Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович URL: <https://www.memo.ru/museum/rus/fineart/ivashev-musatov.htm> (дата обращения: 11.12.2013)).
- ¹⁴ «В 1937–1942 годах он преподавал рисунок в Московском скульптурном комбинате. В 1940–1946 вел занятия по живописи и рисунку в изостудии ВЦСПС. Позднее преподавал живопись и рисунок в Центральном Доме Советской Армии, в домах культуры и детских изостудиях» (*Кутцов И.* Указ. соч. С. 4).
- ¹⁵ См.: Выставка начинающих молодых художников : каталог. М., 1934. С. 19.
- ¹⁶ См.: Биобиблиографический словарь. Художники народов СССР. Т. 4. С. 462.
- ¹⁷ В 1919–1923 гг. во время обучения на физико-математическом факультете МГУ он занимался в художественной мастерской М. Ф. Шемякина, в 1926–1929 – в студии АХРР у И. И. Машкова и Б. В. Иогансона (См.: *Кутцов И.* Указ. соч. С. 3 ; Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович. URL: <https://www.memo.ru/museum/rus/fineart/ivashev-musatov.htm> (дата обращения: 11.12.2013)).
- ¹⁸ *Кутцов И.* Указ соч. С. 3.
- ¹⁹ Текст автографа сообщений А. Рассказовым. Инициалы С. Н. в автографе Солженицына объясняются тем, что после возвращения из лагеря, в 1950-е – начале 1960-х гг., Ивашев-Мусатов изменил отчество Сергеевич на Николаевич и некоторое время настаивал на таком именовании. См. об этом: *Гершман М.* Приключения американца в России (1931–1990). Нью-Йорк, 1995. С. 130.
- ²⁰ См.: Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов. Живопись. Графика : каталог выставки. М., 1985.
- ²¹ Александр Солженицын : Из-под глыб. Рукописи, документы, фотографии : К 95-летию со дня рождения : [Выставка в ГМИИ им. А. С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014]. М., 2013. С. 216–217.
- ²² См.: Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов. Живопись. Графика : каталог выставки. М., 1985.
- ²³ 01.04. – 15.04.1999. Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович (1900–1992). Выставка «Рыцарь света» из фондов музея интегральной культуры «Ария». См. об этом: Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович. URL: <https://www.facebook.com/IvashevMusatov?fref=ts> (дата обращения: 11.12.2013).
- ²⁴ Ивашев-Мусатов Сергей Михайлович URL: <https://www.facebook.com/IvashevMusatov?fref=ts> (дата обращения: 11.12.2013).
- ²⁵ *Солженицын А.* В круге первом. М., 2006. С. 275. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ²⁶ Сравним художественный экфрасис и искусствоведческую характеристику полотна, послужившего прототипом : «Картина “Первый снег” переносит в то время года, когда полная красок и звуков жизнь подмосковной природы замирает и лес погружается в зимний сон. Живопись тонко передает сложные цветовые оттенки неба и воды, белизну снега, приглушенные тона леса. Присущая всему творчеству художника монументализированность композиции и пластического решения органично сочетается в этой вещи с живой эмоциональностью» (*Кутцов И.* Указ. соч. С. 4).
- ²⁷ В искусствоведческом комментарии акцент также делается на выразительности изображения : «О живописи 1950-х годов дает представление полотно “Дуб”, изображающее старое дерево, которое упорно борется за жизнь. Динамична его диагональная композиция. Экспрессивны очертания корявых ветвей, беспокойный силуэт ствола и кроны, тревожный ритм пронсящихся облаков. Все в этом произведении – и композиция и цвет – полно внутреннего напряжения» (Там же. С. 5).
- ²⁸ Изменив название, А. И. Солженицын перенес внимание с кувшина на поднос, уподобленный им рыцарскому щиту. В искусствоведческом описании подчеркивается особая атмосфера работы, но основное внимание уделено композиции и другим «техническим» характеристикам: «Торжественно выглядит “Натюрморт с медным кувшином”. Силуэт кувшина как бы вписан в окружность блюда, поставленного в качестве фона, а само это блюдо – в прямоугольник холста. Геометрическая четкость и некоторая строгость усложняются и смягчаются складками осеняющей натюрморт драпировки» (Там же. С. 5).
- ²⁹ В монографии Ж. Нива, считающего главу «Замок святого Грааля» «тайнственным центром произведения, средоточием, сообщающим ему его смысл», символ рыцарей Грааля определяется как центральный (См.: *Нива Ж.* Указ. соч. С. 92).
- ³⁰ Александр Солженицын : Из-под глыб : Рукописи, документы, фотографии. С. 216.
- ³¹ Там же. С. 217. В каталоге солженицынской выставки представлены оба варианта произведения – эскиз «Парсифаль» и картина «Замок святого Грааля», вы-

полненная по эскизу, но без красок (тушью по бумаге) (Там же. С. 218).

³² Терминология Р. Бобрыка. См.: *Бобрык Р.* Схема и описание в научных текстах о живописи. Анализ или экфрасис? // *Экфрасис в русской литературе*. С. 180, 181.

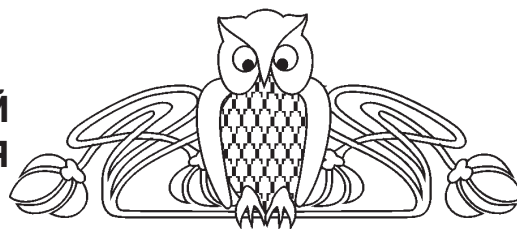
³³ Л. Ржевский справедливо отмечает, что внутренняя тема романа, которая в описании «Замка святого Грааля» воплощается иносказательно языком красок, до различных читателей дойдет по-разному. Им же она именуется «темой о б р а щ е н н о с т и к Н е б у (выделено автором. – Т. Д.)» (*Ржевский Л.* Творец и подвиг. С. 98). Ж. Нива также акцентирует внимание на вертикальном измерении пространства в «Граале», которое мистически «накладывается на злое концентрационное место. <...> Этот взгляд, уходящий ввысь в мистическом восхождении, – основа основ солженицынского видения, душа, поднимающаяся вопреки горизонтальной империи зла, триумф “тюрьмы” над “лагерем” <...>» (*Нива Ж.* Указ. соч. С. 175).

³⁴ Этот вариант истолкования картины в романе является для Э. Б. Мекша основополагающим. В докладе исследователя экфрасис «Замка святого Грааля» трактуется в сугубо идеологическом ключе – как «понимание со-

ветского периода русской истории» художником. Язык символов, в том числе характер изображения всадника, застывшего перед бездной, интерпретируется однолинейно, по сути, аллегорически. Так, готовность лошади «по воле всадника, и попятиться и перенестись» прочитывается как воплощение исторической ретроспекции и перспективы, для которых «точкой отсчета является сталинское время» (Мекш Э. Указ. соч. С. 181). При этом смысл изображения расшифровывается через проекцию на фальконетовский памятник, а также на образы советского искусства: «Эскизный вариант картины Кондрашева ориентирован и на знаки советской культуры, в частности на расхожий образ красноармейца в “богатырке” (названной позднее “буденовкой”), наиболее наглядно воплощенный в знаменитом плакате Д. С. Моора “Ты записался добровольцем?” (1920), и на конные монументы 1953 года, примером которых может служить памятник Юрию Долгорукому С. М. Орлова, А. П. Антропова и Н. Л. Штамм, открытый в дни кенгирского восстания» (Там же). Трудно согласиться с подобным осмыслением произведения, которое вдохновлено легендами о Парсифале, Лознгрине, Священном Граале и их «отражениями» в искусстве.

УДК УДК 821.161.1.09-31+929[Солженицын+ Успенский]

РОМАН «В КРУГЕ ПЕРВОМ» В АСПЕКТЕ ДИСКУРСИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИЙ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А. В. Кречетова

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар
E-mail: ANV_inbox.ru

В статье рассматривается проблема отражения идей российского либерального движения предоктябрьского периода в романе А. И. Солженицына «В круге первом». Автор отмечает существенную значимость данных концепций в концептуальной структуре романа, их взаимосвязь с развитием темы российского крестьянства в данном произведении А. И. Солженицына.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, Глеб Успенский, либеральное движение, крестьянство, литературный дискурс.

Novel «The First Circle» in the Aspect of the Discursive Reflection of Concepts of the Russian Liberal Movement of the End of the XIXth and the Beginning of the XXth Centuries

A. V. Krechetova

The article dwells on the issue of how the ideas of the Russian liberal movement in the pre-October period are reflected in A. I. Solzhenitsyn's novel «The First Circle». The author points out that those concepts are significantly meaningful in the conceptual structure of the novel; the interrelation of the concepts with the development of the theme of the Russian peasantry in this work by A. I. Solzhenitsyn is highlighted.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, Gleb Uspensky, liberal movement, peasantry, literary discourse.

В современном литературоведении история российского либерального движения по-прежнему остается одной из малоизученных страниц. Причины этого достаточно очевидны: негативное отношение к либеральным концепциям со стороны официальных структур сохранялось в стране на всем протяжении послеоктябрьского периода. Между тем история развития российского либерального движения весьма показательна – как история осознания значительной частью общества бесперспективности революционного переворота в России.

К концу XIX – началу XX в. в политическом поле России складывается множество идеологических направлений. Выдающиеся представители российской культуры, деятели искусства и науки размышляют о пути дальнейшего развития страны. Различные слои общества связывают свои надежды с созывом Учредительного собрания. О предоктябрьских событиях напоминает в романе «В круге первом» судьба тверского родственника Иннокентия Володина – его дяди Авенира, который был участником демонстрации в поддержку Учредительного собрания в Петрограде 5 января 1918 г. и оказался очевидцем тех событий, которые замалчивались в последующие десятилетия.

Вынужденно допустив выборы в Учредительное собрание, большевики, вместе с тем, не

сумели набрать того числа голосов, которое было юридически необходимо для управления страной. Как пишет Б. П. Балувев в работе «Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв.», во время этих выборов, т. е. «во время легитимного волеизъявления народа после Октябрьского переворота»¹ из общего числа тех, кто принял в них участие, «лишь 24 % проголосовали за большевиков»² под жестким давлением новой власти. Роспуск Учредительного собрания оказался одним из поворотных моментов в истории страны. Для России наступает эпоха тоталитаризма. Следует отметить, что историко-культурный дискурс данного периода, а также предшествовавших ему десятилетий по-прежнему изучен не полностью, наследие ряда популярных в прошлом литературных и общественных деятелей не переиздавалось, содержание их творчества по-прежнему нуждается в реинтерпретации. Обращая внимание на актуальность данных вопросов, представляется необходимым подчеркнуть следующее. Совершенно очевидно, что невозможно реконструировать исторический контекст эпохи, обходя вниманием факты, которые не укладываются в социально-политические клише.

Практически сразу после октябрьских событий 1917 г. в России начинается закрытие печатных органов, близких к либеральным кругам. Данные общественные направления рассматриваются новой властью как чуждые и враждебные по своей идеологии. Слово «либерал» получает все более негативный оттенок.

В романе А. И. Солженицына весьма показателен спор Глеба Нержина и Льва Рубина о либерализме и о ленинской цитате из статьи «Памяти Герцена», касающейся данного общественного направления. «Что?? – восклицает Нержин, – это – язык великого философа? <...> Либерализм – это любовь к свободе, так он холуйский и грязный. А аплодировать по команде – это прыжок в царство свободы...?»³

Несправедливо будет сказать, что либеральные идеи после Октября оказались целиком забыты российской интеллигенцией. Осмысление данных концепций продолжалось, приобретая подчас остроту и политический резонанс, оказывалось необходимым и общественно значимым. Противостоя официальным политическим теориям, идеи российского либерализма, переосмысленные спустя несколько десятилетий, приобрели в эпоху застоя новое звучание, не утратив своей общественной актуальности. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что осмысление данных концепций проходило практически исключительно на художественном уровне. Находя для себя в этом случае более обширную читательскую аудиторию, данные концепции испытывали весьма серьезное противодействие официоза, а художники, развивавшие их, – давление государственной идеологии. Среди писателей, обращавшихся к теме развития либеральных идей в России, не-

сомненно, следует в первую очередь назвать А. И. Солженицына.

А. И. Солженицын предпринимает серьезные исторические изыскания, изучает обширный архивный материал и, что еще более ценно, выступает как человек, имевший возможность заслушать свидетелей той далекой эпохи.

Восстановить картину минувших событий, осмыслить, что произошло со страной в первые десятилетия XX в., – вот цель, которая владела этим выдающимся художником на протяжении его творчества. О важности данной задачи размышляет центральный персонаж романа «В круге первом» Глеб Нержин. В его характере автор отмечает присутствие «неуимчивого чувства на отгадку исторической лжи» (213).

Нержин, один из наиболее значимых персонажей в творчестве А. И. Солженицына, понимает, насколько важно воскресить невозвратное былое, понять, какой была прежняя Россия и какой она никогда не была. Он убежден, что события, которые происходили в стране в конце XIX – начале XX столетия, если прямо не искажаются, то, во всяком случае, все больше окутываются покровами тайны и молчания. «Для Глеба <...> всю его молодость гремел немой набат! – и неисторжимо укоренялось в нем решение: узнать и понять! Откопать и напомнить! (разрядка А. И. Солженицына. – А. К.)» (213). В начале XX в., – размышляет Нержин, – «Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний» (28).

Жесткие преследования обрушиваются на российское либеральное движение после Октябрьского переворота. В стране ширилась волна политических репрессий. Под лозунгом борьбы с «врагами народа» уничтожались сотни тысяч человек. «И вечерами на бульвары родного города... Глеб ходил мечтать, как он когда-нибудь проникнет в самую Большую и самую Главную тюрьму страны – и там найдет следы умерших и ключ к разгадке» (213). Желание Глеба Нержина исполнилось, и он действительно «встретил тех самых, еще уцелевших, кто не удивлялся его догадкам, а имел в сотню раз больше, что рассказать» (213).

Среди исследований, посвященных истории либерального и либерально-народнического движений, следует отметить, в частности, работы И. Д. Осипова, И. А. Книгина, Б. П. Балувева. Как отмечает Б. П. Балувев, «подавляющее большинство либеральных народников не приняли Октябрь, в том числе их тогдашние лидеры В. А. Мякогин и А. В. Пешехонов...»⁴ Более того, практически все они «активно противодействовали большевизму, оказались по другую сторону баррикад во время гражданской войны и затем в эмиграции»⁵.

Вопрос о народе, несомненно, оставался центральным для российского общества на протяжении всего периода, предшествовавшего революционным событиям в стране. При этом

понятие «народ» подразумевало в себе, прежде всего, крестьянство, которое вплоть до 40–50-х гг. XX в. составляло большую часть населения страны. Продолжая лучшие традиции литературы XIX–XX вв., к вопросу о народе, к размышлениям о жизни российского крестьянства на протяжении всего творчества обращался А. И. Солженицын. До революции Россия, несомненно, являлась одной из самых богатых в сельскохозяйственном отношении стран. К началу 1930-х гг. она продолжает оставаться по преимуществу аграрной страной. Вместе с тем после Октября отношение к крестьянству в России оказывается весьма сложным. Как отмечают исследователи, большевики всегда считали крестьянство мелкобуржуазной стихией, относились к нему как к силе косной, в массе своей противостоящей революции⁶.

Весьма значительный интерес в связи с разработкой в русской литературе темы крестьянства представляет судьба творческого наследия такого художника, как Глеб Успенский. В советский период интерпретация творчества этого, одного из наиболее читаемых в 1870–1890-е гг. литератора, должна была полностью соответствовать политическим задачам нового строя. Практически неизученным осталось влияние либеральных и либерально-народнических идей на творчество Глеба Успенского. Среди наиболее значимых работ советского периода по его творчеству следует назвать книгу А. Д. Камегулова «Стиль Глеба Успенского» (Ленинград : ЛАПП «Прибой», 1930), который относит Успенского к представителям «мелкобуржуазной разночинной интеллигенции»⁷. Общественным идеалам этого писателя, отмечает Камегулов, не суждено было реализоваться⁸. Отметим, что сам автор данной работы погиб в 1938 г, став жертвой сталинских политических репрессий.

Для эпохи последних десятилетий XIX в. Глеб Успенский оказывается во многих отношениях знаковой фигурой. Выступая против революционного пути развития событий, он всегда оставался художником, размышлявшим о судьбе народа и судьбах страны. Возможно, при более пристальном внимании российской интеллигенции к содержанию его произведений в российском общественно-политическом поле предоктябрьского периода могли бы сгладиться некоторые противоречия.

Как представляется, данный художник мог стать одной из фигур, примиряющих крайности, которые впоследствии стали одной из причин жертв революционного и послереволюционного периодов. Между тем в советский период позиция Г. И. Успенского по вопросу о роли интеллигенции в прогрессивном развитии общества нередко трактовалась как ошибочная. В частности, в Комментариях к т. IX Полного собрания сочинений Г. И. Успенского (М.: Изд-во АН СССР, 1940–1954) говорится следующее: «Успенский делает неверные выводы: интеллигенция,

по его мнению, может изменить исторические судьбы народа, может улучшить его положение в условиях существующего строя, если она честно возьмется за дело служения народу»⁹. Данная цитата следующим образом характеризует позицию Г. И. Успенского: писатель понимал, что народная жизнь нуждается в улучшении, и в то же время был убежден, что изменить положение крестьянской массы можно и в условиях существующего строя, если интеллигенция будет рассматривать заботу о народном благе как важнейшую цель.

Ряд исследователей отмечали, что идеологический догматизм не был присущ этому художнику. «Разрушитель иллюзий» – называла писателя прижизненная критика¹⁰. Укажем на определенное тяготение Г. И. Успенского к изданиям либерального направления в 1880-е гг.: с 1885 г. он сотрудничает в органах либеральной печати: газете «Русское слово» и журнале «Русская мысль» (отметим, оба издания закрыты после Октябрьской революции 1917 г.). Писатель негативно относился к социальным утопиям, что наиболее ярко проявилось в таких его произведениях как «Крестьянин и крестьянский труд», «Равнение “под одно”» и др. Многие исследователи, в том числе в советский период, подчеркивали религиозность Г. И. Успенского. Писатель говорил о необходимости внимания к отдельной личности, а не к обобщенным социальным концепциям. О его произведениях положительно отзывался, в частности, либеральный журнал «Вестник Европы»¹¹.

Небезынтересен тот факт, что оба лидера либеральных народников, названные в книге Б. П. Балуева «Либеральное народничество на рубеже XX–XIX вв.», В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов, являются авторами литературно-критических статей о творчестве Г. И. Успенского, в которых его произведениям дается весьма высокая оценка¹². В период февральских событий А. В. Пешехонов занимает пост министра продовольствия во Временном правительстве. Впоследствии оба они (так же как еще один известный автор статьи о Г. И. Успенском – Ю. И. Айхенвальд) высланы из России на так называемом «философском пароходе» (1922 г.). Отметим, что о В. А. Мякотине и А. В. Пешехонове как о борцах с новым послеоктябрьским режимом упоминает А. И. Солженицын в своем труде «Архипелаг ГУЛАГ»¹³.

Несомненно, в творчестве А. И. Солженицына тема народа, крестьянства репрезентируется как одна из центральных. Данная тема является одной из ключевых также для романа «В круге первом». Образ Спиридона Егорова раскрывается в произведении как один из наиболее значимых. Продолжая линию повести «Один день Ивана Денисовича», писатель создает образ типичного российского крестьянина, одного из миллионов. Бурными событиями эпохи он оказался оторван от земли, воевал, прошел немецкий плен и вернулся на Родину. Он верит, что в стране, вынесшей на своих плечах тяжесть войны, многое должно стать

по-другому. Но надежды его не оправдываются. Вместо того чтобы вернуться к крестьянскому труду, Спиридон Данилович оказывается дворником марфинской «шарашки».

Небезынтересно само имя – Глеб, которое выбирает А. И. Солженицын для центрального героя романа «В круге первом». Данный персонаж по своим убеждениям оказывается между двумя антагонистическими направлениями политического движения: консервативным и революционным. Его позиция – понять личность не с точки зрения ее принадлежности к политическому лагерю, а, прежде всего, увидеть в ней проявления общечеловеческого нравственного начала. Как представляется, неслучайным является сюжетное положение, когда Глеб Нержин оказывается между двумя непримиримыми противниками – Рубиным и Сологдиным – как между двумя полюсами минувшей гражданской войны. Данный герой занимает компромиссную позицию, стремясь примирить крайности между антагонистическими общественными лагерями:

«И дальше, и дальше они неслись, уже теряя расстановку доводов, связь мыслей последующих и предыдущих, совсем не видя и не ощущая этого коридора, где... так видны были их встревоженные размахивания рук, воспламененные лица <...>

– Глеб!..

– Глеб!.. – наперебой позвали они, увидев, как с лестницы... вышли Спиридон и Нержин.

Они звали Глеба, каждый в нетерпеливом ожидании удвоить свою численность. Но он и сам уже направлялся к ним, в тревоге от их возгласов и размахивания...» (424).

– Это – кровью пахнет! – сжал Рубин кулаки, волосатые у кистей.

Говорить дальше, или даже душить, или даже бить друг друга кулаками – все было слишком слабо. После сказанного надо было хватать автоматы и строчить, ибо только такой язык мог понять второй из них.

Но автоматов не было» (427).

Хорошо известно, что в русскую литературу Г. И. Успенский вошел как писатель-скептик. Хрестоматийными являются высказывания критики о скептицизме, который всегда был свойствен этому художнику и определяется как наиболее характерная черта его мировоззрения. Именно в скептицизме упрекает Нержина Рубин (39). Статья «Памяти Герцена» упоминается Рубиным именно в связи с цитатой о скептицизме (40). Рубин напо-

минает Глебу Нержину цитату из данной статьи: «...скептицизм есть форма перехода от демократии к ...либерализму» (40). Как представляется, герой романа А. И. Солженицына Глеб Нержин не считает скептицизм надежной опорой мировоззрения. Он стремится понять, на что может опереться человек в эпоху катастроф.

XX век, несомненно, заставил размышлять о соотносимости понятий «цивилизация» и «гуманизм». Как представляется, содержание романа «В круге первом» свидетельствует о том, что сам по себе скептицизм еще не создает положительных ценностей: он лишь помогает их поиску. А. И. Солженицын словно стремится убедить читателя: человек не может жить без нравственных опор. Эти нравственные опоры на протяжении многих трагических десятилетий XIX и XX вв. пытались отыскать все российское общество, а вместе с ним искала и находила эти опоры литература.

Примечания

- ¹ *Балуев Б.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995. С. 13.
- ² Там же. С. 13.
- ³ *Солженицын А.* В круге первом. М., 2006 («Литературные памятники»). С. 40. Далее цитируется это издание с указанием страницы в скобках.
- ⁴ *Балуев Б.* Указ. соч. С. 13.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Доброноженко Г.* Коми деревня в 30-е годы XX века : политические репрессии и раскулачивание. Сыктывкар, 2007. С. 5–10.
- ⁷ *Камегулов А.* Стиль Глеба Успенского. Л., 1930. С. 154.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Успенский Г.* Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. IX. М., 1949. С. 649.
- ¹⁰ См.: *Скабичевский А.* Глеб Успенский как разрушитель иллюзий // Русь. 1882. № 3. С. 21–22.
- ¹¹ См.: *Арсеньев К.* Лесная правда и высшая справедливость – Глеб Успенский : Власть земли. Очерки и «отрывки из памятной книжки» (Москва, 1883) // Вестн. Европы. 1883. № 10. С. 693.
- ¹² См.: *Пешехонов А.* Из истории чести и совести (По Гл. И. Успенскому) // На славном посту (1860–1900) : лит. сб. СПб., 1901 ; *Мякотин В.* Из истории русского общества. 2-е изд. СПб., 1906.
- ¹³ См.: *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования : в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 305, 346.

УДК 821.161.1.09-31=398.91(470)+929Солженицын

«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО» А. СОЛЖЕНИЦЫНА: ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СТРУКТУРЕ ТРЕТЬЕГО УЗЛА «КРАСНОГО КОЛЕСА»

А. И. Ванюков

Саратовский государственный университет
E-mail: XXvek@info.sgu.ru

В статье анализируются место и функции пословиц и поговорок в структуре третьего Узла исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное Колесо» – «Март Семнадцатого».

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Красное Колесо», «Март Семнадцатого», романная структура, пословицы, поговорки.

**«March 1917» by A. Solzhenitsyn: Proverbs and Sayings
in the Structure of the Third Knot of «Red Wheel»**

A. I. Vanyukov

The article analyzes the place and the function of proverbs and sayings in the structure of the third Knot of the historic epic «Red Wheel» by A. I. Solzhenitsyn – the novel «March 1917».

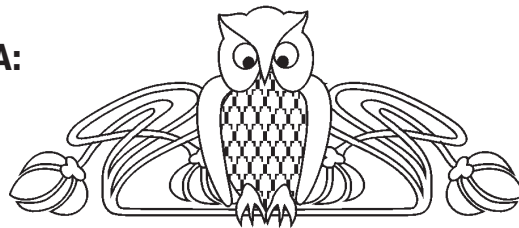
Key words: A. I. Solzhenitsyn, «Red Wheel», «March 1917», novel structure, proverbs, sayings.

«Март Семнадцатого» (1977–1986) представляет собой Узел III «повествования в отмеренных сроках» А. И. Солженицына «Красное Колесо», воссоздаёт события русской революции 1917 г. от 23 февраля до 18 марта старого стиля, состоит из четырёх книг и делится на 655 глав.

Мощная историко-эпопейная концепция «Марта Семнадцатого»¹ раскрывается в органическом взаимодействии многообразных повествовательных, эпических форм, включающих авторское повествование, тесно связанное с точкой зрения, словом героя (персонажа главы), исторический очерк, «фрагменты» события (дня, дней), «выписки», газетное обозрение, «экран» действия, документы, «рассказы», «рапорты», письма, молитвы, «стихи», песни, частушки, пословицы, поговорки, крылатые выражения и др.

Важную роль в повествовательной структуре «Марта Семнадцатого» играют пословицы и поговорки, которые – во многих случаях – выделяются Автором в тексте и выполняют богатые смыслопроявляющие и формообразующие функции.

В процессе работы над «Красным Колесом» А. И. Солженицын активно опирался на «Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.» В. Даля (1862), который представляет собой «свод народной опытной премудрости и суемудрия», «это – цвет народного ума, самобытной стати, это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый»². Далевское понимание и толкование пословиц и поговорок

творчески осваивается и развивается в повествовательной структуре всех четырёх Узлов солженицынской эпопеи. В «Напутном» к сборнику В. И. Даль отмечал: «Пословица – коротенькая притча... Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности... как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однакоже, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» (18). Поговорка же, по В. Далю, «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» (20).

Уже в третьей, обзорной главе «Хлебная петля», само название которой прямо раскрывает суть начальной, заглавной исторической проблемы Узла, Автор в последнем абзаце выделяет поговорку, которая сразу же вводит в контекст ёмкое национально-архетипическое измерение: «Так заканчивался двухсотлетний отечественный процесс, по которому всю Россию начал выражать город, насильственно построенный петровскою палкой и итальянскими архитекторами на северных болотах, НА БОЛОТЕ, ГДЕ ХЛЕБА НЕ МОЛОТЯТ, А БЕЛЕЕ НАШЕГО ЕДЯТ, а сам этот город выражался уже и не мыслителями с полком сумрачной Публичной библиотеки, уже и не быстрословными депутатами Государственной Думы, но уличными забияками, бьющими магазинные стёкла оттого, что к этому болоту не успели подвезти в завал хлеба»³.

В первом дне повествования (Двадцать третье февраля. Четверг) видоизменённая, по-новому осмысленная пословичная форма начинает шестую главу: «Правильно говоря: тюрьма да сума дадут ума» (11,57), вводя сразу образ (судьбу) Кузьмы Гвоздёва, а в начале главы восьмой приводится латинская пословица: “Sic itur ad astra”, – повторял Воротынцеву старичок своё первое суждение о первой книге Андозерской («Так идут к звёздам» 11, 66). Содержательный тип пословиц отчётливо характеризует и персонажа, и время, а также несёт еще и символический смысл.

В конце 52-й главы Маклаков советует профессору Милюкову «не трогать того, что покоится», латинской пословицей: «Маклаков поднял писанные брови, опустил: – Павел Николаевич!

Quieta non movere» (11, 279). А глава 66-ая завершается афористической сентенцией, связанной с судьбой, семейной жизнью Гучкова: «Можно выиграть целую Россию, а женитьбу проиграть» (11, 334).

Композиционно выделенная поговорка стоит в финале четвёртого дня (Двадцать шестое февраля. Воскресенье – глава 67-ая): «Волынцы вернулись в казармы – Кирпичникову завтра опять – Унтеры сговариваются – завтра не стрелять» – и «когда всё отрезано», пошли последние часы ночи – Кирпичников и Марков разговаривают «через проход»: «А всё ж лучше по-солдатски умереть, чем невинных бить... Облегчает, что молодые, семьи у обоих нет. Зато в молодых годах и жизнь жалчей – Ладно, Миша. Пусть люди потом вспоминают – учебную команду Волынского полка» (11, 340) – и авторская, завершающая главу присказка: «ДВА ГОРЯ ВМЕСТЕ, ТРЕТЬЕ ПОПОЛАМ» (11, 340).

Большую часть первой книги занимает «Двадцать седьмое февраля. Понедельник» – главы 68–170, в которых структурно выделенные, финально-главные поговорки выполняют еще и немаловажную ритмопроявляющую роль. 95-ая глава, в которой Георгий Воротынцев переживает «разлом жизни» (11, 433), читает прощальное письмо Алины и пишет письмо Калисе Петровне Коронатовой: «Не мог ли бы я посетить Вас сегодня вечером?» – заканчивается иронически-боевой сентенцией: «БИВШИЕСЬ С КОЗОЙ – НЕ УДОЙ» (11, 436). 120-ая глава, повествующая о «зарождении Совета Рабочих депутатов» («Родзянко разрешил им занять в правом крыле комнату бюджетной комиссии»): «надо писать воззвание к народу», «надо собирать Штаб Революции»; «Сергей Дмитрич! Скорей, скорей идите к нам!» – итожится народной поговоркой: «ТЫ МНЕ ДАЙ ТОЛЬКО ЛАПКУ НА ВОЗ ПОЛОЖИТЬ, // А ВСЯ-ТО Я И САМА ВСКОЧУ» (11, 537), связывающей и бытовой, и исторический планы смысла. 153-я глава, дающая «фрагменты петроградского вечера»: «К вечеру по всему городу уже закрылись все учреждения, магазины, рестораны, лавки, рынки, всякое предпринимательство. Никаких кинематографов, театров. И весь вечер и ночь Петроград ловил и убивал свою полицию <...> Поздно вечером революционная толпа дохлестнула и до измайловских казарм <...> Вести о петроградском солдатском мятеже к вечеру достигли и Ораниенбаума» (11, 663) – завершается обобщающей поговоркой: «ТЕРПИТ КВАШНЯ ДОЛГО, // А ЧЕРЕЗ КРАЙ ПОЙДЁТ – НЕ УЙМЁШЬ» (11, 664).

Пословицей начинается 161-ая глава: «На всякого мудреца довольно простоты» (11, 691) – и разворачивает затем понимание арестованным Щегловитовым, что «надо было ему сегодня с утра... уехать прочь из города», «что это – крушение, которого и следовало ждать в непрерывно раскачиваемой, подрываемой стране», «и он не внушал себе, что завтра утром будет освобождён»

(11, 696). В 164-ой главе Михаил Александрович исправляет «ошибку», указывает, что «войска» надо вывести из Зимнего Дворца, и солдат, которых «так и не покормили», опять переводят в Адмиралтейство: «В холодном, неуютном Адмиралтействе садились как попало. Головы сваливались на соню. Скоро уж и утро» – следует финальная поговорка: «НИ КУСА, НИ КРОВА ХОЛОПУ, // ОДНА ЗАКЛЁПА» (11, 706).

Предпоследняя, 169-ая глава первой книги «Марта Семнадцатого» даёт «экран»: разгром солдатским «сбродом» «Астории» – с зеркальным отражением, движением «наверх» и «вниз»: «... самые сметливые – слуге – А вино – где у вас? Вино, вино показывай!» (11, 722) – финал: «ОТ-ВЯЖИСЬ, ХУДАЯ ЖИЗНЬ! // ПРИВЯЖИСЬ, ХОРО-О-ШАЯ!» (11, 722), почти в частушечной форме выражающий погромные настроения солдатской толпы.

Вторая книга (главы 171–353) обнимает три дня: Двадцать восьмое февраля. Вторник; Первое марта. Среда; Второе марта. Четверг, и пословичный комплекс продолжает играть значительную роль в структуре повествования, выступая в ритме: 3–7–3.

Во Вторник, двадцать восьмого февраля композиционно выделяются три главы, завершающиеся «народным словом». В 182-й главе, дающей 18 фрагментов петербургских событий, это частушечное четверостишие: ВЫХОДИ, ПРОСТОЙ НАРОД! // РАСКИДАЛИ ВСЕХ ГОСПОД! // СО СВОБОДОЙ СТАЛИ ПЬЯНЫ, // ЗАИГРАЛИ В ФОРТЕПЬЯНЫ (12, 59). 213-ая глава – повествовательно трёхсоставная: повествование – «у либерального члена Государственного Совета Карпова», в квартире которого «ужинал адмирал в отставке Типолет» (12, 185): картина ареста Карпова и адмирала и спасения их Родзянко; далее – Документы-4 «Из бумаг военной комиссии» (12, 188) и завершающая ироническая поговорка: «ЗАПИЛИ ТРЯПИЧКИ, ЗАГУЛЯЛИ ЛОСКУТКИ» (12, 189). Заканчивающая день 237-ая глава повествует о «неудачном» положении Преображенского полка (вызван с фронта в Петроград «для подавления беспорядков», но «не может отправиться»), смысл которого раскрывается в финальной пословице: «ЧТО И СВАРИЛИ – В ПЕЧИ ЗАСТУДИЛИ» (12, 272).

В первомартовском дне – семь пословиц и поговорок, последовательно характеризующих основных действующих лиц, дающих дополнительные, истинные, народные, авторские оценки героев и событий. 250-ая глава – Пешехоновская: «Мечта всей жизни Пешехонова была народная воля, в обоих значениях этого великого слова: и в смысле народной свободы и в смысле народной власти» (12, 314) – заканчивается пословицей: «ПОШЛА БРАГА ЧЕРЕЗ КРАЙ – ТАК НЕ СГОВОРИШЬ» (12, 320).

251-ая глава начинается поговоркой «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе»

(12, 320) и разыгрывает «мелодию судьбы» на примере полковника Половцова: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе. Такое qui pro quo получилось и с полковником Половцовым» (12, 320), «Но не смотри на кличку, а смотри на птичку» (12, 322).

Еще одна поговорка внутри большого контекста поговорки «судьбы»: «... Половцов усмехался, похаживал, сдерживал проявлять себя <...> Судьба играет человеком, а человек играет на трубе» (12, 324). ... «А ещё – разбуровливался Кронштадт. Что там творилось – чёрная буря; не дознаться, разверзалась пугачёвская бездна, это уже не игра» (12, 324–325). В 268-й главе герой – Воротынцев – в Москве: «...показалось Воротынцеву, что он уже перевидал сегодня всё мыслимое... Но он ошибся... Памятник Пушкину у начала Тверского бульвара был приметно ошетилен... Сам поэт был перепоясан по плечу наискось красной лентой» (12, 373) – и в конце пословица: «МОСКВА ЗАМУЖ ИДЁТ – ПИТЕР ЖЕНИТСЯ» (12, 374). 268-ая глава – о государе – заканчивается поговоркой трагического смысла: «ЛИХО ДО ДНА, А ТАМ ДОРОГА ОДНА» (12, 397). В 283-й главе повествовательный «пункт»: «А если не развалить старую армию – так она развалит революцию» (12, 460) – дополняется, углубляется ритмом «плясовой»: «ПО-ШЛА СТЯПНЯ, // РУКА-ВА СТЯПНЯ!» (12, 460). Пословица «БОРОДА МИНИНА, А СОВЕСТЬ ГЛИНЯНА» (12, 527) итожит 296-ую главу, повествующую о поведении генерала Николая Иудовича Иванова: «Отлично! Отменно! Всё предусмотрел Николай Иудович – и всё правильно! Хорошо, что не начал стрелять, вот бы влип. Хорошо, что не совался в Петербург» (12, 526), а 304-ая глава с ротмистром Вороновичем («Воронович вызвал своих, поставил у куч караулы. Вот и всё. Эшелон был обезоружен. / Вот так побеждает революция! Воронович был горд, что это он всё сделал» (12, 556) заканчивается поговоркой: «ВСЯКОМУ ВОРУ – МНОГО ПРОСТОРУ» (12, 556) – авторским завершением событий Первого марта.

Последний день второй книги «Второе марта. Четверг» даёт три выразительные пословичные «формулы», которые маркируют три содержательные моменты развития событий этого дня. В 308-й главе генерал Алексеев составляет обращение Ставки к главнокомандующим фронтами в поддержку отречения государя, и Автор приводит в конце строчку народного/плясового «припева»/поговорки: «ОЙ, ЖГИ, ГОВОРИ, ДОГО-ВА-РИ-ВАЙ» (12, 577), которая показывает и двусмысленность положения начальника штаба Верховного, и реальный смысл его действия. 325-ая глава рисует картину солдатской, Советской жизни («солдаты в Совете»), выступление перед ними Керенского («Цирк Керенского») – и завершается точной оценочной поговоркой/присказкой: «ПРОКАТИСЯ, ГРОШ, РЕБРОМ! ПОКАЖИСЬ РУБЛЁМ» (12, 636). А 353-ья глава, завершающая

и этот день, второе марта, и вторую книгу «Марта Семнадцатого» сценой одиночества, картиной переживаний Николая Александровича после отречения («Государь остался один»), итожится финальной афористической «формулой»: «ЦАРЬ И НАРОД – ВСЁ В ЗЕМЛЮ ПОЙДЁТ» (12, 783).

В третьей книге (354–531-ая главы), сроки которой семь дней, 3–9 марта, структурно выделенные пословицы/поговорки складываются в последовательно выдержанную систему: Третье марта. Пятница – две, Четвёртое марта. Суббота – две, Пятое марта. Воскресенье – две, Шестое марта. Понедельник – две, Седьмое марта. Вторник – одна, Восьмое марта. Среда – две.

В начале третьей книги – «Третьего марта. Пятница» – звучат две пословицы, раскрывающие народную тему дураков. В 358-й главе – телеграмма Родзянко от Эверта: «...вверенному Западному фронту он Манифест объявил – и вознес молитвы Всевышнему о здравии Государя императора Михаила Александровича... приветствуя в вашем лице Государственную Думу и новый государственный строй... (13, 35–36) – Эх, научи дурака Богу молиться – он и лоб расшибёт. Ну, куда спешил?» (13, 36). В 404-й главе – взаимоотношения Алексева – Родзянко – и пословичный вывод: «ЧУЖОЙ ДУРАК – ПОСМЕШИЩЕ, / СВОЙ ДУРАК – НЕСЧАСТЬЕ» (13, 209). Пословицы «Четвёртого марта. Суббота» сопологают тему «царского согрешения» и мотив пустопорожной деятельности князя Львова. 425-ая глава воссоздаёт трагический момент разговора Алексева и Николая Александровича: «Михаил Васильевич. Я – вот так решил... Я – перерешил» (13, 281); «Это – никак невозможно, Ваше Величество» (13, 282), ведущий к Авторскому итогу: «ЗА ЦАРСКОЕ СОГРЕШЕНИЕ БОГ ВСЮ ЗЕМЛЮ КАЗНИТ» (13, 283). В 432-й главе рисуется картина заседания министров под руководством князя Львова («Ушло пять, ушло семь, ушло девять часов заседания первого свободного общественного комитета» (13, 315)), завершающаяся народной поговоркой: « – АКУЛЯ, ЧТО ШЬЁШЬ НЕ ОТТУЛЯ? / – А Я, МАЧКА, ЕЩЁ ПОРОТЬ БУДУ» (13, 316). Две пословицы «Пятого марта. Воскресенье» дают в последовательности солдатскую, народную – пророческую – оценку происходящего (435-ая глава – Арсений Благодарёв, батареи: «Непонятно. Как это – без царя» (13, 325); «Вовсе неохватно: откуда повалилось? Что это такое? Без головы в дому» (13, 328)) – «НЕДОЛГО ТОЙ ЗЕМЛЕ СТОЯТЬ, / ГДЕ УЧНУТ УСТАВЫ ЛОМАТЬ» (13, 328) и авторское осудительное, ироническое отношение к деятельности Исполнительного комитета (441-ая глава: «...и тут назрел другой опасный вопрос: о возобновлении работ на заводах (13, 348) – Ишь ты, шустрые какие! Уж и с завтрева им» (13, 353) – «ПРИНЯЛИСЬ ГУЛЯТЬ – ТАК НЕ ДНИ СЧИТАТЬ» (13, 353)).

«Шестое марта. Понедельник» также включает две пословицы. Обзорная «454 (по свободным

газетам, 5–7 марта)» глава заключается авторским выводом: «КРАСНОМУ УТРУ НЕ ВЕРЬ» (13, 413). 472-ую главу, в которой Гучков общается с представителями Совета, народом («Испытывал Гучков источник. Изнеможение. Уныние» (13, 494)), венчает ёмкая оценочная «приговорка»: «ЗАРУБИ ДЕРЕВОМ НА ЖЕЛЕЗЕ» (13, 494).

«Седьмое марта. Вторник» даёт одну пословицу, но очень важную для характеристики Керенского. В 488-й главе Москва принимает Керенского: «...и золотыми буквами должно быть записано его имя на скрижалях истории (13, 557) ... Керенский говорил еще... «Но я – не изменю своим принципам. Мои принципы – это вера в человека, вера в человеческую совесть» (Слушайте, слушайте! Это поразительно!) (13, 560) <...> У подъезда Английского клуба Александра Фёдоровича ожидала огромная толпа. Когда он появился, пошатываясь, вся эта тысяча обнажила головы и раздалось громовое “ура”» (13, 561), и Автор приводит итоговую пословицу: «СУЕТЛИВ ВОРОБЕЙ, А ПИВА НЕ СВАРИТ» (13, 561). «Восьмое марта. Среда» обзорная «503 (февральский образ выражения)» глава заканчивается поговоркой: «БЫЛА БЫ ИЗБА НОВА, А СВЕРЧКИ БУДУТ» (13, 625), а 508-ая глава, показывающая текучку заседания ИК («Народные волны беспощадно били в грудь Исполнительного Комитета (13, 644). – Наконец дошла очередь послушать наших делегатов, ездивших в Кронштадт. Не порадовали. Разгром продолжается... Митинги, митинги, службы – никакой» (13, 646), заканчивается пословичным итогом: «КУДА НИ ГЛЯНЬ – ВСЁ ДРЯНЬ» (13, 646).

Последняя, четвёртая книга «Марта Семнадцатого» обнимает события девяти дней: от десятого до восемнадцатого марта и включает главы 532–655. В шести днях есть семь глав, заканчивающихся пословичными формами. Десятого марта, в пятницу (535-ая глава) Шингарёв, теперь министр земледелия, решает хлебную проблему: «...подступала страшная, отчаянная мысль... не пришлось бы вводить государственную монополию на хлеб... Идея была – страшная своей революционностью, своей необычностью для России...» (14, 26), и Автор приводит поговорку: «А ТЫ ПРОВЕРЬ – ПРОЙДЁТ ЛИ В ДВЕРЬ» (14, 27), имеющую и личностную, индивидуальную, и государственную направленность, смысл исторический.

Две пословичные формулы возникают в главах «Одиннадцатое марта. Суббота». Первая – в обзорной 546-й главе («Февральская мифология»), представляющей газетные материалы с их лейтмотивом: «Какое великое счастье жить в эти дни!» (14, 80), «мифологический» дух которых «удостоверяется» авторским резюме: «СУПРОТИВ ПЕЧАТНОГО НЕ СОВРЁШЬ» (14, 80). Вторая поговорка – в 558-й главе, показывающей «творческую работу» Гиммера в Совете (правит текст солдатской присяги, «продвигает Манифест ко

всем народам мира» (14, 134)) и завершающейся авторской/народной оценкой: «ДОИТ ШИБКО, ДА МОЛОКО ЖИДКО» (14, 135).

Одна поговорка приводится в разделе «Тринадцатое марта. Понедельник». Это 582-я глава, повествующая о собрании ярославской интеллигенции у Пухнаревич-Коногреевой, данная «глазами» Фёдора Ковынёва – «глазами автора»: «Как гурманы собираются тонко посмаковать еду и вино – так свела их непреодолимая потребность высказаться друг перед другом – обговорить, выговорить, проговорить, переговорить, изговорить все возможные оттенки текущего» (14, 256) и заканчивающаяся поговоркой: «КРАСНО СОЛНЫШКО ВСХОДИТ – КАКОВО-ТО ВЗОЙДЁТ?» (14, 256), вопросительная интонация которой наполняется как конкретно-историческим, так и обобщающим, предупредительным смыслом.

В 592-й главе, открывающей день «Четырнадцатое марта. Вторник», «члены Государственной Думы выступают в дивизии Савицкого»: «депутат с курчавой бородкой, Демидов... Честь обновлённой России – нам дороже всего, журчал депутат» (14, 304); «остроусый Гронский... Голос его оказался острее, дерзее, взносчивей, – и держался он как летел в облаках» (14, 305); «с тем же равным усердием прокричали “ура” и “этому”» (14, 306); депутатов «кидали вверх с веселением воем» (14, 307). Пословица «КАБЫ БАСНИ ХЛЕБАТЬ – ВСЕ БЫ СЫТЫ БЫЛИ» (14, 307) подводит итог этой картины действия, выводя на первый план глубинную народную оценку повествовательного события.

Велика роль двух пословиц в последних днях четвёртой книги – это «Четверг, шестнадцатое марта» и «Пятница, семнадцатое марта». В 629-й главе повествование живописует «князя Львова-миротворца», «вермишель заседания» Временного правительства, «проблемы, проблемы», в том числе вопрос о выделении 10 миллионов Исполнительному комитету «на политическую работу» (14, 500): «Упустил князь Георгий Евгеньевич... Ай, какая неприятность, какая!.. – Вот что, господа. Давайте запишем: передать на добавочное заключение министру финансов... И так выиграем время» (14, 501). «КРОЙ ДА ПЕСНИ ПОЙ – // ШИТЬ СТАНЕШЬ, НАПЛАЧЕШЬСЯ» (14, 501) – итоговая пословичная «формула» афористически характеризует и исторического «деятеля», и время.

Последняя пословица «Марта Семнадцатого» приведена в 637-й главе, она связана с «проблемой хлебной монополии», образом Шингарёва и закольцовывает «хлебную» тему, одну из слагаемых исторической концепции Третьего Узла. «По всей логике дела, вводить монополию – надо было. Но Шингарёв сердцем ощущал нечто выше логики... а было содрогновенное чувство роковой черты» (14, 545); «Стал Шингарёв докладывать своё воззвание – волновался: ведь знаменательный исторический момент для России... Но министры не

заметили ничего необычного... согласились, без прений и поправок.

А Некрасов, как проснувшись, сказал свежим голосом: – Это идея! Я тоже такое воззвание напишу... На станциях солдаты бесчинствуют – нет управы. Насильничают над железнодорожными служащими, переполняют поезда, – а если ось лопнет, да крушение?» (14, 549). Вопрос исторический. И завершает главу пословица: «ПОДУМАЕШЬ УМОМ – ГОЛОВА КРУГОМ» (14, 549), которая является последней выделенной и в четвёртой книге Третьего Узла, и в структуре «Марта Семнадцатого».

Вместе с тем в последнем дне «Марта», «Восемнадцатое марта. Суббота», в первой, 640-й главе, которую Автор называет «Сны Варсонофьева», есть еще одна – внутренняя – пословица, раскрывающая солженицынскую природу и поэтику сна, соотносящая сновидческую и фольклорную (пословичную) сферы и помогающая отчетливее представить своеобразие явленного в народном слове содержания и смысла.

Нужно заметить, что сны Варсонофьева открывают четвёртую книгу «Марта Семнадцатого». Глава 532-я («Десятое марта. Пятница») начинается двумя снами. Первый: «Епифановна подаёт ему телеграмму. И он сразу почему-то понял, что телеграмма та – не простая, но – астральная... сон показался ему таким значительным – сейчас же его записать... Что-то в этом было истое: какой-то посланный нам, но не доходящий до нас смысл» (14, 9); второй: «предупреждающее сочувственное сжатие» – «кто-то невидимый... взял его кисть в свою руку и стал выразительно сжимать» – «проснулся судорожно... Между обоими снами была несомненная связь. Какие-то знаки посылались, но – неразгаданные» (14, 9). В 640-й главе тоже два сна. В первом Варсонофьев видит у Биржи «мальчика с дивно светящимся лицом» и «понимает, что этот мальчик – Христос, а в руках у него бомба!.. и сейчас, через секунду, она взорвётся» (14, 560), во втором, «предыдущем записанном сне», Варсонофьев «будто находится в церкви, но ночью – на закрытой, сокровенной службе... здесь собрались на обряд запечатления церкви» (14, 562). Между этими двумя снами в 640-й главе есть «объяснение» снов, в процессе которого приводится еще одна – сновидческая – пословичная форма: «У снов был свой язык. То снилось ему выражение: “на тайлок” – и он сразу понимал, что это значит: тайно. То на какой-то узорчатой решётке, как бы ворот, от невидимой руки выкладывалась надпись металлической вязью, тут и застывая: “Кто не был князь – поди, ведась”. И во сне – ему был вполне понятен и значителен этот смысл, а вот записывая – уже не мог ухватить» (14, 562).

Можно сказать, что и в яви, исторической действительности, на мощной повествовательной «узорчатой решётке» «Марта Семнадцатого» композиционно выделенные «слова», «надписи»

пословично-поговорочной формы выступают такой мастерской «металлической вязью», каждый элемент которой «схватывает» и передаёт глубокий, «значительный», «ведийный» смысл определённого содержательного момента, «пролёта» (главы повествования), а все вместе складываются в удивительную художественную, ритмическую систему, вершинно выражающую повествовательное целое Третьего Узла солженицынской исторической эпопеи.

В «очерках изгнания» «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» А. И. Солженицын так характеризовал роль и функции пословиц в «Красном Колесе»: «Отдельно, между глав, крупным шрифтом приводимые пословицы призваны выразить народные суждения о только что услышанном (прочтённом) в главе. При удаче – они тоже открывают восприятию добавочное измерение. Иногда – бросают луч и на главу предыдущую»⁴.

Как видим, пословицы и поговорки в «Марте Семнадцатого» ярко выражают широкий спектр народных суждений, мнений, оценок происходящих событий, активно открывают читательскому восприятию многомерный диапазон «добавочных», в том числе притчевых, «измерений», целенаправленно «бросают лучи» и на предыдущие, и на последующие главы, дни, узлы. Пословичный/притчевый, «поговорный/поговористый»⁵ стиль романного Узла органично входит в полифоническую структуру «Красного Колеса», действенно способствуя художественному раскрытию авторской историософской, духовно-нравственной концепции.

Примечания

- ¹ См.: *Спиваковский П.* Феномен А. И. Солженицына: новый взгляд. М., 1998; *Урманов А.* Творчество Александра Солженицына. М., 2003; «Красное Колесо» А. И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Междунар. сб. науч. тр. Благовещенск, 2005; *Щедрин Н.* «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М., 2010; *Жизнь и творчество Александра Солженицына. На пути к «Красному Колесу».* М., 2013.
- ² См.: *Пословицы русского народа. Сборник В. Даля / вст. ст. М. А. Шолохов. Сокровищница народной мудрости; Чичеров В.* Сборник Владимира Даля «Пословицы русского народа». М., 1957. С. 18–19. Далее в тексте ссылки на это издание даются с указанием страницы в скобках.
- ³ Цит. по: *Солженицын А.* Собр. соч. : в 30 т. М., 2008. Т. 11. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 1. С. 44. Далее цитируется это издание с указанием тома и страниц в скобках.
- ⁴ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть вторая (1979–1982) // *Новый мир.* 2000. № 9. С. 156.
- ⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2003. Т. 3. С. 155.

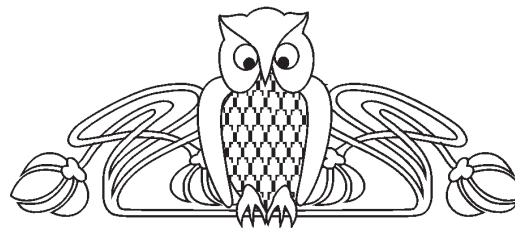

УДК 821.161.1.09-31+929[Солженицын+Алданов]

«УЗЛЫ» ИСТОРИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ М. АЛДАНОВА И А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Е. Г. Трубецкова

Саратовский государственный университет
E-mail:etrubetskova@gmail.com

В статье проводится сопоставительный анализ историко-фило-софских концепций М. Алданова и А. Солженицына на материале романа «Истоки» и повествования в отмеренных сроках «Красное Колесо» («Август Четырнадцатого»). Рассматривается вопрос о роли случая в истории и судьбе отдельной личности, осмысление «истоков» и последствий русской революции, смещение границ эпических жанров в литературе XX в.

Ключевые слова: М. Алданов, А. Солженицын, философия случая, «Истоки», «Август Четырнадцатого», «Приемы эпопей».

«Knots» of History as Depicted by M. Aldanov
and A. Solzhenitsyn

E. G. Trubetskova

In the article the author carries out a comparative analysis of historic and philosophical concepts of M. Aldanov and A. Solzhenitsyn based on the novel «The Sources» and the narration within a measured time period «Red Wheel» («August 1914»). The issue of the role of an occasion in history and in the fate of one person is considered, as well as the comprehension of the 'sources' and consequences of the Russian revolution and the shift of the epic genre boundaries in the XX century literature.

Key words: M. Aldanov, A. Solzhenitsyn, philosophy of occasion, «The Sources», «August 1914», «Epic Techniques».

«Художник не должен выдумывать форму, <...> материал диктует нам ее, – писал А. И. Солженицын. – Сами события очень концентрируются, и сами события властно требуют менять, я бы сказал, виды повествования»¹. Писатель видит, как XX век раздвигает устоявшиеся границы литературных жанров. «Автор не разрешил бы себе такого грубого излома романной формы, если бы раньше того не была грубо изломана сама история России, вся память ее, и перебиты историки»², – пишет он. Обращаясь к воплощению грандиозного замысла «Красного Колеса», Солженицын, первоначально называл свое произведение романом: «Итак, роман пишу, исторический роман»³. Но объем материала требовал эпического охвата событий. В конечном итоге возник новый сверхжанровый синтез, которому автор дал определение «повествование в отмеренных сроках».

Уже завершив «Красное Колесо», Солженицын обратился и к теоретическому осмыслению природы эпического в XX в. В статье из «Литературной коллекции» он пытался сформулировать, с его точки зрения, «еще не объявленные, но требовательные законы» «построения эпопей»⁴,

уже испытав основные из них в собственном художественном творчестве.

Для показа достижений и срывов современной эпопеи Солженицын обратился к опыту двух писателей: М. Алданова и В. Гроссмана. Его критические высказывания о крупнейших произведениях старших современников представляют большой интерес. Они позволяют приблизиться к собственно солженицынскому пониманию границ жанра, осмыслению писателем возможностей художественного запечатления исторической эпохи⁵. В контексте интересующего нас сопоставления подходов к изображению ключевых моментов истории Солженицыным и Алдановым⁶ особо значима первая часть статьи, содержащая авторскую рецепцию алдановского творчества.

Статья Солженицына лишена комплиментарности. Отмечая ошеломляющий «замах» книги в показе исторических лиц, он тут же говорит об их разбросанности, несвязанности с действием: «Нарушен принцип: приводить лишь необходимое». Но автор признает, что «все же эти этюды о великих людях вместе составляют впечатление охвата европейской эпохи <...> Этот опыт все равно интересен»⁷. Ошибку Алданова Солженицын видит и в большом количестве вымышленных персонажей, а также в создании образа главного героя – Мамонтова. Он убежден, что само выделение главного героя – «заторможенное представление, наследованное из рамок обычного романа»⁸ – вредит эпическому замыслу. О системе образов в «Красном Колесе» писатель твердо говорил: «Главного героя не будет ни в коем случае – это и принцип мой: не может один человек, его взгляды, его отношение к делу передать ход и смысл событий. Обязательно даже главных, излюбленных, ведущих героев должно быть с десяток, всего же их – сотни, а главное действующее лицо – Россия»⁹.

Солженицын соглашается с мыслью автора «Истоков», что 1 марта 1881 г. – день убийства Александра II – был, может быть, безвозвратным, непоправимым изломом в российской истории. Но тут же замечает, что Александр II «не только не взят на глубине и не истолкован достаточно, но в изображении его (здесь <...> копируется ироническая манера Толстого) нет никакой цельной мысли, совсем непонятно, почему же именно этот царь возглавил знаменитые реформы»¹⁰.

По мнению автора «Литературной коллекции», «нравственная сторона (безвинные жертвы револю-

ционеров) тут очень блеклая». «Да и скрывает автор от нас народное горе, сотрясение после убийства царя»; «...нет ощущения России в целом <...> и – простой любви к ней. <...> Объявленные нам Истоки не сливаются во всероссийский Поток»¹¹.

Легко заметить, что Солженицын находит в «Истоках» недостатков в несколько раз больше, чем удач. Правда, большинство из упреков (в излишнем количестве вымышленных героев, слабости разработки да и ненужности главного героя; отсутствии изображения народа, народного языка, России как целого), на наш взгляд, снимается, так как сам Алданов не стремился создать эпопею. Ведь Солженицын справедливо отмечает, что «у каждого писателя есть своя склонность к тому или иному виду архитектуры, от миниатюры до огромных зданий»¹². В отличие от приверженности советских авторов к жанру эпопеи, Алданов пишет роман.

Солженицынский критерий определения эпопеи как «следующей за романом по крупности прозаической формы: где единичные судьбы уже не центральны, не столь даже и важны, не ими замыкается обзор, но поднимается выше – к обзору событий эпохи, целой страны, к лицам уже не сочиненным, а историческим, и к действиям их в реальных событиях»¹³ к «Истокам» может быть применен лишь частично. Да, История становится главным героем и этого, и большинства других произведений Алданова, но далеко не всякий исторический роман – это эпопея. (Солженицын корректно называет статью – «приемы эпопей».) Для Алданова важно не только «укрупнение масштабов», но и «умельчение объективов» – «концентрация поля обзора» на личностях героев, как справедливо замечает Солженицын, в большинстве – вымышленных.

При чтении статьи задевает достаточно резкий тон автора. Даже там, где писатель признает удачу Алданова, он тут же снижает похвалу оценочным комментарием: «Бисмарк – отчасти виден как персонаж, но чувствуется и сочиненность (и, пожалуй, подражание Толстому, не слишком удавшееся). К нему применен поверхностный юмор и неумеренные суждения...»¹⁴ «У Алданова много книжной культуры, эрудиции, и он даже бряцает ими. Он направлен устроить свой роман как бы интеллектуальным пиром <...> Но общая черта тех афоризмов и наблюдений все же – неглубокость...»¹⁵

Сам Алданов считал «Истоки» лучшим своим романом. Высоко оценили его и современники, в том числе Набоков.

Если в этом романе так много просчетов, с точки зрения автора «Литературной коллекции», почему из многих исторических романов Солженицын, пытаясь сформулировать «законы» построения эпопей, наряду с дилогией Гроссмана, обращается именно к «Истокам»?

Фактически, сам автор дает ответ на этот вопрос в начале своего разбора: «Эта книга («Ис-

токи». – Е. Т.) <...> писалась в разгар Второй мировой войны. Но не об истоках ее или Первой мировой идет речь, а об истоках той исторической Революции, которая отпечаталась на обеих, и на всем веке...»¹⁶ (Ср. у Алданова в «Диалоге о случае в истории»: «Октябрьский переворот открыл цепь злодеяний, невиданных и неслыханных в истории. Попробуйте придумать “круглый” эпилог к Катинским лесам, к Колыме, к людоедству, с другой стороны – к Бухенвальдам, средневековым пыткам и камерам для сожжения»¹⁷). Здесь нельзя не заметить несомненной близости романа Алданова к замыслу самого Солженицына – автора «Красного Колеса», в котором писатель стремится показать причины – истоки – катастрофы 1917 г.

Еще в первых своих произведениях Алданов осмыслил последствия революционных переворотов в широком историческом контексте: на судьбах России и Европы XIX–XX вв. Французская революция стала центром тетралогии «Мыслитель», русская революция 1917 года – центром трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера».

Воспринимая историю как «суету сует», отказываясь видеть в ней возможность какого-либо прогресса, Алданов ввел образ дьявола-Мыслителя, с усмешкой наблюдающего за тщетностью человеческих попыток преобразования человека, общества (сделано это через экфрасис – описание скульптуры горгульи на фронтонах Собора Парижской Богоматери). О подвиге истории Алданов пишет в предисловии к роману «Чертов мост»: «Эпоха, взятая в серии “Мыслитель”, потому, вероятно, и интересна, что отсюда пошло почти все, занимающее людей нашего времени. Некоторые страницы исторического романа могут казаться отзвуком недавних событий. Но писатель не несет ответственности за повторения и длинноты истории»¹⁸. Спустя несколько десятилетий Солженицын в «Августе Четырнадцатого» выскажет близкую мысль: «Жила Россия свои лучшие годы отдыха, расцвета, благосостояния. Но вдруг, как в замороженном каком-то колесе, стала история повторяться (курсив наш. – Е. Т.), как она обычно никогда не повторяется – как еще раз бы насмешливо просила всех актеров переиграть попытаться лучше» (8, 397). А в интервью о «Марте Семнадцатого» писатель проводит следующую параллель: «Мне, между прочим, пришлось сделать такую работу сравнительную: черты французской революции и российской, и с интересными выводами. Во Франции последствия революции сказывались, в общем, сто лет. У нас, по особенностям нашего хода, я думаю, будут значительно дольше ста лет сказываться»¹⁹.

В центре изображения у Алданова – переломные моменты истории: Французская революция, заговор против Павла I, смерть Наполеона, убийство Александра II, Берлинский конгресс, учредительный съезд РСДРП...

Алданова интересуют точки бифуркации в историческом развитии. И переломные истори-

ческие события осмысляются им не как подготовленная всем ходом истории необходимость, а как последнее звено в цепи случайностей. Подход к истории с позиции теории вероятности (эксплицитно выраженный в философской книге писателя «Ульмская ночь» (гл. «Диалог о случае в истории»)) позволяет Алданову спорить со сложившейся в советской историографии концепцией исторического детерминизма. Он изменяет ее, вводя понятие «случайности», но необходимо отметить, что при этом писатель не отвергает и принципа причинности, а вслед за французским математиком Курно вместо единой цепи причин и следствий предлагает видеть в истории бесконечное множество таких цепей. В каждой отдельно взятой последующее звено зависит от предыдущего, однако скрещение цепей случайно. Таким образом, Алданов, во многом предвосхитив открытия нелинейной динамики, говорит о синтезе детерминизма и случайности, хотя, в противоположность концепции исторического детерминизма, акцент делается писателем именно на роли случая²⁰. Его герой химик Браун с иронией замечает: «Какие уж там законы истории, эту шутку выдумали историки. Поверьте, все в мире определяется случаем...» Или: «В мире царит случай, вот результат моего жизненного опыта»²¹.

Солженицын, приступая к осуществлению своего замысла – показать истоки русской революции, строит повествование «Красного Колеса» «узлами». По свидетельству Н. Солженицыной, этот принцип складывается к 1967 г.²² Сам по образованию математик, Солженицын, понимая, что «нельзя давать все течение истории подряд, это выйдет очень длинно, невозможно для чтения», так определяет свой метод: «В этой кривой истории, – то есть в смысле математическом кривая линия истории, – есть критические точки, их называют в математике особыми. Вот эти узловые точки – как Узлы, – я их подаю в большей плотности <...> Я выбираю эти точки главным образом там, где внутренне определяется ход событий <...> где история поворачивает или решает <...> а потом между Узлами перерыв, и следующий Узел»²³. Еще в 1937 г. он решает показать Первую мировую через катастрофу самсоновской армии.

Ж. Нива назвал Солженицына «“отмерщиком” взрывов, взрывной цепи истории»²⁴. Л. Е. Герасимова справедливо проводит параллель между центростремительным понятием «узла» у Солженицына и понятием «взрыва» в поздних работах Ю. М. Лотмана: объединяет их, по мнению исследователя, понимание ключевого события как точки в истории, содержащей веер возможностей для непредсказуемых поворотов событий²⁵.

Но в отличие от Алданова, который показывает, что в критические моменты именно Случай начинает играть ключевую роль, Солженицын делает акцент и на провиденциальности событий. В «Августе Четырнадцатого» не раз звучит мысль

о предначертанности судеб: «обреченность» проглядывается во всем облике генерала Самсонова – «агнец семипудовый» (7, 97) – таким видит его Воротынцев. Здесь можно вспомнить и наблюдаемое в начале повествования разными героями солнечное затмение, отсылающее читателя к «Слову о полку Игореве», и роль снов, и рассуждения героев о Провидении, Божьей воле. В Темплтоновской лекции Солженицын так определяет причину катастроф XX века: «Люди – забыли – Бога»²⁶.

В интервью о «Марте Семнадцатого» Солженицын уходит от ответа на вопрос, что же именно движет историю: движения масс, Провидение, рок: «Я избегаю навязывать или подсказывать читателю свои видения такого общего характера <...> Могу ответить, что ни одно из названных вами явлений не осталось без внимания»²⁷. Но в другом интервью отвечает, что «история есть результат взаимодействия Божьей воли и свободных человеческих волей. Божья воля проявляется, но не фаталистично, и человеческие воли тоже проявляются. И как взаимодействие – получается история»²⁸.

В «Августе Четырнадцатого» Варсонофьев говорит Сане Лаженицыну и Коте: «История – иррациональна <...> У нее своя органическая, а для нас, может быть, непостижимая ткань.<...> История растет как дерево живое (здесь, конечно, вспоминается «Доктор Живаго». – Е. Т.), и разум для нее топор, разумом вы ее не вырастите. Или, если хотите, история – река, у нее свои законы течений, поворотов, завихрений. Но приходят умники и говорят, что она – загнивающий пруд, и надо перепустить ее в другую, лучшую яму. Но реку, но струю прервать нельзя, ее только на вершок разорви – уже нет струи» (7, 374).

Солженицын резко разграничивает «преобразователей» и «делателей» истории. Он проводит мысль о влиянии человеческой воли, индивидуального выбора на ход исторических событий. Особенно ярко это видно в главах о Столыпине. В авторской речи о нем сказано: «В оправданье фамилии, он был действительно *столи* государства. Он стал центром русской жизни, как ни один из царей. <...> Это опять был Петр над Россией – такой же энергичный, такой же неутомимый <...> такой же преобразователь, но с мыслью иной...» (8, 199); «в Столыпине – и издали было видно – собралась вся неожиданная сила государства <...> Он неизгладимо меняет Россию...» (8, 104).

В финальной главе Воротынцев пытается повлиять на ход всей боевой машины, делая недопустимо правдивый доклад о том, что он увидел на передовой, назвав главнокомандующему истинные причины гибели самсоновской армии. Но великий князь боится взять на себя ответственность и отстранить бездарных командующих, целиком полагается на Божью волю.

Очень емко пишет Солженицын о возможностях личности изменить ход событий в конце 52-й главы, заключая рассказ о самсоновской катастрофе:

«Генерал Клюев (хотя имел численное преимущество. – Е. Т.) сдал в плен до 30 тысяч человек, большинство не раненых, хотя много нестроевых.

Подполковник Сухачевский вывел две с половиной тысячи.

Отряд есаула Ведерникова вышел в конном бою, захватив два немецких орудия» (8, 33).

Прав А. Немзер, который отмечал глубоко переживаемый Солженицыным вопрос о границах: «... где кончается покорность Божьей воле и начинается непротивление злу, невольно спешествующее его преумножению? Где смирение переходит в нравственную капитуляцию, а высота духа в бегство от ответственности?»²⁹. Воротынцев с горечью пересказывает Свечину услышанное в генштабе: император, узнав о разгроме армии, выражая скорбь, присылает телеграмму: «... подчинимся Божьей воле. Претерпевый до конца спасен будет» (8, 459). «Претерпевый до конца! Они берутся претерпеть все наши страдания – и до конца! – и даже не выезжая на передовые позиции. Они готовы претерпеть еще три-четыре-пять таких окружений, и тогда Господь их спасет!» (8, 464).

Солженицын, как и Алданов, показывает возможные альтернативы развития: в «Августе Четырнадцатого» особенно ярко видно это во вставных главах – о Столыпине и о Николае II. Он очень личностно, остро переживает трагический поворот событий: «От этого столыпинского стояния мог начаться и начинался коренно-новый период в русской истории» (8, 176). Об убийстве Столыпина: «Выстрел – для русской истории несколько не новый. Но такой обещающий для всего XX века. Царь ни в эту минуту, ни позже – не спустился, не подошел к раненому <...> А ведь этими пулями была убита уже – династия. Первые пули из екатеринбургских» (8, 258–259).

Солженицын не отмечает как заслугу Алданова скрупулезную точность при изображении исторических событий и деталей, детальное знание фактов, о чем писали современники, в том числе и профессиональные историки В. Кизеветтер, М. Карпович. Для Солженицына, прошедшего лагерь, проделавшего гигантскую архивную работу при написании «Красного Колеса», это, видимо, естественная честность автора, берущегося за масштабное историческое повествование. Общим у двух писателей является стремление освободить исторические события от мифологизма.

Объединяет их и отношение к роли революции, деятельности народолюбцев (оба писателя обращаются к описанию попыток царевни Александры II, к убийству Столыпина, видя в них поворотные моменты в истории России).

С горечью отмечает Алданов, что решительно все выходит наперекор желаниям и ожиданиям подобных «преобразователей». Народолюбцы убивают Александра II в тот момент, когда им уже был подписан проект Конституции. «Россия сейчас на волосок от того, чтобы в политическом

отношении превратиться во вторую Англию <...> Точно такие же “волоски” были в британской истории. Там они не оборвались, а у нас, по видимому, оборвутся»³⁰. «Кровавое дело Желябова так же застопорило освобождение России, как дела Бисмарка застопорили освобождение Германии. Огромная разница в том, что, хоть по замыслу, дело народолюбцев входило, как эпизод, в борьбу человека за свободу»³¹. Вспоминаются строки Александра Кушнера: «Но Клио выбирает почему-то из многих наихудший вариант».

Солженицын, с осуждением показывая интерес разных слоев общества к поступку Богрова, пишет: «...за важнейшим вопросом, можно ли считать Богрова честным революционером, не задались вопросом другим: а имеет ли право 24-летний хлюст единолично решать, в чем благо народа, и стрелять в сердце государства, убивать не только премьер-министра, но целую государственную программу, поворачивать ход истории 170-миллионной страны?» (8, 254).

Встает проблема ответственности и цены за «лучшее будущее человечества». Это объясняет общность писателей в оценке роли революции. У Солженицына Архангородский убежден: «Всякая революция прежде всего не обновляет страну, а разоряет ее, и надолго. И чем кровавей, чем злее, чем ближе она к титулу Великой» (8, 447). Один из алдановских «мыслителей», Пьер Ламор, говорит: «Революция творить не может. Единственная ее заслуга – после нее приходится строить заново. А иногда, далеко, впрочем, не всегда, новое выходит лучше старого <...> Но эту заслугу французская революция всецело разделяет с лиссабонским землетрясением»³².

Любопытно и еще одно совпадение. Алдановский герой Мамонтов называет политических деятелей и революционеров – преобразователей истории – «люди тройного сальто-мортале» и сравнивает политическую арену с ареной цирка (жизнь циркачей является одной из сюжетных линий романа). «Но у клоунов это хоть откровенно, у них самый безобидный способ забавлять людей, и цирк самый простой символ жизни. Конечно, для мира было бы гораздо лучше, если бы Бисмарк прошелся по канату над Ниагарой и на том успокоил свою натуру человека тройного сальто-мортале»³³.

В статье из «Литературной коллекции» Солженицын критикует этот прием: «И вообще – зачем эта цирковая труппа в историческом повествовании? Чтобы ввести не слишком блистательный образ тройного сальто-мортале? Намекнуть, что цирк – добротней Истории? Что История и есть всего лишь цирк? Мелкая мысль»³⁴. Солженицын как бы намеренно не замечает роли этого сравнения в реализации очень важной для Алданова темы Случая, непредсказуемости человеческой судьбы и истории.

Но в «Августе Четырнадцатого» мы видим ту же метафору: киевские торжества представляются Богрову как «колоссальный цирк, где зрителями был создан весь Киев, да по сути – вся Россия, да даже и весь мир. Сотни тысяч зрителей глазели из амфитеатра, а наверху на показной площадке, под самым куполом, в зените, выступали – коронованный дурак и Столыпин. А маленькому Богрову, чтобы нанести смертельный укол одному из них, надо было приблизиться к ним вплотную – значит вознестись, но не умея летать, влезть, но не имея лестницы и в противодействии всей многотысячной охраны» (8, 115).

Образ цирка вызывает образ центрального шеста, поддерживающего вершину шатра. «Вот по такому шесту – совершенно гладкому, без зубрины, без сучка, надо будет вползти, никем не поддержанному, но всеми сбрасываемому, вползти, ни за что не держась» (8, 115). Каждый успешный этап в подготовке к убийству Столыпина представляется герою продвижением еще на сажень вверх по этому шесту. И, наконец, сам момент покушения воспринимается им как захватывающее представление: «Это была – *его* публика! Она думает, что пришла на “Сказку о царе Салтане” <...> а она увидит, чего не видела Россия, и еще внукам будет рассказывать каждый: это при мне убивали Столыпина <...> Эта публика не видела, как взбираются под купол, под верхнюю площадку, – она увидит только последний фокус» (8, 139).

Что это – типологическое совпадение? Развитие алдановского образа? Но слишком резко пишет Солженицын об этой метафоре в «Литературной коллекции».

Конечно, встает вопрос, когда Солженицын прочел «Истоки»? Маловероятно, что он мог познакомиться с текстом романа, находясь в Советском Союзе. Произведения Алданова, насколько известно, не ходили в самиздате. Но, оказавшись за границей в 1974 г., получив возможность работать в архивах и библиотеках, он имел возможность прочесть роман, во многом перекликающийся с его собственным замыслом. И если основные главы «Августа» были опубликованы в 1971 г., то столыпинские, где и развита метафора «политическая арена – арена цирка», написаны в 1976-м, опубликованы в 1981-м в «Вестнике РХД». К этому времени Солженицын, вполне вероятно, уже был знаком с текстом «Истоков».

При близком замысле двух авторов, частичном совпадении их осмысления истории, концентрации внимания на узловых, поворотных моментах судьбы России, приведших к революции 1917 г., Солженицын и Алданов полярны в способе подачи материала. Алданов в своих традиционных романах ведет диалог с читателем, ироническую беседу, сам выступает «Мыслителем», показывая события, но не стремясь преподать урок. Эта ироничность мешает Солженицыну, он

укоряет автора «Истоков» в «некой игривости в обращении с Большой Историей. О, мы, попавшие под ее колеса, знаем, что не такая это игра...»³⁵

У самого же автора «Красного Колеса», использовавшего новаторский синтез жанров, типов повествования, стереоскопичность изображения (недаром интервьюеры сравнивали изображение убийства Столыпина со съемкой тремя видеокамерами), абсолютно другая авторская позиция – монологичная. Это действительно авторский свод (в бахтинском понимании). Если другой его современник, Варлам Шаламов, считал необходимым сделать одиннадцатой заповедью принцип «Не учи!», то Солженицын видит роль писателя по-другому: художник – это «маленький подмастерье под небом Бога», он убежден, что «писателям и художникам доступно большее – *победить ложь!*»³⁶

Примечания

- 1 Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве // Солженицын А. На возврате дыхания : Избранная публицистика. М., 2004. С. 246–247.
- 2 Солженицын А. Узел I. Август Четырнадцатого // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 8. М., 2006. С. 144. Далее текст цитируется по данному изданию с указанием номера тома и страницы в скобках.
- 3 Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 2000. № 9. С. 140.
- 4 Солженицын А. Приемы эпопей : Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 1. С. 172.
- 5 Анализ природы эпических жанров у Солженицына и Гроссмана проведен в монографии Л. Е. Герасимовой, показавшей, как «преодолевали эти писатели омертвление жанра эпопеи, канонизированного как высший жанр советской литературы» (Герасимова Л. Этюды о Солженицыне. Саратов, 2007. С. 53.).
- 6 Сопоставление с творчеством Алданова намечено в монографии Н. М. Щедриной (Щедрина Н. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века М., 2010) ; а также в статье Е. И. Бобко (Бобко Е. Образ Ленина в исторической романистике М. А. Алданова и А. И. Солженицына // А. И. Солженицын и русская культура : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. С. 45–46.). Данная проблема поставлена, но она требует дальнейшей проработки.
- 7 Солженицын А. Приемы эпопей. С. 172.
- 8 Там же. С. 174.
- 9 Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. С. 245.
- 10 Солженицын А. Приемы эпопей. С. 175.
- 11 Там же. С. 174–175.
- 12 Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. С. 234.
- 13 Солженицын А. Приемы эпопей. С. 172.
- 14 Там же. С. 173.
- 15 Там же. С. 175.

- ¹⁶ Солженицын А. Приемы эпоей. С. 172. Детальный анализ осмысления «истоков» истории России XX в. в романе Алданова см. : Дронова Т. Роман М. А. Алданова «Истоки» : художественно-философский анализ исторических предпосылок XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. : Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 85–90.
- ¹⁷ Алданов М. Ульмская ночь. Философия случая // Алданов М. Соч. : в 6 т. Т. 6. М., 1996. С. 227.
- ¹⁸ Алданов М. Чертов мост // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1991. С. 319.
- ¹⁹ Солженицын А. Радиоинтервью о «Марте Семнадцатого» для Би-Би-Си // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 352.
- ²⁰ См. подробнее: Трубецкова Е. Философия случая в романах Алданова : синергетический аспект // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 1998. № 2. С. 97–109 ; Она же. Набоков и Алданов : «диалог о Случае в истории» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 62–69.
- ²¹ Алданов М. Пещера // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. М., 1991. С. 346.
- ²² См.: Солженицын А. Краткие пояснения // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 8. С. 482.
- ²³ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. С. 245.
- ²⁴ Нива Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами // Звезда. 2003. № 12. С. 143.
- ²⁵ См.: Герасимова Л. Смысловое пространство истории (А. И. Солженицын и Ю. М. Лотман) // Герасимова Л. Этюды о Солженицыне. Саратов, 2007. С. 27–49.
- ²⁶ Солженицын А. Темплтоновская лекция // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 321.
- ²⁷ Солженицын А. Радиоинтервью о «Марте Семнадцатого» // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 355.
- ²⁸ Солженицын А. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 474.
- ²⁹ Немзер А. Она уже пришла : Заметки об «Августе Четырнадцатого» // Немзер А. «Красное Колесо» Александра Солженицына : опыт прочтения. М., 2010. С. 36.
- ³⁰ Алданов М. Истоки // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 1991. С. 291.
- ³¹ Там же. С. 523.
- ³² Алданов М. Девятое термидора // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1991. С. 228.
- ³³ Алданов М. Истоки. С. 523.
- ³⁴ Солженицын А. Приемы эпоей. С. 176.
- ³⁵ Там же. С. 173.
- ³⁶ Солженицын А. Нобелевская лекция // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 19, 34.

УДК 821.161.1.09-31+929Солженицын

ТЕМА СМЕРТИ В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

И. Ю. Кудинова

Саратовский государственный университет
E-mail: ivkudinova@yandex.ru

В статье рассматриваются различные аспекты восприятия смерти, художественно осмысленные А. И. Солженицыным в повести «Ракочый корпус»; намечается духовный вектор произведения.

Ключевые слова: Солженицын, понимание смерти, мировосприятие, точка бифуркации (пороговая ситуация), авторская стратегия.

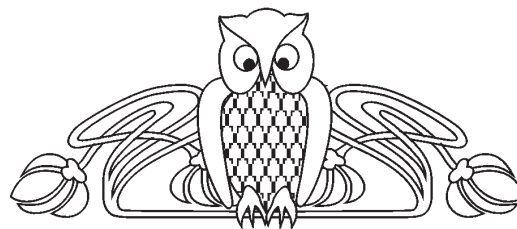
The Topic of Death in the Short Novel by A. I. Solzhenitsyn «Cancer Ward»

I. Yu. Kudinova

In the article the author regards different aspects of death perception artistically reconsidered by A. I. Solzhenitsyn in the short novel «Cancer Ward»; the spiritual vector of the novel is defined.

Key words: Solzhenitsyn, death perception, world perception, bifurcation point (threshold situation), author's strategy.

В повести «Ракочый корпус» отразился важнейший, по-настоящему переломный момент жизни А. И. Солженицына, когда в 1954 г. жить ему (по прогнозам врачей) оставалось не более трёх недель, а спустя несколько месяцев, весной, он

вышел из ташкентской клиники на новую «жизне-довесок – как хлебный довесок, приколотый к основной пайке»¹. Сам Солженицын воспринял это выздоровление как исцеление: «При моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель»². Получается, «Ракочый корпус» – часть этой цели.

Можно с уверенностью говорить, что в повести сконцентрированы общечеловеческие вопросы и вечные антиномии, которые тесными узами связывают творчество Солженицына с традициями классической русской и мировой литературы. Бесспорно, одна из центральных антиномий – это столкновение жизни и смерти. В сильной позиции, в самой заглавии повести, звучит номинация болезни, которая, по мысли О. Клемана, является «концентрированным выражением смертной участи человека»³. Рак – это символическая болезнь. В исключительно короткое время (несколько недель), в тесно замкнутом

пространстве (больничная плата) пересекаются судьбы разных персонажей – больных и врачей, объединённых желанием победить смертельные метастазы. При этом, по мысли Солженицына, «повесть – не только о больнице, потому что при художественном подходе всякое частное явление становится <...> ”связкой плоскостей”»: множество жизненных плоскостей неожиданно пересекаются в избранной точке»⁴. Бывший зэк Олег Костоготов, благополучный аппаратчик Павел Николаевич Русанов, школьник-подросток Дёма, бесшабашный Ефрем Поддуев, цветущий хлопец Прошка – автор создаёт ряд ярких социальных характеров, с одной стороны; с другой стороны, следуя за Л. Н. Толстым, представляет отношение к смерти во всём многообразии. Мы полагаем, что пребывание в раковом корпусе можно рассматривать как некий жизненный узел, *точку бифуркации*⁵, когда человек перед лицом смерти может покаяться, таким образом возвысившись и омыв в себе частицу вечности, или же утвердиться в своей духовной глухоте.

Прежде всего, в тексте «Ракового корпуса» осмысливается советское понимание смерти, а точнее, её непонимание. «Жизнь дана для счастья», «Всё ради человека, всё на благо человека», «Я люблю жизнь во всех её проявлениях» – подобная философия умолкает, когда речь заходит о смерти. Произошло некое вытеснение тайны смерти из «благополучного» советского сегодня и светлого советского завтра. «Не породило ли это <...> у “развитого” человечества настоящий духовный невроз, когда в стремлении уничтожить ужас, человечество умножает его?»⁶, – размышляет О. Клеман. Более того, факт отсутствия «памяти смертной» увлек советского человека «к своего рода “выпадению” из истории, к нравственному одичанию», – заключает О. В. Гаркавенко⁷. Исторгнутый из повседневного существования, выброшенный на обочину жизни со страшным диагнозом «рак», человек оказывается совершенно неготовым осознать это, оказывается беспомощным перед лицом смерти: «Ничего. У меня вообще не рак» (16), – отчаянно убаюкивают себя герои. Каждый из персонажей вынужден самостоятельно нащупывать для себя некие духовные опоры и ориентиры, которые совершенно необходимы в *пороговой ситуации*.

Ефрем Поддуев – представитель целого поколения людей, человек своего времени, который «переделал пропасть разной работы <...> и так чувствовал себя и вокруг себя, что ни предела, ни рубежа не поставлено ему» (88). Теперь Ефрем вынужден мерить палату шагами и думать о прошлой складной жизни, которая была приятна, но годилась только, «пока не заболели люди раком или другим смертельным. Когда ж заболели, то становилось ничто и их специальности, и хватка, и зарплата. И по оказавшейся их тут беспомощности и по желанию врать себе до последнего, что у них не рак, выходило, что все они – слабаки и что-то

в жизни упустили. Но что же?» (91). Вспоминал Ефрем стариков на Каме, которые были в этом смысле совсем не слабаками, а принимали смерть без страха, не оттягивая расчёт, а «переходили спокойно, будто просто перебирались в другую избу» (91). Ответ на вопрос: чем же ему следует встречать смерть? – герой находит в сборнике рассказов Л. Н. Толстого («Народные рассказы» – попытка художественно интерпретировать Евангелие). «Чем люди живы? <...> Даже и вслух это не выговаривалось. Неприлично вроде. – Мол, любовью...» (97).

Особо отметим, что подобные размышления и сам факт последовательного осмысления жизни Солженицын связывает именно с *предельной ситуацией*, когда герою, «чтобы понимать, надо было вспомнить, <...> что ему остались считанные дни разобраться в себе самом» (106). Путь от материального к духовному, путь, устремлённый вверх, полон испытаний. Часто толчком к осознанию служит внешнее побуждение, а «толчком к обнажению совести часто становится личная катастрофа»⁸. Дж. Ф. Понтузо отмечает: «Жизненный опыт убедил Солженицына в том, что только после падения с высоты люди обращают взор внутрь собственной души <...>, только пробив брешь в их самоуспокоенности и довольстве собой, можно открыть для них путь к состраданию и даже мудрости»⁹.

Печальнее всего, когда человек лишён возможности на пороге смерти осмыслить свою жизнь и обнажить совесть. Такова судьба Прошки – на вид здорового и полного сил юноши, которого навсегда выписывают из диспансера с диагнозом на латыни «Опухоль сердца, случай, не поддающийся операции». На волю его провожают радостные товарищи: «Прошка шёл весело, и белые зубы его сверкали <...>. Он всем им пожал руки и, ещё с лестницы весело оборачиваясь, помахивал им. И уверенно спускался. К смерти» (108).

Позже читатель узнает, что скончался и Ефрем Поддуев. Однако нет сомнений в том, что герой поднялся на новый уровень мировосприятия, который остался бы недостижимым, если бы не раковый корпус.

Перерождение Поддуева, его «блёклая, водянистая правдёнка» (219) более всего досадила молодому и энергичному геологу Вадиму Зацырко. Образ жадного до жизни Вадима, с его желанием «отдать – но не по мелочам, не на каждом заплетаемся шагу, а вспышкой подвига – сразу всему народу и всему человечеству» (219), ставит, по сути, очень важный вопрос. На протяжении повествования в соответствии с авторской стратегией образ раскрывается всё полнее. Примечательно то, как воспринял Вадим известие о смерти Ефрема: «Он слышал о Поддуеве, но не почувствовал сожаления. Поддуев не был ценным для общества человеком. <...> А человечество ценно всё-таки не своим гроздящимся количеством, а вызревающим качеством» (224). Солженицын показывает,

что вульгарная категория «полезности» не просто становится аксиологической, но действительно применяется для оценки человеческой жизни. Автор осознаёт, что подобная позиция таит в себе значительную угрозу: смену мировоззренческих парадигм, полную переоценку нравственных норм и ценностей. Именно своим выдающимся талантом объясняет герой «справедливость, разумность, чтоб именно он остался жив!» (380). Вадим стремится сохранить жизнь для счастья грядущих поколений, поэтому не противится спекуляции на имени отца и с нетерпением ждёт коллоидное золото, которое может остановить метастазы.

Насколько велика бывает та цена, которую платишь за счастье, размышляет в повести ещё один герой – старый большевик Алексей Филиппович Шулубин. Х. Мучник отмечает, что «из птицы, созданной для полёта, Шулубин превратился в искалеченное и хромоте поваленное на землю болезнью и беспокойной совестью существо»¹⁰. Беседа Шулубина и Олега Костоглотова – один из центральных эпизодов повести. На пороге смерти Шулубин размышляет о своей жизни и о жизни всего народа. Он окончил Тимирязевскую академию, читал лекции в Московском университете. От ареста за идеологически неверные воззрения спасся отказом от своих «ошибок», сменил специальность, опустился в звании от профессора до ассистента, стал библиотекарем, жёл и уничижал *лжекниги* (по генетике, эстетике, этике и кибернетике). Шулубин всю жизнь унижался ради семьи, но жена умерла, а дети выросли и «наплевали в душу». Таким образом, Солженицын выводит следующую точку зрения: взгляд человека, который, как и десятки, сотни тысяч других людей, всё время был по эту сторону колючей проволоки, жил обычной жизнью советского, партийного гражданина. «Вы хоть гнулись меньше, цените! <...> Вот это “как один человек” вы знаете чего стоит? Люди мы все-все разные и вдруг – “как один человек”! Хлопать-то надо, ручки повыше задирайте, чтоб и соседи видели, и президиум. А кому не хочется жить?..» (363), – с горечью признаёт Шулубин. Почему за десять лет целое поколение людей теряет общественную энергию, а «импульсы доблести <...> становятся импульсами трусости» (364)? Люди платили за продление жизни ложью, предательством, лицемерием, уничижением, что влекло разложение и распад личности. Получается, все эти десятки и сотни тысяч людей, не выведенных в повести, в той или иной мере тоже страдают гнетущим раком. Однако этот рак – духовный. Быть может, все эти люди в каком-то смысле тоже находятся на пороге смерти, в пограничной ситуации. Тем страшнее обыкновенность и повседневность духовного падения, которое охватило народ. Вот как позднее, в 1973 г., Солженицын осмыслил это в статье «Раскаяние и самоограничение»: «Это царство неправды, силы, бесполезности справед-

ливого, неверия в доброе, – эта болотная жижа, она и была составлена из нас, из кого же другого? <...> Каждый из нас, если станет прожитую свою жизнь перебирать честно, без уловок, без упрятков, вспомнит не один такой случай, когда притворился, что уши его не слышат крика о помощи, <...> и, конечно же, всегда голосовал, вставал и аплодировал мерзости (хоть и в душе испытывая мерзость), – а как бы иначе уцелеть?»¹¹ Шулубину выход видится в нравственном социализме: «...не к счастью устремить людей, <...> а к взаимному расположению. <...> это – высшее, что доступно людям!» (371). С образом Шулубина также связан ещё один очень важный нравственный прорыв. Солженицын предлагает нравственно-философское осмысление смерти, преодолевающее идею конечности и интегрирующее идею перехода. Так, после операции состояние Шулубина крайне тяжёлое, Олег Костоглотов приходит поддержать его и слышит отчаянный хрип больного: «”Весь не умру, – прошептал Шулубин. – Не весь умру. <...> Осколочек, а?.. Осколочек?..” И тут дошло до Олега, что не бредил Шулубин, и даже узнал его. <...> И тогда он сказал: ”А иногда я так ясно чувствую: что во мне – это не всё я. Что-то уж очень неистребимое, высокое очень! Какой-то осколочек Мирового Духа. Вы так не чувствуете?”» (404).

В «Раковом корпусе» действительно есть персонажи, которые почувствовать этот *осколочек* не могут, потому что они давно умерли, оставаясь при этом физически живыми. Таков Павел Николаевич Русанов. Это преуспевающий аппаратчик, его жертвы разбросаны по самым разным уголкам России, зато его дом и семья – полная чаша, защищённая заслугами и связями. Однако в благоденствие Русанова вмешалась болезнь, и он попал в тринадцатый раковый корпус, где «в несколько часов Русанов как потерял всё положение своё, заслуги, планы на будущее, – и стал семью десятками килограммов тёплого белого тела, не знаящего своего завтра» (17). Получается, если вычесть положение, заслуги, то у Русанова останется лишь тело, а как же душа? Солженицын показывает, что, даже будучи тяжело и опасно больным, этот человек (и подобные ему люди) совершенно не готов задуматься о своей жизни, а тем более раскаяться. По отношению к смерти Русанов испытывает страх (сродни животному): «”Зачем вы меня пугаете? Это не методически!..” <...> но при слове “умирают” всё охолодело у него внутри» (49). Отношение героя к смерти выявляет, прежде всего, его духовную несостоятельность. В повести Русанов выздоравливает, однако излечение от духовной болезни для него невозможно. В этом случае для Солженицына вся значимость физического выздоровления сходит на нет.

И, наконец, особым образом следует выделить восприятие смерти главного героя повести Олега Костоглотова. Очевидно, что он не приемлет утверждаемой философии (это «идолопоклонство жизни по сю сторону смерти, а значит,

подтачиваемое смертью»)¹². После войны, лагеря, приговора к вечной ссылке, Костоглотову ставят диагноз «рак»: «Говорите!» <...> Ну, и он мне лепанул: “Три недели проживёте, больше не ручаюсь!” <...> За эту осень я на себе узнал, что человек может переступить черту смерти, ещё когда тело его не умерло. Ещё что-то там в тебе кровообращается или пищеварится – а ты уже, психологически, прошёл подготовку к смерти. И пережил саму смерть. Всё, что видишь вокруг, видишь уже как бы из гроба, бесстрашно. Хотя ты не причислял себя к христианам, и даже иногда напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты таки уже простил всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя» (35). Костоглотов переступил границу смерти, будучи живым, но именно это позволило ему переосмыслить своё мироощущение, простить, покаяться и «оттаять» духовно. Ведь раскаяние – «дар, <...> может быть, более всего отличающий человека от животного мира»¹³. Эту сложнейшую, противоречивую внутреннюю работу героя Солженицын последовательно описывает, показывая, что «только исчезновение, жертва открывают Олегу путь к духовному исцелению и делают возможным его “исход”»¹⁴. Очевидно, что по сравнению с другими героями «Ракового корпуса» Костоглотов на пороге смерти не просто меняется, но, пережив смерть, *Воскресает*, то есть качественно перерождается, созидая личность на новой основе. (Ср.: «Взял тело, а прикоснулся Бога; принял землю, а нашел в нем небо; взял то, что видел, а подвергся тому, чего не ожидал!»¹⁵)

В заключение можно сказать, что тема смерти в повести «Раковый корпус» представлена действительно многоаспектно: советское понимание смерти, смерть как итог жизненного пути, духовная смерть человека, нравственно-философское понимание смерти. Предлагая различные варианты судеб, Солженицын, будучи истинным художником, не декларирует идеи, а показывает степень нравственной подготовленности каждого персонажа и пути возрождения человека. Именно поэтому критики, писавшие о «Раковом корпусе», с нескрываемым удивлением отмечали, что эта повесть о смерти проникнута непобедимым чувством жизни¹⁶. Надежда – вот основа нравственной позиции Солженицына. Эдвард Эриксон

отмечает: «Всякий, кто внимательно читал его сочинения, подтвердит, что он раз за разом строит их, переходя от слов скорби или предупреждения к слову надежды»¹⁷.

«Раковый корпус», по мысли самого Солженицына, – это «преодоление смерти жизнью, прошлого – будущим, я по свойствам своего характера иначе не взялся бы и писать»¹⁸.

Примечания

- ¹ Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 3. Раковый корпус. М., 2012. С. 409. В дальнейшем ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках.
- ² Солженицын А. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 11.
- ³ Клеман О. Возрождение совести // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008 : сб. ст. М., 2010. С. 148.
- ⁴ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 595.
- ⁵ О значении «точек бифуркации» в произведениях А. И. Солженицына подробнее см.: Герасимова Л. Этюды о Солженицыне. Саратов, 2007.
- ⁶ Клеман О. Указ. соч. С. 148.
- ⁷ Гаркавенко О. Христианские мотивы в творчестве А. И. Солженицына : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 61.
- ⁸ Понтузо Дж. Ф. Возрождение духа // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. С. 126.
- ⁹ Там же. С. 127.
- ¹⁰ Мучник Х. «Раковый корпус» : Судьба и вина // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. С. 562.
- ¹¹ Солженицын А. Раскаяние и самоограничение // Из-под глыб : сб. ст. Париж, 1974. С. 117.
- ¹² Клеман О. Указ. соч. С. 148.
- ¹³ Солженицын А. Раскаяние и самоограничение. С. 119.
- ¹⁴ Клеман О. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁵ Огласительное слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/61346.htm> (дата обращения: 26.11.2013).
- ¹⁶ См.: Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература : 1950–1990 гг. : пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 248.
- ¹⁷ Эриксон Э. Мировоззрение Солженицына // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. С. 64.
- ¹⁸ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 54.

УДК 821.161.1.09-32+929Солженицын

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗА А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЁНИН ДВОР» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

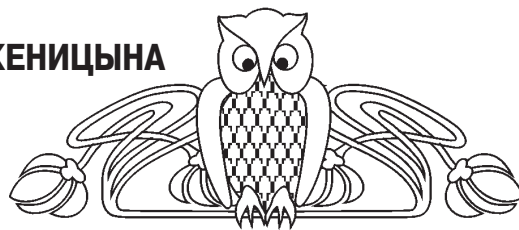
В. Н. Махова¹, А. В. Раева²

¹МОУ «СОШ № 51» г. Саратова

E-mail: veramakhova@yandex.ru

²Саратовский государственный университет

E-mail: alerae@yandex.ru

В статье рассматриваются этапы вхождения текстов А. И. Солженицына в школьную программу и обозначаются ключевые проблемы изучения «Матрёниного двора» в школе: соответствие произведения возрасту учащихся и отсутствие у них знаний культурно-исторических фактов, необходимых для адекватного восприятия текста.

Ключевые слова: Солженицын, средняя школа, контекст, изучение литературы в школе.

The Problem of Studying the Short Story «Matryona's Home» by A. Solzhenitsyn in Secondary School

V. N. Makhova, A. V. Rayeva

In the article the authors consider the stages of A. I. Solzhenitsyn's texts being introduced in the school curriculum; key problems of studying «Matryona's Home» in secondary school are identified: the incompatibility of the story with the age of the students, and their lack of cultural and historic facts necessary for a proper perception of the text.

Key words: Solzhenitsyn, secondary school, context, studying literature at school.

Преподавание творчества А. И. Солженицына в школе уже имеет довольно большую историю: отобраны конкретные тексты для чтения, выработаны основные принципы их изучения, определены проблемные узлы текстов. А. И. Солженицын официально назван символом XX века¹, он стал последним писателем, чьи произведения в школе изучаются обязательно и невариативно. А благодаря подвижнической деятельности Натальи Дмитриевны Солженицыной с именем писателя связаны надежды на изменения в области преподавания литературы.

Интерес к теме «Солженицын в школе» постоянно высок. Об этом свидетельствуют научные труды, например статьи в сборнике «Путь Солженицына в контексте большого времени» (М., 2009). К сожалению, в большинстве случаев в исследовательских текстах эта тема берется не столько аналитически, сколько публицистически.

Однако сложившаяся методология преподавания Солженицына, как и политика государства в области образования, создали ряд проблем, неизбежно встающих перед современным учителем литературы.

Начинает изучаться Солженицын в начале 1990-х гг., к середине – прочно входит в школьную программу. Так, в «Сводной целостной программе

школьного литературного образования (I–XI классы)², разработанной В. В. Прозоровым, Е. Г. Елиной и И. А. Книгиным и вышедшей в 1994 г., предлагается для чтения в 9 классе – «Матрёнин двор», а в 11 классе – «Один день Ивана Денисовича».

Если обратить внимание на документы, регламентирующие содержание уроков литературы, то закрепление произведений Солженицына в программе можно представить так. В 1999 г. в Приказе № 56 Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении обязательного минимума содержания среднего (полного) общего образования»³ имя Солженицына входит в перечислительный ряд писателей второй половины XX в. вместе с именами Ф. А. Абрамова, В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. И. Белова, В. П. Некрасова, В. Г. Распутина, В. В. Быкова и других, без указания конкретных произведения.

В Федеральном компоненте Государственного стандарта общего образования от 2004 г.⁴ предлагалось изучение в среднем звене «Матрёниного двора» в школах с русским языком и «Как жаль» с родным (нерусским) языком обучения; в 10–11 классах в школах с русским языком – «Один день Ивана Денисовича», а с родным языком – «Матрёнин двор». «Архипелаг ГУЛАГ» изучается в фрагментах и только для профильного уровня.

Если изначально выбор произведений принадлежал учителю или автору учебника, то постепенно в программах оказалось два обязательных для прочтения текста – «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор».

Безусловно, на формирование программы значительное влияние оказывают требования, предъявляемые на Государственной итоговой аттестации. Поэтому становление канонических подходов в изучении Солженицына отражено и в изменении кодификатора ГИА и ЕГЭ. В кодификаторе ГИА (9 класс) произошло уменьшение количества текстов: от «Матрёниного двора» и «Как жаль» в 2009 г. к оставлению только первого рассказа с 2010 г. В кодификаторе ЕГЭ, наоборот, – расширение: с 2010 г. к «Матрёнину двору» добавляется повесть.

Особое значение для установления методологических принципов преподавания произведений Солженицына в школе имеют вышедшие в 2008 г.

«Методические рекомендации по расширению изучения творческого наследия А. И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях». Они расширяют список текстов Солженицына, рекомендованных для изучения, но прежде всего – включают его в обязательную программу других предметов: русский язык, обществознание, история. Министерство образования предпочитает идти путем количественного увеличения изучаемых текстов Солженицына, правда, пока под грифом «рекомендовано» (уже составлен «Архипелаг ГУЛАГ. Сокращённое издание»).

Изначально вариативность изучения произведений была и в учебниках. Так, в программе под редакцией М. Б. Ладыгина⁵ предлагался для чтения рассказ «Захар-Калита», а в программе, разработанной Т. Ф. Курдюмовой, – «Как жаль»⁶, стоит отметить, что до сих пор по этой программе проходят его, а не «Матрёнин двор». Однако требования итоговой аттестации обусловили изучение в 8–9 классах «Матрёниного двора», хотя выбор этого произведения для среднего звена представляется спорным. Так как при внешней простоте рассказ очень труден для понимания школьников.

В современном преподавании существует несколько линий учебников литературы. В Федеральный перечень⁷ рекомендованных учебников на 2013–2014 учебный год входит 12 линий.

Анализ основных из них поможет представить важнейшие проблемы, возникающие при изучении Солженицына, и обозначить предлагаемые пути их решения разными авторами.

Материалом данного исследования послужили три типа учебников: во-первых, традиционные, наиболее распространенные учебные линии – под редакцией В. Я. Коровиной, Г. И. Беленького; во-вторых, экспериментальные учебники, активно входящие в образовательный процесс – под редакцией Р. Н. и В. Е. Бунеевых, в-третьих, достаточно новые издания – под редакцией Б. Ланина и И. Сухих⁸.

Анализ учебников позволяет выделить в преподавании Солженицына в среднем звене школы (5–9 класс) две ключевые проблемы: соответствие содержания произведений возрасту учащихся и помещение творчества писателя в контекст эпохи, проведение историко-литературных параллелей.

Сложность «Матрёниного двора» предполагает изучение текста писателя конца XX в. в 9 классе (из анализируемых программ только у И. Сухих рассказ проходит в 8 классе), однако логика построения программ по литературе этому противоречит. Преобладающий принцип изучения данного предмета в 9 классе – историко-литературный, даже те программы, которые в 5–8 классах строились по проблемно-тематическому принципу, в 9 классе от него отходят, так происходит в программах Бунеевых и И. Сухих. Это обусловлено тем, что 9 класс при изучении литературы не столько завершает этап средне-

го звена, сколько ориентируется на программу 10–11 класса.

Безусловно, следует учитывать и тот факт, что количество часов, отводимых на изучение сложного автора, крайне мало – максимум 2 часа. За это время необходимо познакомиться с биографией писателя и проанализировать его произведение.

Вторая проблема, возникающая при изучении рассказа, связана с пониманием содержания текста.

В рассказе «Матрёнин двор» в современных учебниках выделяется три центральных темы:

Образ России, русского национального характера, женской судьбы. (Образная параллель «Россия – Матрёна» – И. Сухих; Представление писателя о русском национальном характере – Р. Н. и В. Е. Бунеевы).

Тема праведничества.

Проблема жанра (сказ/очерк – В. Я. Коровина, рассказ/очерк/репортаж/притча – Г. И. Беленький; автобиографичность, традиции натуральной школы, житийность – Б. Ланин).

При изучении творчества А. Солженицына в школе существует принципиальная установка на сопоставительное, контекстное изучение. В «Методических рекомендациях» говорится о том, что «творчество А. И. Солженицына наиболее полно раскрывается только в контексте классической русской литературы, так как его философские размышления являются продолжением философии русских гуманистов»⁹. Но для адекватного прочтения текста в первую очередь нужен контекст эпохи.

Особенностью художественного метода А. И. Солженицына является сочетание художественного и документального. Поэтому его тексты требуют серьезного реального комментирования. В «Матрёнином дворе» отразилась почти вся история России XX в.: Первая мировая война, Вторая мировая война, предоттепельное время.

При этом ни в одном из учебников собственно разбора исторических реалий нет. Авторы учебников ограничиваются рассмотрением биографии писателя и обязательным упоминанием XX съезда партии. Среди предложенных хочется отметить учебник Бунеевых, в котором хорошо подобранный изобразительный ряд создает визуальный контекст, формирующий у читателя и первые впечатления о тексте в период антиципации.

После прочтения текста учащихся обращают к литературному контексту.

В изучении и преподавании Солженицына появляется тенденция сравнивать писателя со всеми, что, безусловно, возможно, но продуктивно ли? Даже в предложенном авторами «Методических рекомендаций...» сопоставительном ряду есть весьма спорные имена. Так, для сравнения с «Крохотками» методисты советуют взять К. Паустовского, М. Пришвина, раннего М. Горького и... «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева¹⁰.

Контекст, предлагаемый авторами учебников, обусловлен выделением основной темы текста. Преимущественно такой темой в рассказе авторами учебников считается праведничество. Практически все учебники обращают учащихся к сопоставлению двух заглавий: авторского – «Не стоит село без праведника» и редакторского – «Матрёнин двор», а Б. Ланин говорит даже о двух праведниках – «простой деревенской женщине Матрене и ее безымянном биографе – рассказчике». Но в 9-м, а тем более в 8-м классе у детей еще нет необходимых знаний, не прочитаны еще «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, «Очарованный странник» Н. С. Лескова, «Война и мир» Л. Н. Толстой и т. д. Ориентированный на русскую литературную традицию, Солженицын оказывается вне ее. Авторы учебников предлагают несколько путей решения: сопоставление с рассказом А. Платонова «Юшка» (Бунеева) или внесение в традицию женских образов, с темой трагической судьбы русской женщины – «Мороз, Красный нос» Н. Некрасова и «Живые мощи» И. С. Тургенева (Беленький). Несколько иной поворот темы предлагает И. Сухих, который встраивает Солженицына в контекст произведений о России: писатель изучается после стихотворений о России («Родина» М. Ю. Лермонтова, «Эти бедные селенья...» Ф. И. Тютчева, «Россия» А. А. Блока, «Русь» С. А. Есенина, «Стансы городу» И. А. Бродского, «Звезда полей» Н. М. Рубцова, «Мужество» А. А. Ахматовой, «Мой Дагестан» Р. Г. Гамзатова; «Стихи о Родине» К. Ш. Кулиева) и среди эпических произведений – «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; «Лето Господне» И. С. Шмелева. Особое место занимают авторы, или совсем отказывающиеся от параллелей (В. Я. Коровина), или предлагающие, как Б. А. Ланин, «самостоятельно проследить литературные корни образа Матрены»¹¹, что вряд ли по силам учащимся среднего звена.

Итак, ни один учебник не дает «Матрёнин двор» полно и достаточно, поэтому каждая программа предполагает возвращение к этому тексту в старших классах. Это говорит о том, что проблема отбора текстов Солженицына для среднего звена школы на самом деле еще не решена, и часто «составители министерских рекомендаций <...> тексты писателя понимают упрощённо»¹².

Примечания

¹ См.: О «Методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А. И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях» (письмо департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки

России от 04.09.08 № 03-1905) // Вестн. образования России. 2008. № 19. С. 30–41.

- ² Сводная целостная программа школьного литературного образования (I–XI классы) / сост. В. В. Прозоров, Е. Г. Елина, И. А. Книгин; под ред. В. В. Прозорова. Саратов, 1994.
- ³ Приказ № 56 Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении обязательного минимума содержания среднего (полного) общего образования». URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_99/n56.html (дата обращения: 20.10.2013).
- ⁴ Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. М., 2004. URL: <http://www.ed.gov.ru/ob-edu/noc/rub/standart/p1/1287> (дата обращения: 20.10.2013).
- ⁵ Литература. 9 кл. : учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений с углубл. изучением литературы / автор-сост. А. Б. Есин, М. Б. Ладыгин, Н. А. Нефедова, Т. Г. Тренина. М., 2011.
- ⁶ Литература. 9 кл. : учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений / авт.-сост. Т. Ф. Курдюмова, С. А. Леонов, О. Б. Марьина; под ред. Т. Ф. Курдюмовой. 7-е изд., стереотип. М., 2004. С. 440–444.
- ⁷ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 19 декабря 2012 г. № 1067, г. Москва «Об утверждении федеральных перечней учебников, рекомендованных (допущенных) к использованию в образовательном процессе в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы общего образования и имеющих государственную аккредитацию, на 2013/14 учебный год» // Рос. газ. 2013. 8 февр.
- ⁸ См.: Литература. 9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений : в 2 ч. Ч. 2. / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин, И. С. Збарский; под ред. В. Я. Коровиной. 19-е изд. М., 2012. С. 233–281; Литература. 9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений : в 3 ч. Ч. 2 / под ред. Г. И. Беленького. 15-е изд., стереотип. М., 2013. С. 238–278; Литература. 9 кл. : учебник : в 2 кн. Кн. 2 / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, О. В. Чиндилова. 2-е изд., перераб. М., 2010. С. 235–247; Литература. 9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений : в 2 ч. Ч. 2 / Б. А. Ланин, Л. Ю. Устинова; под ред. Б. А. Ланина. М., 2012; Литература. 8 кл. : учебник : в 2 ч. Ч. 2 / Т. В. Рыжкова, И. Н. Гуйс; под ред. И. Н. Сухих. 2-е изд. М., 2013. С. 215–251.
- ⁹ О «Методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А. И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях»... С. 38.
- ¹⁰ На странность этого соотнесения указала Евгения Абельюк в статье «Вертикаль читательской культуры» (Литература. 2010. № 2. С. 4–10).
- ¹¹ Литература. 9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений : в 2 ч. Ч. 2 / Б. А. Ланин, Л. Ю. Устинова; под ред. Б. А. Ланина. М., 2012. С. 190.
- ¹² Там же. С. 10.

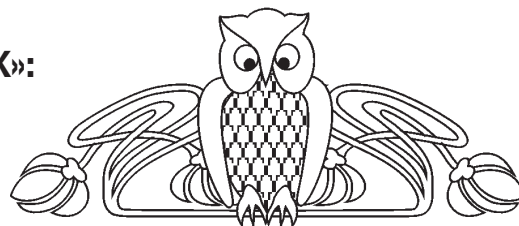

УДК 821.161.1.09-32+929 Солженицын

РАССКАЗ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «МОЛОДНЯК»: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Г. А. Чуриков

Воронежский государственный университет
E-mail: churikov.georgy2012@yandex.ru

В статье рассматриваются идейный мир рассказа А. И. Солженицына «Молодняк», специфика конфликта традиционного и новаторского начал в послереволюционной России (1920–1930-е годы) и его актуальность для современной России.

Ключевые слова: Солженицын, жанр, революция, Россия, оппозиция, персонаж.

A Short Story by A. I. Solzhenitsyn «The New Generation»: From the Past to the Present

G. A. Churikov

The article analyzes the ideas in A. I. Solzhenitsyn's short story «The New Generation», the peculiarities of the conflict of tradition and innovation in post-revolutionary Russia (1920–1930s) and its relevance for modern Russia.

Key words: Solzhenitsyn, genre, revolution, Russia, opposition, character.

*История повторяется.
Это один из ее недостатков.*

К. Дарроу

В одном из своих интервью А. И. Солженицын сказал о том, что почти всю свою жизнь отдал русской революции. События 1917 г. для писателя стали ключевым объектом исторических размышлений. Значительный пласт его художественных и публицистических работ был посвящен осмыслению революции, ее итогов и роли в истории России. Самое полное отражение этой проблематики мы находим в романе-эпопее «Красное Колесо», который был завершен в 1990 г. Возвращение писателя на Родину ознаменовалось и его возвращением в художественную литературу. В 1994 г. начинается новый этап творчества А. И. Солженицына: создается второй цикл крохоток, односуточная повесть «Адлиг Швенкиттен» и цикл двучастных рассказов. Жанр двучастных рассказов стал очередной творческой находкой писателя (наряду с «повествованием в отмеренные сроки», «опытом художественного исследования», «крохотками»). Сам А. И. Солженицын в очерках изгнания «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» писал: «Давно я задумал и томлюсь по жанру рассказов *двучастных*. Этот жанр – просто сам просится в жизнь»¹.

Большинство литературоведов и критиков приняли новые произведения писателя достаточно сдержанно. Это во многом объясняется сменой

политической формации 1991 г., которая принесла обманчивую надежду на быстрые социальные улучшения. Но смена политического курса, крах СССР не изменили ключевых творческих стратегий А. И. Солженицына. Малая проза 1990-х гг. в полной мере унаследовала идейно-тематический вектор солженицынских произведений советского периода. Для писателя по-прежнему необходимо было обращаться к художественному осмыслению нашей истории XX столетия сквозь призму утраты России дореволюционной и становления России советской. Особенно показательным в этом отношении нам представляется двучастный рассказ «Молодняк»².

Автор рассказа погружает нас в разгар послереволюционной эпохи со всеми ее общественными трансформациями и социальными перипетиями. Известный русский историк Н. И. Ульянов так описывал кризисное время 1920–1930-х гг. прошлого столетия: «Первые семнадцать-восемнадцать лет были годами беспощадного истребления русской культурной элиты, уничтожения исторических памятников и памятников искусства, искоренения научных дисциплин, вроде философии, психологии, византиноведения, изъятия из университетского и школьного преподавания русской истории, замены историей революционного движения. Не было в нашей стране дотеле таких издевательств надо всем носившим русское имя»³.

Оппозиция «старого» и «нового» мира является стержневой в авторском замысле, что находит свое отражение и на уровне персонажей, и на уровне композиции.

В рассказе «Молодняк» два главных героя, четко противопоставленных друг другу: студент ростовского рабфака «Лёшка» Коноплёв, олицетворяющий новое поколение, и инженер и доцент мостостроительного факультета Института путей сообщения Анатолий Павлович Воздвиженский, представитель исчезающей эпохи.

На композиционном уровне эта оппозиция проявляется в выборе жанра произведения – двучастного рассказа. В первой части повествования студент Коноплёв пытается сдать экзамен по сопромату доценту Воздвиженскому. Тому быстро становится ясно, что молодой человек «ни в зуб не знает ничего». Экзаменатор понимает, что перед ним один из тех «всковырнутых» рабфаковцев, которые пытаются добросовестно учиться, но

это у них плохо получается. Он задумывается над судьбой этих «жертв» политики просвещения масс и все же идет навстречу студенту: «И подумал Анатолий Павлович: если политика властей такая настойчивая, и понимают же они, что делают, какую нелепость, почему моя забота должна быть больше? <...> Глубоко вздохнул. Медленно вывел “уд” и расписался» (336).

Поток рабфаковцев, к которым приказывали смягчать требования, был не единственной приметой новой эпохи. Менялся внешний вид «городской публики», что отражалось и на сотрудниках института: «На Анатолии Павловиче костюм был и скромный, и далеко не новый, а всё-таки при белом воротничке и галстуке. А были в их институте и такие профессора, кто нарочито ходил в простой рубашке навыпуск, с пояском. А один, по весне, и в сандалях на босу ногу. И это никого уже не удивляло, а было – именно в цвет времени» (337). Шло постепенное вытеснение представителей старой интеллигенции, ограничивался прием лиц непролетарского происхождения.

Несмотря на происходящие изменения в окружающем мире, Воздвиженский продолжает жить привычной жизнью, но зыбкость, непрочность его положения ощущается все острее.

Во второй части главные герои меняются ролями. Обвиняемый во вредительстве доцент Воздвиженский оказывается во власти своего бывшего студента, а ныне следователя Коноплева. Их встреча происходит уже не в учебной аудитории института, а в здании ростовского ОГПУ. Коноплев не забыл помощи Воздвиженского и в свою очередь пытается спасти попавшего в беду преподавателя. Однако путь освобождения, который предлагает следователь, должен быть оплачен дорогой ценой: «Но – как наплевать на свою двадцатилетнюю увлеченную, усердную работу? Просто – на самого себя, в душу себе?» (344).

А. И. Солженицын противопоставляет главных героев по целому ряду параметров: фамилия, внешность, уклад жизни, речь и т. д.

В художественном мире А. И. Солженицына антропонимы всегда имели большое значение. Рассказ «Молодняк» – не исключение. Обратим внимание на фамилии главных героев произведения. Фамилия Воздвиженский является по своему происхождению семинарской и связана с религиозным праздником Воздвижения Креста Господня⁴. Этот праздник связан с событиями земной жизни Иисуса Христа. В 326 г. в Иерусалиме у горы Голгофы был найден Крест, на котором распяли Иисуса Христа. Крест воздвигали перед верующими, то есть поднимали – отсюда и Воздвижение. Своя голгофа ожидает в финале рассказа и обладателя символической фамилии. Сам глагол ВОЗДВИГАТЬ (или воздвигать) определяется В. И. Далем, как «сооружать, созидать, ставить, строить; || подымать, воздымать или возносить; || кого, побуждать на вражду»⁵. Так, фамилия этого героя несет в себе значение созидания,

строения, возвышения, т. е. устремления вверх. Это напрямую соотносится с образом солженицынского персонажа, чья профессия и предполагает постоянный духовный рост и способствование интеллектуальному развитию студентов.

По-иному воспринимается фамилия другого героя – Коноплева. Она образована от прозвища Конопель, которое соотносится с названием растения конопля (конопель). Как известно, конопля играла значимую роль в крестьянской жизни: из нее делали конопляное масло, конопляную кашу, полотно для постели и одежды, веревки для белья и упряжь для коней, рыбацкие сети, морские канаты и паруса, а наиболее известный продукт, получаемый из конопли – волокно, которое известно многим под названием «пенька». В соответствии со своей фамилией герой и предстает перед читателем человеком труда, связанным с землей, с миром крестьянства. Не случайно в первой части рассказа он работает лудильщиком посуды на заводе. И хотя трудится Коноплев в городе – его деревенское происхождение очевидно.

Важную роль в создании образов главных героев играет описание их внешности. Автор почти не заостряет внимания на портретных деталях инженера Воздвиженского, видимо, оставляя читателя самому додумать образ – скорее всего мы должны «разглядеть» типичного представителя интеллигентской, вузовской среды. Зато неоднократно обращается к описанию фигуры студента-лудильщика – у которого были низкий лоб, широкие плечи, широкая кость, «широкий крупный нос, и все лицо с широкой костью, губы толстые» (336). А кисти рук Коноплева автор сравнивает с лапами: «...обе кисти, как лапы, приложил к груди» (336).

Еще одно противопоставление героев происходит на уровне языка. Грамотная речь доцента Воздвиженского ярко контрастирует с речью Коноплева. Высказывания этого персонажа насыщены просторечными формами и оборотами. У него «каждый день» трудности с учебой, ему «сопромата не взять ни в жисть» – «уж дюже скаженный», ведь «мозги пообломаются от такой тяготы», потому что «не берёт голова, не приспособлена» (335).

Описание квартиры Воздвиженских открывает нам еще одну грань образа героя. В квартире героя царят спокойствие, уют и взаимопонимание. Здесь его окружают заботливая дочь «Лёленька» и жена, «солнышко Надя». Параллель между уютной квартирой Воздвиженских и домом Турбиных из булгаковской «Белой гвардии» напрашивается сама собой.

Мир, в котором живет Коноплев, совсем не таков. Это – мир, где есть множество единомышленников, много лозунгов, крика и суеты, много выступлений с трибуны. Много *нового* и сплошное отрицание *старого*. Этот мир основан не на традиционных семейных ценностях, не на генетическом родстве. Это родство – идеологическое.

Это – мир «молодняка», который вытаскивает на периферию жизни все не соответствующее духу послереволюционной эпохи.

Слово «молодняк» является ключевым в рассказе, именно его писатель выносит в заглавие произведения. Эта лексема несет в себе важную идейно-тематическую нагрузку. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, отразившем изменения в лексико-семантической системе русского языка послереволюционного периода, приводятся три значения этого слова: 1) молодые животные; 2) молодой лес; 3) молодые люди⁶. Отметим активное функционирование этой лексемы в устной и письменной речи 1920–1930-х. В частности, именно этим словом озаглавил свой рассказ А. Т. Аверченко (1925 г.), и оно же стало названием литературной организации комсомольских писателей Украины, созданной в Харькове (1926 г.), которая выпускала одноименный журнал. Очевидно, что обозначение нарождающегося движения строителей Нового мира как молодняка концептуально. Можно предположить, что для А. И. Солженицына в данном случае все три словарных значения сливаются в одно. Действующая в рассказе масса молодых людей почти обезличена. Их личности не функционируют вне коллектива единомышленников – и здесь напрашивается сравнение со стадом животных. Уместным нам кажется и сравнение с молодыми деревьями – ведь вся эта молодая «поросль» однажды вырастет и станет частью «огромного лесного массива» – приверженцев советской идеологии.

Авторская оценка «молодняка» представлена в рассказе имплицитно. Мы не увидим прямой писательской критики формирующегося поколения, не встречается негативной оценки в высказываниях и размышлениях А. П. Воздвиженского: «У новой молодёжи – у неё же есть, наверно, какая-то правда, которая нам недоступна. Не может её не быть» (338). Лишь оказавшись в подвале ОГПУ, герой задумается над смыслом происходящего: «А ведь задолго до революции и предчувствовали, пророчили поэты – этих будущих *гуннов*...» (344). А. И. Солженицын предоставляет читателю возможность самому дать оценку сущности «молодняка», его идеям и программе.

Суть этой программы раскрывается в эмоциональной лекции («О задачах нашей молодёжи») заезжего московского агитатора в ростовском ДК, куда торопится студент Коноплёв после экзамена по сопромату. Из этой лекции мы узнаем, что одним из главных принципов новой ценностной модели является интернационализм. Русский мир стал чрезвычайно узок для подрастающей коммунистической молодёжи, их цель масштабна – освоение мирового пространства, «авангардизм и планетаризм» (340). Еще одной характеристикой «нашей молодёжи» должен быть атеизм: «...безбожие, чувство полной свободы ото всего, что вненаучно. Это развязывает колоссальный

фонд смелости и жизненной жадности, прежде пленённых боженкой» (340). И это – еще один шаг в сторону от монархической православной России. Третья черта «молодняка» – безукоризненная классовость, которая предполагает отказ от «чувства человеческого вообще» и призывает отдаться безграничному оптимизму, ведь «наша молодёжь – счастливейшая за всю историю человечества» (340). И, наконец, венцом пропагандистского мероприятия становится вопрос, прозвучавший из зала: «А кто кого должен слушаться: хороший пионер плохого отца – или плохой отец хорошего пионера?..» (341). Такая система ценностей становится нормой в советской России. И с этим приходится считаться всем, в том числе и представителям «старой» интеллигенции.

Таким образом, А. И. Солженицын в своем рассказе «Молодняк» снова обращается к актуальной для его творчества и русской литературы XX в. в целом теме человека, оказавшегося на историческом изломе и пытающегося выжить в сложившихся условиях. Но просто выжить – мало. Надо сохранить честь и достоинство, не предать своих идеалов. Но сделать это по силам не каждому, потому что альтернатива, перед которой оказывается человек, может быть по-настоящему страшной. А. П. Воздвиженский, попавший в ростовское ОГПУ, должен сделать такой выбор: или **физическое выживание** (но должность вузовского стукача), или **духовное спасение** (но путь в лагерь и лишение будущего своей семьи). О принятом главным героем решении мы узнаем из финального предложения в рассказе: «Через неделю его (Воздвиженского – Г.Ч.) освободили» (345).

В отличие от инженера Воздвиженского, перед «Лёшкой» Коноплёвым в рассказе проблема нравственного выбора не возникает. Он его давно уже сделал. У Коноплёва совсем иная роль в произведении – он перед таким выбором призван *ставить*.

Все представленные в рассказе художественные оппозиции являются важными не только для понимания авторской концепции произведения, но и для осмысления нашего прошлого. Для максимально объективного понимания смутного этапа русской истории между двумя мировыми войнами, когда Россия кипела от столкновения старого и нового, когда тысячи «Воздвиженских» сталкивались с тысячами «Коноплёвых», которые были носителями нового мировоззрения. И понимание это, в первую очередь, должно носить не характер примитивной (хотя и справедливой) критики политической платформы партии большевиков, ломавших все многовековые скрепы русского мира, а характер воспитательный. Рассказ А. И. Солженицына «Молодняк» необходимо расценивать не только как талантливую художественную ретроспекцию, а прежде всего как урок.

Отдавший много сил и времени исследованию русской истории, А. И. Солженицын

увидел сходство известных событий 1991 г. с революционной ситуацией, подробно описанной в «Красном Колесе». Долгие годы борющийся с советской системой писатель на заре 1990-х был далек от победных настроений – не такого финала он ждал от своего противостояния с коммунистической системой. Известный русский философ А. А. Зиновьев верно подметил: «Целились в коммунизм, а попали в Россию»⁷. К несчастью, год 1991-й принес России новое Смутное время, встав на одну ступень по своей трагичности с годом 1917-м: «Так за короткие месяцы, от августа до декабря, Россия всем своим неповоротливым туловом вступила в Смуту, не назовёшь иначе, – в Третью Смуту: после Первой, 1605–1613, и Второй, 1917–1922. Размеры событий проступали неохватимые»⁸. Масштаб произошедших событий и их оценку мы видим во втором автобиографическом очерке писателя «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Неслучайно у А. И. Солженицына появляется символ новой российской Смуты – «желтое колесо». «Я думаю: пройдет время – и другой русский писатель, хорошо ознакомься со всеми тайнами десятилетия 1985–1995, напишет о нем другую эпопею – «Жёлтое колесо»»⁹.

Сквозь призму солженицынского произведения иначе видятся развал Советского Союза, создание Российской Федерации (нового государства-осколка советской империи), сопровождавшиеся бездарной утратой территорий и миллионов соотечественников, оставшихся в четырнадцати новых политических образованиях. Так же, как в первые послереволюционные десятилетия, в наше время происходит масштабный слом традиционной системы ценностей, новые чужеродные идеи активно внедряются в массовое сознание. Участились яростные атаки на православную культуру, попытки очернить Русскую православную церковь, прилюдно совершить греховное действие. На смену коминтерновским идеям встраивания России в международный коммунистический контекст в наши дни пришла идея глобализации – встраивание России в глобальную систему общежития, насаждение американского образа жизни в ущерб всему национальному и исконному. Навязывается нашему обществу и новый язык, яркими чертами которого становятся чрезмерное количество заимствований, жаргонной и просторечной лексики и фразеологии, размывание значений слов, называющих нравственные категории, и т. д. Это делает речь примитивной и неизбежно ведет к выхолащиванию человеческо-

го сознания. И, конечно же, нельзя не заметить и тех, кто все эти установки и ценности несет в российское общество, современного «молодняка», строящего свой новый мир (по чужеродным лекалам) в ущерб миру нашему, традиционному. А. И. Солженицын в конце века ушедшего настоятельно предупреждал: «В распаленном сейчас в нашей стране культурном базаре губительно было бы нам так легко дать переиначить и проглотить нашу отечественную культуру»¹⁰.

Находясь во власти послереволюционного дурмана 1920–1930-х, под бременем чужеродного влияния, под угрозой полного переформатирования, Россия выстояла, «переработала» новые идеи и ценности, что-то ассимилировала, что-то отбросила, но сохранила свой большой и неповторимый русский мир, хотя и в «оболочке» советской цивилизации. В наше время Россия оказалась в очередной опасности, ей снова необходимо преодолеть опасный исторический участок. И либо сохраниться, либо умереть. Рассказ А. И. Солженицына «Молодняк», возвращая к событиям почти вековой давности, не только напоминает, но и предупреждает о том, что наше прошлое в любой момент может стать нашим настоящим.

Примечания

- ¹ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть четвертая (1987–1994) // Новый мир. 2003. № 11. С. 69.
- ² Солженицын А. Молодняк // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2006. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках.
- ³ Ульянов Н. Русское и великорусское // Родина. 1990. № 3. С. 88.
- ⁴ См.: Федосюк Ю. Русские фамилии : популярный этимологический словарь. 6-е изд., испр. М., 2006. С. 50.
- ⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 226.
- ⁶ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938. Т. 2. Стлб. 248.
- ⁷ Цит. по: Назаров М. Запад, коммунизм и русский вопрос // Москва. 1995. № 6. С. 104.
- ⁸ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. С. 75.
- ⁹ Солженицын А. Жёлтое колесо // Солженицын А. На возврате дыхания : избранная публицистика. М., 2004. С. 534.
- ¹⁰ Солженицын А. Исчерпание культуры // Там же. С. 620.

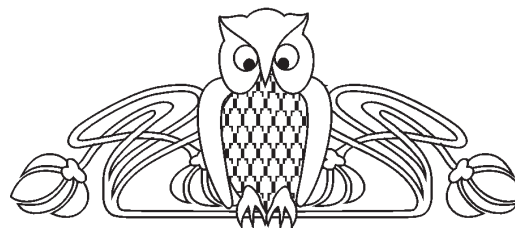

УДК 821.161.1.09-3+929 [Пришвин+Солженицын]

ЛАГЕРНАЯ ТЕМА А. СОЛЖЕНИЦЫНА И М. ПРИШВИНА

Р. А. Соколова

Рязанский государственный университет
E-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

В статье рассматривается тема ГУЛАГа на материале рассказа Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и романа Михаила Михайловича Пришвина «Осударева дорога». Главные герои писателей, находясь в заключении, остаются свободными людьми. Простые люди, носители народной нравственности, пронесут через испытания свою душу чистой, они терпеливы и трудолюбивы, не участвуют во зле, остаются внутренне свободными в обстановке несвободы, сохраняя свое имя и родину.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, М. М. Пришвин, лагерная проза.

Labour Camp Theme for A. Solzhenitsyn and M. Prishvin

R. A. Sokolova

In the article the author considers Gulag theme on the material of A. I. Solzhenitsyn's short story «One Day in the Life of Ivan Denisovich» and the novel by M. M. Prishvin «Tsar's Road». The main characters of both writers remain free people despite their imprisonment. Common people, bearers of public morals, kept their souls pure through hardships, they are patient and hard-working, they abstain from evil, remain internally free in the atmosphere of the absence of freedom, preserving their name and their motherland.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, M. M. Prishvin, labour camp prose.

А. И. Солженицын и М. М. Пришвин знали, что «с коммунистами нельзя говорить: 1) о Боге, 2) о смерти и “Том свете”, 3) о дурных явлениях нашей общественной жизни (столкновении поездов, заключенных, безработице и т. п.)»¹, но не могли перешагнуть через трагедию заключенных в советской стране. Один забыл, что он мастер детских рассказов и певец природы, написал роман «Осударева дорога» о строительстве эсками Беломорско-Балтийского канала имени И. В. Сталина. Другой, покоренный пришевской темой природы, писавший Н. Решетовской в 1948 г.: «Прочти “Фацелию” Пришвина – это поэма в прозе, написанная с задушевностью Чехова и русской природы, – ты читала ли вообще Пришвина? Огромный мастер. В этой “Фацелии” очень красиво проведена мысль о том, как автор... самое красивое и ценное в своей жизни только потому и сделал, что был несчастлив в любви»², стал повествовать об «одном дне» заключенного.

В основу «Осударевой дороги» Пришвина были положены материалы его поездки на Север страны в 1933 г., рассказавшие о знаменитой дороге, по которой «Петр ехал... и за ним везли виселицу», чтобы он смог протащить свои фрегаты

из Белого моря в Балтийское³; теперь эта дорога оказалась на дне озера. Автор создал пять редакций романа, читателю знаком вариант 1948 г., который он завещал издать с эпитафией «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси», но этот эпитафия не был опубликован.

Пришевский ГУЛАГ не приняли немногочисленные читатели рукописи. Жена писателя – Валерия Дмитриевна, прошедшая советские тюрьмы и ссылки, сказала: «Ты дерзнул без Вергилия странствовать по аду»⁴. Власти предпочитали не вспоминать об использовании принудительного труда. «Допускаю, что нынешние правящие коммунисты могут быть смущены моим романом и спросить: как же это так вышло, что принудительный труд, укрываемое и переживаемое преступление, может стать предметом восхищения поэта»⁵, – писал Пришвин, который был не в силах забыть о гулаговском аде и попытался найти из него выход. О братьях-писателях, восхищавшихся его «зверскими» рассказами, автор вспоминал, что «все они опасаются, не примажусь ли я к большевикам»⁶, сочиняя общественный роман. Самая несправедливая оценка пришевской книге принадлежит писателю О. Волкову: «Думаю, что никто из перемалываемых тогда в жерновах ГУЛАГа не вспомнит без омерзения книги, брошюры и статьи, славившие «перековку трудом». И тот же Пришвин, опубликовавший «Государеву дорогу», одной этой лакейской стряпней перечеркнул свою репутацию честного писателя-гуманиста»⁷.

Солженицын, в отличие от Пришвина, писательские поездки в лагеря не планировал, без них знал, что «на двести грамм [хлеба] Беломорканал построен»⁸.

Пришвину и Солженицыну трудно было рассказать о трагедии русской жизни: их вытесняли из современности. У Солженицына – исправительно-трудовые «перековки», ссылки и несостоявшиеся публикации. Пришвин с трудом напечатал книгу «Фацелия» и записал об этом в Дневнике: «“Фацелия” не пришлась по вкусу ЦК, потому что она содержит в себе декларацию личности»⁹. Писатель так и не увидел опубликованными книги: «Повесть нашего времени», 1957; «Осударева дорога», 1957; «Мы с тобой», 1990. Хотя власть дала ему в 1943 г. орден Красного Знамени в связи с семидесятилетием, он понимал причину своего отстранения от современности: «К чему я стремлюсь в наше время в литературе

– противопоставить подлинность своей души, своего личного опыта дешевой литературе заданной темы: вместо этого я сам выхожу»¹⁰.

Наиболее полно борьба писателей за участие в современности, за подлинную литературу, за свой «выход» из «заданной темы» проявилась в их работе над лагерной прозой. Но анализ текстов позволяет определить еще одну важную тему, волновавшую художников. Тема лагеря становится для них темой о судьбе России, всего народа и о своей личной судьбе.

Пришвин писал: «На канале должен быть собран и показан народ: тут была вся Россия»¹¹, «С этим каналом я, как писатель... сам попал на канал»¹². В книге он дает картину всей России: «Ехали, будто падали, из неведомых недр разноплеменной страны десятками, сотнями, тысячами люди белые, желтые, черноглазые, голубоглазые, светловолосые, и черные, и рыжие. Были среди них худые и гибкие телом, с горящими как уголь глазами горцы, были коротенькие, на изогнутых ногах, жители степей, черкесы, киргизы, узбеки, были даже в чалмах, татары в халатах, раскосые монголы в своих тубетейках, и русские смешивались в наречиях: орловские, рязанские, владимирские, ростовские, сибирские»¹³. Он представил иерархию строивших канал. Это начальники, которые имеют неограниченную власть над людьми: «Приедет тысяча человек, и мы всех их бросим в лес. И так, каждый день, тысячу за тысячей – в лес»; мужики – «олонецкие сплавщики», «смоленские грабари», «орловские, там вон рязанские», «неумелые степные люди», непривычные к лесу; урки – «великий пахан, домушники, шакалы, волчатники, медвежатники, мастера мокрого дела и самые мелкие воришки, мелкие люди – хорьки и мышата»¹⁴.

Солженицын через образы героев, указывая сроки их заключения, воспроизводит историю становления советской власти в России. Старый безымянный эк Ю-81 «по лагерям да по тюрьмам сидит несчетно, сколько советская власть стоит, и ни одна амнистия его не прикоснулась» (98); бригадиры Кузёмин и Тюрин арестованы во время организации колхозов; сибиряк Ермолаев «за плен десятку получил» (96); Алешка с баптистами – «горюны: Богу молились, кому они мешали? Всем круговую по двадцать пять сунули» (111). Автор через воспоминания заключенных передает жизнь в русской деревне до коллективизации, как крестьяне ели «картошку – целыми сковородами, кашу – чугунками, а еще раньше, по-без-колхозов, мясо – ломтями здоровыми», рассказывает о последствиях «великого перелома», когда мужики, работая на земле, оказались в нищете, поэтому уходили в город на завод, или на торфоразработки, или рисовали по трафарету ковры.

В характеристике советского государства, согнавшего в лагерь всю страну, писатели подчеркивают его бесчеловечность и механичность. Пришвин пишет: «Вспоминаю, как в Кеми стрелок

убил заключенного при попытке бежать... Человек тут не был, а только один механизм... В таком сцеплении всех, совершенно бесчеловечном, и происходит постройка канала»¹⁵. Он размышляет: «Коммунизм есть распространение законов механики на человеческое общество. – Так является один из планов... река Выг, дикая, порожистая, заключается в машины... Согласно с этим механизмом и люди... под предлогом коммунизма становятся механизмом»¹⁶.

У Солженицына заключенные Экибастузского лагеря, размышляя о своих сроках и возможности их отбыть в лагере, говорят о механичности советской системы наказания: «Это полоса была раньше такая счастливая: всем под гребенку десять давали. А с сорок девятого такая полоса пошла – всем по двадцать пять, невзирая. Десять-то еще можно прожить, не околев, – а ну двадцать пять прожить?!» (51). Время в лагере расплывалось по минутам: от подъема до отбоя, с обязательными утренними и вечерними проверками, пересчетом заключенных по головам, и все «объекты» счетных дощечек стремятся не нарушать механизм подсчета, потому что лишатся времени «уже не казенного, а своего»: времени на столовую, на получение посылки, на санчасть, парикмахерскую, баню (78).

Писатели, размышляя о трагической судьбе народа, в то же время хотели бы понять, что происходит с человеческой душой, с личностью человека в условиях ее столкновения с государством, жестко и рационально строящим прекрасное будущее.

Пришвин пишет: «Канал не так интересен со своей внешней, прямо скажу, – шегольской стороны, как с внутренней, со стороны создавшего его человеческого творческого потока: тут соприкасаешься с чем-то огромным. Едва ли хватит у меня сил взяться за этот материал, но я его чувствую, и совокупность заключенных этических проблем в материале “Войны и мира”, столь поразившая весь мир, в сравнении с тем, что заключено в создании канала, мне кажется не так уж значительной»¹⁷. По его мнению, что бы ни строило общество, личность живет по-своему, поэтому идее построения канала через «затопление острова»¹⁸, через «затопление» прошлого писатель противопоставляет жизнь людей, обретающих внутреннюю свободу. Он писал о главном герое романа: «Я хочу показать рождение нового сознания русского человека через изображение души крестьянского мальчика – помора»¹⁹. Мальчик Зуек (так поморы называли маленьких чаек) помог писателю понять самого себя, раздвоение своего внутреннего мира: «Один мир – это все, что мне самому хочется, другой мир... выступает как “надо”»²⁰. Его герой открывает государственное «надо», победу «всех» на строительстве: «Мы за большое дело взялись: лес рубят – щепки летят... острова будут затоплены»²¹. Он же различает человеческое «хочется», внутреннюю победу каждого. «Надо» и «хочется»

он соединит в «единого человека», в «простого хорошего человека, каких огромное большинство на земле», от которых зависит судьба всей России»²².

Счастье внутренней свободы Зук открывает в таких героях, как северные старообрядцы, принявшие «затопление» прошлого ради лучшей жизни людей на земле; бывший купец Алексей Семенович Волков, который в заключении сумел испытать радость свободной мысли и «непрерывно все расцветал и расцветал изнутри»²³. Зук вместе с ними «идет на общее дело», видит их счастье соединения «в одного человека»²⁴. Исследователь русской литературы, лауреат Солженицынской премии А. Н. Варламов, анализируя роман Пришвина, точно заметил, что «в роли капризного дитяги, которому должно было перейти от изначального “хочется” к осмысленному “надо”, оказывался не только лирический герой, но и брошенный за колючую проволоку народ. Этому народу Пришвин сострадал, мечтая о его освобождении за счет внутреннего душевного усилия»²⁵.

Солженицын главным героем рассказа сознательно сделал рядового крестьянина – Ивана Денисовича Шухова, который уже восемь лет мыкается по лагерям, но продолжает жить по вековым мужицким правилами: честно трудится, не унижается из-за пайки, не доносит на товарищей. По Солженицыну, человеческое достоинство, свобода духа, устанавливаются в труде, поэтому характер его героя ярко вырисовывается в сценах работы. Иван Денисович творчески трудится каменщиком, печником, сапожником, всякий раз проявляя хозяйственный ум. «Но так устроен Шухов по-дурацкому, и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, чтоб зря не гинули», – говорят о нем сокамерники и посмеиваются: «Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!» (75)

Изображая жизнь людей в лагере, писатели показывают стремление заключенных укрыться в своих бараках, чтобы принадлежать самим себе, найти мгновения свободы. В пришвинском бараке, называемым в лагере «конюшней», не только свершается «дальнейшее разграбление человека»²⁶, но и возможны победы на путях духовного сохранения личности. Идею о духовной победе человека на канале писатель воплощает в образе зека Волкова, у которого только одна «мысля, чтобы на каждом месте и во всякое время как бы нам лучше сделать», и с этой мыслью ему нигде, даже в заключении, нет «ни скуки, ни обиды и даже неволи», только радость «свободе своей»²⁷. Зук называет «конюшню» лагеря «Кашеевым царством», царством злобы, обиды, побоев, но при лунном свете зеки в бараке обретают свободу от Кашея, живут своей тайной жизнью: здесь молятся татарин, китайцы, русский²⁸.

У Солженицына лагерники торопятся в барак, который они называют «домом». Здесь Иван Денисович всегда встает по подъему, за полтора часа

до развода, он ценит один час после пересчета лагерников, потому что в это время «становится свободным человеком», который может подработать, чтобы приобрести табак и кусок хлеба, поговорить о вере с Алёшкой-баптистом, вспомнить о семье (111–112).

В пришвинской «конюшне» зеки рассуждают: «Не канал – цель легавых, а ненависть к свободному человеку», «канал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным, это фикция»²⁹. Но главные герои Пришвина и Солженицына не думают о свободе, они и в заключении, и на воле всегда будут свободны, так как лагерная жизнь не изменила их внутреннего мира. Их задача не в том, чтобы стать вольными, а в том, чтобы и в бесчеловечных условиях остаться людьми. Пришвинский старик Волков живет «счастливым чувством победы» над взорванной скалой, и «будто он даже счастливее всех»³⁰. Солженицынский Иван Денисович «уж сам не знал, хотел он воли или нет», потому что день был удачный: в карцер не посадили, табачку он купил, «прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый» (114).

Счастье таких людей в том, что каждый из них не перестал быть человеком, остался верным своей системе ценностей, хотя победила советская идея покорения природы и человека ради социалистического строительства жизни. Однако писатели воспринимают замысел устройства новой жизни за счет обычных людей как насилие и жестокость. Солженицын, оценивая день своего героя, говорит о бесконечности заключения: «Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось» (114). Пришвин безжалостную победу «всех» над «каждым» передает через картины войны человека с природой. Он пишет, что «началась война у природы за свой вечный покой», и люди с самого начала понимали, что это будет война, поэтому организовались в «боевые части», и рабочие «стали называться каналармейцами», а конюшня – их «тылом»³¹.

В борьбе с природой советская власть реализовала свой замысел ее рационального устройства. Но герои писателей воспринимают эту победу как насилие над природой. В рассказе Солженицына говорится о постановлении Советского правительства о введении декретного времени: к поясному времени конкретной местности прибавлялся один час, с целью более рационально использовать светлое время суток. Иван Денисович задается вопросом: «Неуж и солнце ихим декретам подчиняется?» (50). Героям Пришвина побежденная природа предстает смертельным зрелищем: подлежащая затоплению деревня воспринимается «страшным кладбищем»; река, «перехваченная» камнями, видится в «мертвом поясе»³².

Жизнь природы и общества, воссозданная в произведениях о ГУЛАГе Пришвина и Солженицына, свидетельствует о том, что осударева

дорога русской истории способна ее исказить и уничтожить, но люди даже в неволе находят возможность быть свободными и творить добро. Простые люди, носители народной нравственности, пронесут через испытания свою душу чистой, они терпеливы и трудолюбивы, не участвуют во зле, оставаясь внутренне свободным в обстановке несвободы, сохраняя свое имя и родину.

Примечания

- 1 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». Из Дневников 1931–1952 гг. // Наше наследие. 1990. № 2. С. 81.
- 2 Пришвин М., Пришвина В. Мы с тобой : Дневник любви / подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. М., 1996. С. 346.
- 3 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». С. 74.
- 4 Там же. С. 35.
- 5 Там же. С. 79–80.
- 6 Там же. С. 74.
- 7 Волков О. В. Погружение во тьму : Из пережитого. М., 1989. С. 168.
- 8 Солженицын А. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2006. С. 48. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- 9 Архив В. Д. Пришвиной. Дневник М. М. Пришвина. Запись от 23.11.1941.

- 10 Там же. Запись от 14.01.1951.
- 11 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». С. 68.
- 12 Там же. С. 67.
- 13 Пришвин М. Осударева дорога // Пришвин М. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. М., 1984. С. 61.
- 14 Там же. С. 55, 70, 111, 62.
- 15 Там же. С. 66.
- 16 Архив В. Д. Пришвиной. Дневник М. М. Пришвина. Запись от 01.09.1943.
- 17 Пришвин М. В краю непуганых птиц : онего-беломорский край. М. ; Л., 1934. С. 47–48.
- 18 Пришвин М. Осударева дорога. С. 99.
- 19 Там же. С. 6.
- 20 Там же. С. 8.
- 21 Там же. С. 40.
- 22 Там же. С. 98, 191.
- 23 Там же. С. 62, 109.
- 24 Там же. С. 105.
- 25 Варламов А. Пришвин. М., 2003. С. 391.
- 26 Пришвин М. Осударева дорога. С. 103, 107.
- 27 Там же. С. 65, 112.
- 28 Там же. С. 95.
- 29 Там же. С. 108, 111.
- 30 Там же. С. 109.
- 31 Там же. С. 105.
- 32 Там же. С. 145, 121.

УДК 821.161.1.09+929 [Солженицын+Угримов]

А. А. УГРИМОВ – КРИТИК ПЕРВОГО И ВТОРОГО ВАРИАНТОВ «НОБЕЛЕВСКОЙ ЛЕКЦИИ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье автор обращается к изучению малоизвестной страницы в жизни и творчестве А. И. Солженицына, связанной с критикой первого и второго вариантов текста его «Нобелевской лекции», с которой, по просьбе писателя, выступил его сподвижник и друг А. А. Угримов.

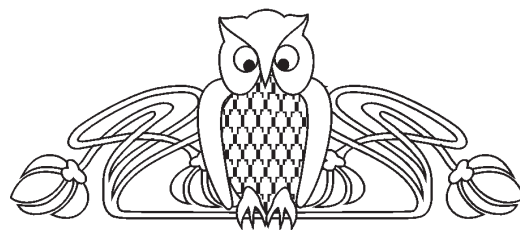
Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Нобелевская лекция», критика, А. А. Угримов.

A. A. Ugrimov – the Critic of the First and Second Version of the «Nobel Lecture» of A. I. Solzhenitsyn

Yu. V. Varfolomeev

In the article the author addresses an unknown page in the life and oeuvre of A. I. Solzhenitsyn associated with the criticism of the first and second versions of the text of his «Nobel lecture», which, at the request of the writer, was made by his associate and friend A. A. Ugrimov.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, critic, «Nobel Lecture», A. A. Ugrimov.

Нобелевская премия А. И. Солженицына является, безусловно, важным фактом биографии писателя. Официальная формула Нобелевского комитета, обосновывавшая присуждение ему премии, акцентировала внимание на этической доминанте его творчества, подчеркивая, что Солженицын удостоен этой высокой награды «за нравственную силу, с которой он продолжил традиции, присущие русской литературе». Писатель ждал и призывал эту премию, буквально «задумывал, вырывал у будущего», но она, по его признанию, «свалилась, как снегом весёлым на голову!»¹

На протяжении многих лет к истории создания и содержанию «Нобелевской лекции» прикован неослабевающий интерес ученых. И это не случайно, так как в ней сконцентрированы жизненная позиция и система взглядов писателя на литературу и искусство, роль, значение и ответственность в этом мире писателей и ученых. «Нобелиане» Солженицына посвятили свои работы Ю. Г. Гущин, А. Ю. Мусихина, А. В. Островский,

А. Г. Степанов, которые предприняли ее анализ в литературоведческом, проблемно-тематическом и жанрово-стилистическом аспектах². Вместе с тем по-прежнему заслуживает внимания изучение обстоятельств и процесса написания Солженицыным текста «Нобелевской лекции».

Несмотря на ту радость, которую испытал писатель, узнав о присуждении Нобелевской премии, долгожданная новость «пришла, как в том анекдоте с Хемингуэем, – иронично вспоминал Солженицын, – от романа отвлекла, как раз две недельки мне и не хватило для окончания “Августа”!»³ Писателю необходимо было отвлечься от романа, чтобы приступить к написанию Нобелевской лекции. Изначально она «рисовалась мне колокольной, очистительной, – вспоминал Солженицын, – в ней и был главный смысл, зачем премию получать»⁴. Однако, по его собственному признанию, «получалось нечто, трудно осиливаемое. Рассуждать о природе литературы или возможностях ее – скучная, тягостная для меня вторичность: что могу – то лучше покажу, чего не осилю – о том и не рассуждаю»⁵.

Это побудило писателя направить письмо в Нобелевский фонд, в котором он все объяснил как есть, честно: почему решил от лекции отказаться. «Лично я обнаружил, что не смогу удержаться в рамках специфически литературных, – писал он, – суждения о литературе сегодняшнего дня для меня невозможны в отрыве от суждений социальных и политических; большим (и, вероятно, неплодотворным) усилием будет для меня удержать себя в узде, говорить о природе искусства или природе красоты и избежать современного состояния жизни на Востоке и Западе, не затронуть тех вопросов, которые горят в душе»⁶. Шведская академия с пониманием отнеслась к этому шагу писателя, тем более что таким образом удавалось хоть как-то приглушить нездоровый политический ажиотаж, связанный с присуждением Нобелевской премии опальному в СССР писателю.

Между тем Солженицын все-таки вернулся к написанию «Нобелевской лекции», правда, точную дату здесь определить трудно. «Можно лишь отметить, – уточняет А. В. Островский, – что тем катализатором, который заставил Шведскую академию снова вспомнить о нем (Солженицыне. – Ю. В.), стали воспоминания Пера Хегге, опубликованные в сентябре 1971 г. В них он обвинил шведское посольство в Москве в том, что в 1970 г. оно вместе с Советским правительством сорвало вручение А. И. Солженицыну диплома лауреата Нобелевской премии, так как это, оказывается, можно было сделать в Москве»⁷. Правда, этот момент совпал с очередным творческим подъемом писателя – он только что вошел в работу над «Октябрем 16-го». «Только бы работать, – с нескрываемым сожалением констатирует Александр Исаевич, – так нет, опять зашумела нобелиана»⁸.

Теперь, когда вопрос с церемонией вручения премии в принципе был решен, Солженицыну

необходимо было, прежде всего, подготовить «Нобелевскую лекцию». Однако на «шум нобелианы», отвлекший писателя от творчества, наложилось еще несколько событий. В ночь с 17 на 18 декабря 1971 г. умер А. Т. Твардовский. Простившись со своим литературным отцом, Александр Исаевич вновь уже было вернулся к написанию текста лекции, как вдруг на Рождество (6 января 1972 г.) услышал по зарубежному радио обращение патриарха Пимена к русской эмиграции с призывом воспитывать своих детей с верой в Бога. Под влиянием этого Солженицын не удержался, чтобы не написать Великопостное письмо к Всероссийскому Патриарху⁹. Кроме этих событий от написания лекции Солженицына также отвлекали обсуждение с друзьями церемонии вручения диплома лауреата Нобелевской премии и подготовка к изданию «Архипелага». Тем не менее именно в конце 1971 – начале 1972 г., по мнению А. В. Островского, и была написана «Нобелевская лекция»¹⁰.

Между тем подготовка текста лекции давалась писателю нелегко. «Посилился я соединить тему общества и тему искусства – всё равно не получилось, два многогнутых стержня, отделяются, распадаются. И пробные близкие подтвердили – не то»¹¹. Так кто же эти таинственные – «пробные близкие», которые высказали свои критические замечания талантливому и неординарному нобелиату? Судя по всему, одним из таких «пробных близких», – критиком первого, а затем и второго вариантов «Нобелевской лекции» А. И. Солженицына, был Александр Александрович Угримов – человек сложной и драматичной судьбы, познакомившийся с Александром Исаевичем в 1966 г.¹²

Почему выбор пал именно на него? А. А. Угримов – дворянин, семья которого после Октябрьского переворота потеряла все свое имущество и вынуждена была покинуть родину. Скаут, увлекшийся идеями борьбы за справедливость. Пассажира «философского» парохода 1922 г. Берлинский студент, ставший, как и отец, дипломированным агрономом, наладившим высокотехнологичное мельничное производство во Франции. Младоросс, увлеченный идеями социального и политического переустройства России. Герой Французского сопротивления, получивший награду от генерала Эйзенхауэра и высланный из Франции в 1947 г. Патриот России, оказавшийся в Лефортовской тюрьме, а затем – эзк, проработавший 8 лет на Воркутинской шахте. С 1966 г. – друг, оппонент и тайный помощник А. И. Солженицына. Участник автомобильного вояжа с Солженицыным на юг в августе 1971 г. «Невидимка» солженицынской «армии теней». «Ответственный Хранитель» – один из тех, кто тайно хранил архив писателя, помогал Александру Исаевичу переправлять «Архипелаг ГУЛАГ» на Запад, а также подбирал надежных «кротов», которые соглашались держать у себя рукописный и самиздатовский «динамит» Солженицына. Сво-

бодный человек в несвободной стране. Человек, уважающий чужое мнение, никому не навязывающий своего и в то же время всеми возможными способами его отстаивающий¹³.

По просьбе Солженицына Угримов ознакомился с первым и вторым вариантами проекта «Нобелевской лекции» и высказал свои критические замечания. С благодарностью откликнувшись на просьбу писателя, ценя высокое доверие и внимание, которое тот ему оказал, Александр Александрович осознавал и огромную ответственность, свалившуюся на него. «Поэтому мне приходится мобилизовать все свои умственные и душевные силы, тем более что высказать все, что я думаю и чувствую, мне нелегко, – признавался он Солженицыну. – При этом я заранее взял под строгий контроль и боязнь, и проявление мешанского благоразумия, которые могут во мне проявиться. Я полагаю, что я им слово не дам. То, что Вы услышите от меня, несомненно, Вас огорчит. Но все это огорчает и меня. Нет у меня другого выхода, как Вам все откровенно и прямо сказать»¹⁴. Думается, что выбор Александра Исаевича пал на него в соответствии именно с теми критериями, которые сам Угримов и озвучил: «...берите критиков позлее, поэрудированнее, поумнее, и не тех, конечно, кто смотрит на Вас слишком восторженно <...> хвалить Вас сейчас каждому легко, а вот ругать трудно. Всякий задумается три раза: а как бы не обидеть? а как бы не оскорбить?» (619). И рецензия, действительно получилась умная, без хвалебной патетики, острая и отчасти даже обидная и злая.

Прежде всего, Угримов подверг критике пессимистическую концепцию, избранную, по его мнению, Солженицыным и заключающуюся в том, что отсутствие «нравственного начала в обществе со времени конца средневековья (Возрождения) и “прогресс” довели человечество до ожидания неминуемой планетарной катастрофы. Эта идея выражает Ваше мировоззрение и мироощущение, и вопрос заключается в том, как именно ее выразить» (610). В контексте критических замечаний становится понятно, что в первом варианте лекции Солженицын, как писатель, в поисках выхода из этого тупика призывал общество к нравственному перерождению (раскаянию). Однако Угримов, обращаясь к писателю, настаивает: «Но пессимизм Ваш глубок, и нет в Вас самой веры в практическое осуществление такого духовного переворота; и, может быть, поэтому нет и нужной силы в Вашем призыве» (610). В окончательном варианте лекции мы видим, что Солженицын основывает свои историософские и политические взгляды на христианском мировоззрении, а «о российской катастрофе, обернувшейся забвением национальных традиций, он говорит как о проявлении мирового духовного кризиса и проблемы русской жизни возводит в ранг общечеловеческих»¹⁵.

Вместе с тем Угримов, долгие годы проживший за границей, аргументированно считал, что

призыв к раскаянию, перерождению, на котором изначально настаивал Солженицын, «может быть “новым” только у нас, а никак не там, где голоса религиозного и нравственного сознания, включая голос Церкви, могут быть свободно услышаны всеми» (610). При этом Александр Александрович, не желая обидеть писателя, со знанием дела поясняет, что в изложении его идей о безнравственном обществе, современной политике, цивилизации, особенно в применении к западному миру, разительнее выступает неосведомленность, которая может быть воспринята как примитивизм и эклектизм. «Это объясняется, в основном, объективными и специфическими условиями нашего развития и существования в наглухо закрытом уже полвека обществе, что обусловило возникновение и Вашего замкнутого мира художника, – убеждает он Солженицына. – Вам приходится открывать и повторять то, что давно сказано и пересказано на разные лады и на Западе, и у нас до революции, и в эмиграции. Этим Вы обнаруживаете трагическое положение Вашего поколения – отсутствие информации и контакта, о котором Вы так хорошо сказали в своем обращении. Это может быть использовано против Вас. Вы поставите себя в невыгодное положение, ибо Ваши противники могут нащупать здесь Вашу ахиллесову пяту» (611).

И, пожалуй, самое серьезное замечание по этой части лекции заключалось в том, что во всем сказанном писателем была, по мнению Угримова, явная недоговоренность, которая лишала силы основную мысль лауреата, вносила путаницу в понятия религиозно-нравственные, с одной стороны, и общественно-моральные, с другой. «Эта недоговоренность, – обращался он к Солженицыну, – открывает широкое поле для всевозможных кривотолков, искажений и извращений Ваших воззрений и ставит Вас в невыгодное положение» (611). Очевидно высказанные замечания показались Александру Исаевичу убедительными, и в окончательном варианте лекции подобных рассуждений мы уже не встречаем.

Угримов еще раз напомнил Солженицыну, что от него хотят услышать голос русского писателя из подполья и, в частности, о его отношении к отечественной литературе, и если это ожидание не оправдывается, то неизбежно возникнет чувство неудовлетворенности и разочарования. При этом он еще раз подчеркнул, что речь нобелиата предназначена для интеллектуальной элиты всего мира, и поэтому следует тщательнее выбрать позицию и тон. «Наименее удачным тоном я считаю проповеднический и назидательный, – пояснял свою позицию Александр Александрович. – В него, пожалуй, не следует впадать, он вызывает раздражение. Укорять, поучать и наставлять – очень русское свойство, мало ценимое на Западе» (611). А наилучшей, самой сильной позицией, которую может избрать Солженицын, по мнению Угримова, является «писатель из подполья», осознавший ответственность за судьбы мира

перед лицом грозящей катастрофы. Если его речь не может быть вне политики, то она должно быть над политикой. Думается, что Александр Исаевич прислушался к этим доводам, и в окончательном варианте мы видим взволнованное, проникновение и одухотворенное обращение к миру «писателя из подполья».

Наряду с этими критическими замечаниями Угримов высказал несколько конструктивных суждений. Во-первых, ссылаясь на состоявшийся с писателем разговор, он соглашается с Александром Исаевичем в том, что главную тему нобелианы надо выразить формулой «мировая катастрофа и литература». «А раз уж “литература”, – уточняет Угримов, – то, видимо, Ваша речь должна быть литературой, о литературе и для литературы – по форме, по основной направленности и по содержанию. Вы должны в полной мере использовать дар слова, которым Вы гениально владеете» (612). И, пожалуй, главный концептуальный посыл адресованный нобелиату: «Хотелось бы снова увидеть у Вас тему “Давида и Голиафа”, тему “слово разрушает цемент”» (612). И, как мы видим, именно этот сюжет, правда, в несколько иной интерпретации, звучит квинтэссенцией «Нобелевской лекции» Солженицына: «Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А: не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью», и, наконец, – «ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ»¹⁶.

Касаясь далее замечаний по тексту, А. А. Угримов еще раз критикует общий «тон» солженицынской лекции. По его мнению, «какой-то он неестественный, непривычный мне у Вас. Что-то в нем надуманное (фрак, что ли, неудобен?). Смущение и приниженность переходят подчас в высокомерие и даже в презрение» (612). При этом самые острые стрелы критики были обращены к фразе, позднее исчезнувшей из текста – «Со смущением и стыдом я протягиваю руки за вашей литературной наградой» (613). Александр Исаевич и сам, очевидно, понял, насколько принижено она звучала.

В своем отзыве Угримов подчеркнул, что Солженицыным очень правильно отмечено, хотя, по его мнению, и не совсем внятно для западного понимания, что ни одной литературе в мире не пришлось так тяжело бороться с властью не только за свой народ, но и за собственное существование, причем с самого своего рождения, как русской. Однако нюансы сопоставления русской и западной литературы его, по собственному признанию, шокировали. Особенно неудачным ему показалось образное сравнение русской литературы с Золушкой. Александр Александрович справедливо заметил, что подобное сравнение может показаться обидным для Запада, так как, если вспомнить канву сказки, то сестры Золушки (в данном контексте – западная литература) были глупые и злые (613).

Судя по всему, в первом варианте лекции Солженицын рассуждал о нравственности власти и в ответ получил недоуменный вопрос Угримова: что означает нравственная власть? «Как Вы ее понимаете, – вопрошал он писателя, – какую форму Вы ей даете, что конкретно имеете в виду? Что такое нравственный авторитет, способный, на худой конец, измерить нравственную власть? Это настолько важно, что требует от Вас ответственного ответа. Вы его не даете даже приблизительно» (615). Однако одно дело говорить о нравственных основах общества, и совсем другое – советовать западным демократиям добавить в конституцию нравственную власть. Прислушавшись к этим критическим замечаниям и, очевидно, не найдя «ответственного ответа», Александр Исаевич исключил эти сентенции из текста своей лекции.

Вместе с тем Угримов выделил фрагмент лекции, посвященный проблеме, как ее обозначил Солженицын, «пресечения информации». «Все это хорошо и громко сказано, – поддержал писателя критик и даже посоветовал: – можно бы даже еще поддать жару» (615). И Александр Исаевич «поддал жару»: «Это лютая опасность: пресечение информации между частями планеты. Современная наука знает, что пресечение информации есть путь энтропии, всеобщего разрушения. Пресечение информации делает призрачными международные подписи и договоры: внутри оглушенной зоны любой договор ничего не стоит перетолковать, а еще проще – забыть, он как бы и не существовал никогда (это Оруэлл прекрасно понял). Внутри оглушенной зоны живут как бы не жители Земли, а марсианский экспедиционный корпус, они толком ничего не знают об остальной Земле и готовы поить топтать ее в святой уверенности, что “освобождают”»¹⁷, – читаем мы в окончательном варианте его «Нобелевской лекции».

В первом и втором вариантах солженицынской лекции, судя по критическим замечаниям Угримова, в качестве основной звучала тема гибели мира, и в ней даже содержалось обращение писателя: «Покайтесь, чтобы спасти цивилизацию». Однако критик обратил внимание на одно противоречие, содержащееся в этом апокалиптическом сюжете. По его мнению, слово писателя, конечно, новое, хотя и звучит по-евангельски, как древнее, всем известное. «Однако, по сути, оно совсем не евангельское, – утверждал Угримов (будучи человеком глубоко верующим), – а, может быть, и совсем наоборот, ибо Вы говорите о царстве земном, а не о Царствии Небесном» (615).

Александр Александрович считал, что моральное обновление общества может, видимо, произойти только через отдельные личности (к которым религия и обращается), а не наоборот, от общества к личности. «В таком аспекте мне понятна роль личности в нравственном росте общества, тем

более такой личности, как писатель, осознавший в себе ответственность за судьбу мира, – констатировал он, – Вы, как личность, как писатель, имеете возможность нравственно воздействовать только на личности, и через них на общество. Обращение к писателям всего мира – это в цель» (615–616). И с трибуны Стокгольмского концерт-холла 10 декабря 1974 г. весь мир услышал набатный призыв Солженицына: «Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим! В своих странах, раздираемых разногласиями партий, движений, каст и групп, кто же искони был силою не разъединяющей, но объединяющей? Таково по самой сути положение писателей: выразителей национального языка – главной скрепы нации, и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае и национальной души»¹⁸.

Критические замечания Угримова, очевидно, повлияли на то, что Солженицын переработал текст лекции, и через некоторое время представил Александру Александровичу ее второй вариант. Отзыв на эту версию лекции был более кратким, причем от взора критика не ускользнуло то, что, по сути дела, с прошлого раза мало что изменилось. «Да и наивно, наверное, было думать, что может что-нибудь измениться, – размышлял Угримов. – Вы перестроили Ваши полки, некоторые убрали в резерв, другие выставили на передовую линию, видимо, более тщательно замаскировали где-то артиллерию, но знамена и лозунги в общем остались те же» (617). При этом Угримов еще раз подчеркнул: «...мы во многом не единомышленники. Видимо, Вы использовали мой прошлый материал главным образом для того, чтобы убрать все то, что я мог бы “укусить” – кажется, Вы так выразились» (617).

Угримов по-прежнему настаивал, что в таком назначении, как Нобелевская лекция по литературе, этот материал принципиально не может быть зачитан. За исключением, может быть, только нескольких страниц, а некоторые удачные формулировки и фразы могли бы быть использованы в совершенно другом тексте. Свою позицию он пояснял следующим образом: «Нобелевская премия Вам присуждена за литературу, и, кажется, с добавлением – за мужество, проявленное Вами, а вовсе не за те или иные Ваши убеждения, мнения, идеи в области политической, социальной, экономической и т. д., которые их принципиально не касаются, которые они не считают нужным ни в каких случаях, ни по отношению к Вам, ни по отношению к другим людям принимать в расчет. И в этом их принципиальная позиция. А их как раз обвиняют в том, что они пошли на поводу у каких-то политических сил» (618).

При этом Александр Александрович предостерегал Солженицына от того, что в результате может создаться определенное впечатление о том, что писатель воспользовался трибуной для того, чтобы высказать свои политические убеждения, мнения, суждения, критику как в

отношении советской системы, так и в отношении системы, существующей на Западе; что основной темой является не литература, и не русская литература и не литература вообще, и даже не писатель, а именно эти проблемы. «Вам следует ограничиться определенными рамками в пределах лекции действительно по литературе» (618), – убеждал он писателя.

Возможно, предвидя несогласие Солженицына с такой позицией, Угримов предупреждал друга: «Я заранее отмахнусь от Вашего возражения такого порядка: что же, Вы хотите, чтобы я прочел беззубую, ватой начиненную лекцию, чтобы я не сказал то, что мне жжет сердце? Нет, конечно, я этого не хочу. И полагаю, что и в определенных рамках можно так много сказать, а Вам – тем более, касаясь в то же время всего насущного, что о беззубости и ватности не может быть и речи». И, формулируя свою позицию, А. А. Угримов принципиально и жестко заявил: «Ну, а если Вы этого не захотите, не сочтете нужным, то мне по душе лучше никакой лекции, чем такая. <...> Так вот, Вам предстоит решить, быть или не быть этой лекции в таком виде» (618).

Очевидно, этот нелюбезный пассаж в критике единомышленника и заставил Александра Исаевича в первый момент отказаться от подготовки «Нобелевской лекции», о чем он и сообщил в Нобелевский комитет (см.: выше). Однако спустя несколько месяцев он все-таки возвращается к своей нобелиане, и, как мы видим, в окончательном варианте, нет той политической ангажированности, которую столь страстно критиковал Угримов. Это впоследствии признал и сам Солженицын: «В этот раз мне как-то удалось освободить лекцию от избытка публицистики и политики, стянуть её точнее вокруг искусства и, может быть, приблизиться к – ещё никем не определённого и никому не ясного – жанру нобелевской лекции по литературе»¹⁹. На эту жанровую стилистическую особенность обратили внимание и ученые: «Таким образом, – считают Ю. Г. Гуцин и А. Ю. Мусихина, – “Нобелевская лекция” Солженицына по стилю – публицистическая речь, по типу текста – развернутое рассуждение, по жанру – аргументирующая (убеждающая) речь в сочетании с активными элементами агитирующей речи, призывающей к действиям»²⁰. По сути, к такому же выводу приходит и А. Г. Степанов: «Текст Солженицына соединил в себе черты художественного эссе, публицистической статьи и вероучительного трактата»²¹.

Резюмируя общее впечатление от лекции, Угримов приводил образное, но, по всей видимости, обидное для писателя сравнение его работы с классическими блюдами русской кухни – с винегретом или с окрошкой: «Попадают и сочные питательные куски мяса, и свежая редиска, и многое другое, и даже песок, скрежещущий на зубах, и все это плавает в довольно традиционном русском квасе, – живописно представлял солженицынский

текст Угримов. – На этом квасе, что только не было замешано!» (619). Между тем в окончательном варианте инаугурационного текста от «окрошки» не остается и следа. О чертах русской традиционности свидетельствуют лишь любовно взращенные и посеянные писателем в тексте языковые зерна народной мудрости – он трижды приводит пословицы на страницах своей нобелианы.

Исследователи подмечают, что слово Солженицына теперь сближается по экспрессии с поэтическим словом. Его речь уже напоминает «язык богов», «жреческий язык поэзии». «Это – “изображающее слово”, – констатирует А. Г. Степанов. – Высокая риторичность текста и стилистическая осложненность рождает ощущение архаичного и одновременно провиденциального языка, предназначенного для выражения небытовой семантики. Солженицын создает текст очень высокой языковой плотности. Авторская мысль передается в “избыточной” художественной форме, которая не служит декоративным довеском логизированного рассуждения, а сама демонстрирует иррациональную, непредсказуемую сущность искусства»²². Говоря о поэтике «Нобелевской лекции», ученый отмечает, что Солженицын «с первых строк создает плотную фигуративную дискурсию. Текст наполняется развернутыми сравнениями и метафорами, риторическими вопросами, антитезами, инверсиями, повторами, создающими коннотативные пучки в семантическом варьировании мысли»²³.

Завершая спор с писателем, Угримов пишет: «Простите, что из напильника, которым я, видимо, должен быть, я превратился в терку» (619). Но, думается, благодаря в том числе и этой «тёрке» великий писатель снял шероховатости и зацепы текста. «Ошеломленный культурный мир увидит, каким обожженным, каким обокраденным, каким даже растерянным вышел советский человек из горнила и вместе с тем с какой невероятной душевной, духовной силой, с каким удивительным, могучим талантом»²⁴. Именно с таким могучим талантом и пронзительным призывом жить не по лжи прозвучала на весь мир «Нобелевская лекция» Солженицына.

УДК 821.161.1.09+929 Шаламов

«ПРАВЕДНОЕ СЛОВО» БОРИСА ШЕРГИНА

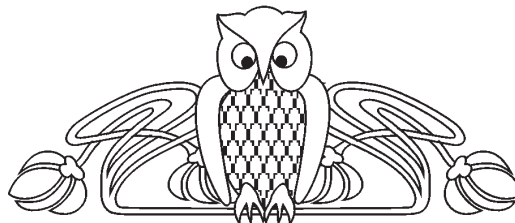
С. В. Кекова, Р. Р. Измайлов

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
E-mail: kekova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности стиля дневников Б. В. Шергина, который сумел сохранить органический синтез живого народного, литературного и церковнославянского языков, позволяющий выявить подлинную «внутрен-

Примечания

- ¹ Солженицын А. Избранное. М., 1991. С. 67.
- ² См.: Гуцин Ю., Мусихина А. «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына (История создания, проблемно-тематические и жанрово-стилистические особенности). URL://http://nobel-centre.com/page/9-konferenciya-sentyabr-27-29-2010 (дата обращения: 27.10.2013); Островский А. Прощание с мифом. М., 2006; Степанов А. Нобелевская лекция Солженицына и Бродского: к поэтике декларативного дискурса // Вестн. ТвГУ. Сер.: Филология (10). 2007. С. 122–129.
- ³ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни. М., 1996. С. 68.
- ⁴ Там же. С. 71.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Солженицын А. Избранное. С. 339.
- ⁷ Островский А. Указ. соч. С. 249.
- ⁸ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 69.
- ⁹ См.: Солженицын А. Всероссийскому Патриарху Пимену // Солженицын А. Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 133–137.
- ¹⁰ См.: Островский А. Указ. соч. С. 250.
- ¹¹ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 71.
- ¹² Там же. С. 495.
- ¹³ Подробнее см.: Варфоломеев Ю. «Ответственный Хранитель»: А. А. Угримов – друг, оппонент и тайный помощник А. И. Солженицына // А. И. Солженицын и русская культура: сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. и сост. проф. Л. Е. Герасимова. Саратов, 2009. С. 71–76.
- ¹⁴ Угримов А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004. С. 617. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- ¹⁵ Степанов А. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁶ Солженицын А. Публицистика. Т.1. С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 75.
- ²⁰ Гуцин Ю., Мусихина А. Указ. соч.
- ²¹ Степанов А. Указ. соч. С. 127.
- ²² Там же. С. 127–128.
- ²³ Там же. С. 128.
- ²⁴ Там же.

нюю форму» русского самосознания, воплощённого в слове.
Ключевые слова: А. И. Солженицын, А. И. Иванов, Б. В. Шергин, праведное слово, синтез литературного, народного и церковно-славянского языков.

«Righteous Word» of Boris Shergin

S. V. Kekova, R. R. Izmailov

In the article the authors analyze specific features of the diary style of B. V. Shergin, who managed to preserve the seamless synthesis of live folk, literary and Church Slavonic languages that allows to identify the true 'inner form' of the Russian self-recognition embedded in the word.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, A. I. Ivanov, B. V. Shergin, righteous word, synthesis of the literary, folk and Church Slavonic languages.

В «Объяснении» к своему «Русскому словарю языкового расширения» Александр Исаевич Солженицын писал: «Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств»¹. Вдохновлял писателя прежде всего «Словарь живого великорусского языка» Владимира Даля. В своих произведениях, как художественных, так и публицистических, Александр Исаевич пытался осуществлять на практике чаемое им «языковое расширение». Сама мысль писателя об оскудении современного языка, утрате огромного пласта лексики, бездумном заимствовании чужеземных слов и словечек, коверкающих родную речь, важна, актуальна, насущна сегодня как никогда. Советский «новояз» выхолащивал «великий и могучий», вытравляя тысячелетнюю языковую память поколений, делая из него «языковой придаток» марксистско-ленинской пропагандистской системы, нуждающейся только в стандартных клише и штампах. Недаром одним из первых деяний большевистской власти была реформа языка. По этому поводу в статье «Наш язык» Вячеслав Иванов с праведным гневом восклицал: «Что же мы видим ныне, в эти дни буйственной слепоты, одержимости и беспамятства? Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом – неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников, как разинское «сарынь на кичку». Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить, свести к насущному, полезному, механически-целесообразному; уже давно его забывают и растеривают – и на добрую половину позабыли и порастеряли. Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземною муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь. Величав и ширококрыл язык наш: как старательно подстригают ему крылья, как шарахаются в сторону от каждого вольного взмаха его памятливых крыл!»²

С тех пор «экология» русского языка не улучшилась, а скорее, наоборот, ухудшилась. Но подлинный русский язык выжил, не канул в небытие. Он сохранён праведниками и подвижниками русского языка.

Александр Исаевич говорил, что не стоит село без праведника. Это действительно так. Но

и город не стоит без праведника, и страна без него не стоит. Их немного, но хватает десяти, по слову Священного Писания, чтобы не истребился город³. Благодаря таким праведникам и устояла Россия на своём фундаменте, не разметали её злые ветры XX столетия, не смыли с лица земли мутные потоки летеиских вод, несущие беспамятство и небытие.

То же самое касается и родного языка, родной речи. Сохранялся чистый родник живого великорусского языка. Были праведники языка, которые не только сохраняли, но и приумножали сокровища русского слова, добывали алмазы родной речи и преображали их в бриллианты литературного слова. Таким хранителем и творцом русского праведного слова был старший современник А. И. Солженицына Борис Викторович Шергин.

Масштаб личности и дарования писателя открылся во всей полноте после того, как были опубликованы его дневники, сначала частично, фрагментарно, а затем полностью (или почти полностью) в 2009 г. отдельной книгой, хотя о полноте говорить ещё рано, так как работа над архивом ещё продолжается. Книга озаглавлена «Праведное солнце»⁴ – это образ из «былины-автобиографии», который относится к матери писателя и ведёт выше, к библейско-церковной символике. Этот дневник, дневник духовный, – удивительное творение сокровенного человеческого сердца: одновременно перед нами исповедь, проповедь и высокое богословие – богословие творения, красоты богозданной и любви. Дневники Шергина должны быть прочитаны и впитаны каждым, кому дорога русская культура и русское слово.

Живым народным словом дышат сокровенные строки дневниковых записей Шергина. Оно светится буквально в каждой записи.

«Во вторник братец срядился в Хотьков, насчёт картошки. И ждал я его непременно в тот же вечер. <...> Так у нас на веку не бывало, и я перепугался до полусмерти. Ночь-ту отгоревал, на рассвете выполз к воротам: тошно дома сидеть. Да как до сутемёнок, уцепясь за калитку, и мёр, ждамши. Домик-от наш на перекрёстке, я так и ел слепыми-то гляделками переулки, тот, да другой, да третий... Домой забежу, взвою, полотенце в рот запахав, чтоб соседи не слышали, да опять метаться к воротам. Случись что в Хотькове, думаю, дали бы знать... Знать, под машину попал... или по дороге сгрибчили... И уж суморок падает... Заодевался бежать на вокзал... А он и стучит в оконце... Час я не мог успокоиться. Сграбился за брателкины ножонки... опять свет увидел, дыханье, жизнь воротилась. Выпугался я, что брателко потерялся... Лишь минутами Богати помнил, завоплю сквозь зубы: Господи-де, поспеши же, Господи, помози же! А Бог-от и не без милости» (219).

Удивительно органично «выпеваётся» народное слово. Чувствуется, что оно не заёмное, свое, естественное. Речь дневниковых записей

меньше всего рассчитана на литературный эффект. Конечно, не без оглядки на потенциального читателя делал записи Шергин, но «оглядка» лежит для него не в пространстве литературных приёмов, стилей и стилизаций, а в сфере смыслов. «...Говор, говор, северный говор. Мысль живая, живая душа дороже всякого говора», – говорил Б. Шергин⁵. Обратим внимание на характерную деталь в приведённом примере. В конце записи сквозь народное слово прорывается церковнославянизм: «Господи, помози». Не причитание, не тревога, а молитвенный вопль становится проводником этого языкового пласта. При обращении к Богу, Богородице, святым Шергин с естественной непосредственностью переходит с народного, просторечного, диалектного на высокий стиль церковнославянского. А при описании красот родного Севера, Подмосковья, монашеских обителей Шергин органично сочетает церковнославянский язык с литературным: «Сегодня с Двинской земли струится тихий, но настойчивый свет. Антоний Сийский – одна из звёзд Севера. Он как северное сияние в ночи. Но и сюда достигает свет его святости. . . Там, на далёком Севере, четырёхста лет назад затеплилась эта свеча неугасимая. Сегодня там праздник. Разорена обитель, но жив Господь, жива святыня, ныне силы небесные тамо невидимо служат. Нет людей, но горят свечи праздничные, озаряя снега и дремучие ели, и скыванные во льдах реки и озёра. Антоний Сийский, благодатный луч северного сияния. Сегодня в день его блаженного успения стремится на Север душа моя, хочет слушать тихость безмолвия ночи. Вот я вижу двинскую Землю в зимнем сне, великие реки, беспредельные леса и озеро, и остров, и как ковчег драгоценный – обитель Антониева. Род сей, в смраде срамно ликующий, не видит света святых. Но тем, кто взыскует онога света, сияет имя Антония Сийского, любо его житие и эти леса, и реки, освящённые его пребыванием, его чудесами» (64).

В дневниковых записях мы часто встречаем цитаты из Священного Писания, из церковных служб, акафистов, молитв. Все они органично вплетаются в ткань размышлений писателя, соединяясь с народным и литературным пластами языка. Шергин, можно сказать, как древнерусский книжник, проверяет свои мысли, чувства, слова высшим словом, идущим от Писания и Церкви. Церковнославянский язык является для него своего рода «правилом веры», «правилом мысли» и «правилом слова». Устоят ли другие слова рядом со священным языком? Те, что устоят, достойны впечатления. Эти слова проходят как бы крещение в животворных водах церковнославянского языка. Так, в дневниковой записи, сделанной 26 августа 1945 г., Шергин, рассуждая о молодости и старости, пишет о себе в модусе «слова народного» (об этом свидетельствуют и лексика, и синтаксис): «Я вот *тепериче* которое сижу, а *которое* лежу, и телешко моё, это вот *костьё*,

мышцы меня, сознание моё не борет: что мне в падали этой. . .» (317). Характерно, что народный колорит проявляется в размышлениях Шергина о своей больной, немощной плоти (Ср. также начало записи: «Я к тому вчера начал, что вот ною всё, тужу, что-де ослаб, отяжелел (может, это и есть остарел?))), но когда писатель говорит о духе, появляется слово церковнославянское. «Я, чуть головой обмогнусь, лечу крылато, *скоропоспешно ово* на Севере на родину милую, *ово* на Радонеж. *Соглядаю*, как Савватий с Германом в карбас, плыть на Соловки садятся, иду по Троицкой дороге: странники проходят: вон золотобородый, не “он” ли? Не сам ли игумен Радонежский? <...> Высший смысл и истинный, насущный и животворящий разум *соглядать* в вещах и явлениях любо мне» (317). Характерно, что в первой части дневниковой записи Шергин употребляет союзное слово «которое» в значении разделительного союза «либо», а во второй мы видим параллелизм синтаксической конструкции с синонимичным союзом «ово», церковнославянским по происхождению.

Под пером Шергина осуществляется то, о чём писал в уже упомянутой статье Вячеслав Иванов: «Велик и прекрасен дар, уготованный Провидением народу нашему в его языке. Достойны удивления богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучие, его звуковая и ритмическая пластика, его прямая, многоместительная, меткая, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода в сочетании и расположении слов, его многострунность в ладе и строе речи, отражающей неуловимые оттенки душевности. <...> Но всего этого мало! Язык, стяжавший столь благодатный удел при самом рождении, был вторично облагодатствован в своем младенчестве таинственным крещением в животворящих струях языка церковно-славянского. Они частично претворили его плоть и духотворно преобразили его душу, его «внутреннюю форму». И вот, он уже не просто дар Божий нам, но как бы дар Божий сугубо и вдвойне, – преисполненный и приумноженный»⁶. Именно такой язык и встречаем мы в дневниках Бориса Шергина.

Для Шергина ни народная диалектная речь, ни церковнославянский язык не являются «музеем». Это живой язык, который творится здесь и сейчас. Язык, как явление духа, вообще не подчиняется законам времени. Он подобен святым, о которых много пишет и размышляет Шергин в своих дневниках: «Я вот толкую: “древние” святые да “новые”. Ближе-де новые. А в народной вере вопроса о древности или современности того или другого святого не существует. На шунах в море кого грызут? многих грызут, а Николу первого. Не плесневеет этот хлеб Церкви. Цвет сей не теряет благоухания. <...> Жизнь святителя Николая на Руси – разительный пример тому, что счисление веков – IV, V... XX – важно только для учебников. А в церкви “древность” и современность сливаются»

ся» (61–62). «Нету “древнего” и “нового” в вере Христовой. Вечно юнеет церковь Христова и всё, что в ней и от неё» (59). Наш литературный язык именно от церкви Христовой и берёт своё начало, от её словесного источника. Не случайно великий лингвист XX в. Николай Трубецкой дал такое определение: «Современный русский литературный язык есть русифицированная и модернизированная форма церковно-славянского языка»⁷. Этим источником и доселе питается наш язык, а оскудевать начинает, когда отходим от источника, т. е. Церкви. Только не язык оскудевает, а наша речь. Пустословен и злоречив становится наш обыденный язык, если мы забываем или отвергаем горный источник словесного существования. Как человек есть образ и подобие Божие, так и слово человеческое есть образ Слова Неизреченного. И как грех искажает в нас этот образ, так и слово наше извращается и испоганивается нашим повреждённым естеством и несёт в мир не «благую весть», а духовную мерзость и языковой смрад. Для Шергина это очевиднейшая вещь, о которой он и свидетельствует в своих записях: «... “Творца видимым и невидимым”. Век сей и мир сей ниже краем уха слышать хотят о существовании мира невидимого. Между тем он и в нас, округ нас. Например, Флоренский учил, что слово – это организм, как бы семя. Говорящий оплодотворяет слушающего-то. В слушающем слово начинает жить. И это отнюдь не аллегория. Это акт таинственной биологии. Разум церкви Христовой знает эту тайну. Учение церкви о Втором лице Святыя Троицы открывает беспредельные глубины сущности слова как Логоса, а соотносительно (дерзну так выразиться) с им первым, вечным Словом, по образу Слова – существа Божественного, живёт и слово, изнашиваемое от разума и сердца человека. Конечно, здесь существует великая разница. Бог Слово есть вечное Добро, творческое Благо, Любовь по существу. Человеческое слово есть также чудо, но оно может исходить и от Зла. И тогда оно породит в воспринимающем недоброе бытие» (484–485).

Органичный синтез литературного, народного и церковнославянского языков являет нам дневник Б. Шергина. Но надо сказать, что это не тот синтез, который осуществил родоначальник современного русского литературного языка. Пушкин осуществил слияние трёх «штилей», сделал словесный сплав. Слово же Шергина скорее продолжает ломоносовскую традицию. Его синтез осуществлён по основополагающему бытийному принципу «нераздельно и неслиянно». Автор одного из лучших исследований творчества писателя Е. Галимова в книге «Земля и небо Бориса Шергина» пишет: «На протяжении веков на Руси языковое различие между бытовым, земным, материальным, с одной стороны, и возвышенно-духовным, небесным – с другой, складывалось постепенно, естественно и закономерно... Языку бытовому, разговорному, а тем

более просторечному всегда соответствовала и бытовая, обыденная, сниженная сфера применения. Образно говоря, если церковнославянский язык был горным языком, то русский разговорный, просторечный – дольным. Эта иерархия отразилась и на всём укладе русской жизни, и на самом смысле её. И Шергин, так ценивший мудрую иерархичность мироустройства, всегда относился и к языковой иерархии бережно и почтительно. В дневнике писателя за 1953 год есть такая запись: “Северный человек, почитая церковь “земным небом”, считает, что здесь всё должно быть не такое, как в сем мире. И глаза и ухо должны видеть и слышать “пренебесное”, надмирное, высокое”»⁸.

Церковнославянский язык «кенотически» нисходит в речь народную, смиренно становится рядом с народной этимологией, синтаксическими оборотами. Ярко это проявляется в духовной народной поэзии. Шергинские записи часто строятся по законам, созданным такой поэзией, хотя текст его и прозаический: «Он, свет-псалмопевец, прадедко Христов, рано вставал, до зорь запоёт, правнука-то своего предвечного предчувствует, радуется, говорит ему: Утренюет дух мой ко храму святому Твоему. Се тьма и рано... А царские гусли уж звенят: царь Давид воскладает своя вещая персты на живые струны. Они же сами князем славу рокотаху, старому Ярославу, вещему Мстиславу, сиречь Ветхому вельми Отцу, и Христу, отмстившему сатане за человека» (211). Да и проза ли это, если здесь и народная поэзия, и стихи псалма, и строки «Слова о полку Игореве»? И всё звучит единым, соборным аккордом без малейшей фальши.

В своём «кенозисе» церковнославянский язык, становясь частью речи народной (повторим, нераздельно и неслиянно), как бы вспоминает свой древнейший первоисточник. Священное Писание изначально было изустным, т. е. было оно Священным Откровением, но ещё не Писанием. Это касается Ветхого Завета. Но и проповедь Самого Иисуса Христа была устной, Он ничего не писал. Сам язык Его проповеди вообще не имел письменной формы. Арамейский язык – это разговорный язык Иудеи того времени. Можно сказать, что язык пророков и Господа Иисуса Христа – это живая народная речь. Церковнославянский язык через греческий, а тот в свою очередь через арамейский и древнееврейский несёт в себе родовую память. Этот язык, в силу своей боговдохновенности и богооткровенности став голосом Русской православной церкви не гнушается живого народного языка. Входя в него, он небо опускает на землю и землю поднимает в небеса. Из этого «духовного брака» появляются удивительные словесные плоды, которыми щедро делится с нами Б. Шергин. Достойными бы нам быть этого дара. Сохранить бы его и приумножить.

«...Люблю слушать шестопсалмы. В строфах тех всегда, что тебе в данную минуту на-

добно, найдёшь. И от последнего отчаяния вопль Давыдов так ко времени и к месту всегда придётся. Кардиолог, скажем, мира сего установит, в чём твоё нездоровье, порошки пропишет, микстуру... Группу тебе дадут инвалидну... У Господа Жизнодавца, у живых, у сынов света не так. На них, на “бедных Макаров шишки пуще всего валятся”. Они, бедные, Давыдовыми устами и вопят Богу: “слякохся (скорчился) изнемогах, уж не плачу, а “рыкаю” от скорби... аду жизнь приблизилась, дыханье исчезло... сердце смятется, <...> от всех я брошен; доколе будешь воротить Лице свое от меня? Над мёртвым надо мной хочешь, видно, чудеса творить... Уж до последнего отчаянья видно, что доведён человек, с Богом эдак-то судится, к Богу кричит... И вот эти речи иные великие речи покрывают. Величайшие словеса веры, надеяния и любви к Богу. В шестопсалмии сын с Отцом бранится. Сын-от обидится, высчитывает, кидает обиды Отцу... А Отец молчит: наревится-де, наругается, бедной, вспомнит и добро Отцово... И действительно, откатится у блудного-то сына обида, опомнится, кинется к Отцу-то “Батюшка, прости!” И обнимутся, и заплачут оба... Шестопсалмие – вопль двух любящих. Тварь наскакивает на Создавшего, вопит на него: “до чего де меня довёл...” И тут же, подряд с бранью, унимается и воркует... Это: Отец-от в объятья схватил поскорее горькое своё дитище, в “объятья Отча”... Хорошо, любо у такого тятеньки в охапке пребывать! Сей наш, мой и твой тятенька, иже прибежище бысть нам в род и род. Мы его рода-фамилии. А фамилия Отцу-то: Вечный, Всеблагий, Всеведущий, Всеправедный, Всемогущий, Вездесущий, Неизменяемый, Всеудовольный, Всеблаженный. Хвалим Тя, благословим Тя, славословим Тя, благодарим Тя за славу Твою, за сияние Твое, за слово Отчее... Ты, Отец Вседержитель, не сниде на землю, но послал сияние Твое. Свет Твой тихий с нами до скончания века» (315).

Творческое наследие Бориса Шергина – это Китеж-град, который вновь вышел из волн и ещё ждёт своего исследователя, но главное – читателя. Автор биографического очерка А. В. Грунтовский писал: «Среди всех своих ровесников поэтов серебряного века Шергин, быть может, самый русский, традиционный и, как истинному поэту и должно, – не понятый доселе. Но уж пора... Шергину-прозаику, автору рассказов и былей повезло больше. Шергину-мыслителю – и вовсе была не судьба...»⁹ Может, уже судьба?

Примечания

- ¹ *Солженицын А.* Русский словарь языкового расширения. М., 2000. С. 3.
- ² *Иванов А.* Наш язык // Иванов А. Родное и Вселенское. М., 1994. С. 398.
- ³ «И сказал Господь : вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма ; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю. И обратились мужи оттуда и пошли в Содом ; Авраам же еще стоял пред лицом Господа. И подошел Авраам и сказал : неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников, в нем? не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым ; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно? Господь сказал : если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие. Авраам сказал в ответ : вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел : может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал : не истреблю, если найду там сорок пять. Авраам продолжал говорить с Ним и сказал : может быть, найдется там сорок? Он сказал: не сделаю того и ради сорока. И сказал Авраам: да не прогневается Владыка, что я буду говорить : может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать. Авраам сказал : вот, я решился говорить Владыке : может быть, найдется там двадцать? Он сказал : не истреблю ради двадцати. Авраам сказал : да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды : может быть, найдется там десять? Он сказал : не истреблю ради десяти» (Бытие 18:20-32).
- ⁴ *Шергин Б.* Праведное солнце. Дневники разных лет. СПб., 2009. Все цитаты Б. Шергина даются по этому изданию с указанием в скобках номера страницы.
- ⁵ *Коваль Ю.* Веселье сердечное (Воспоминания о Б. В. Шергине) // Коваль Ю. Опасайтесь лысых и усах. М., 1993. С. 268–297.
- ⁶ *Иванов А.* Наш язык. С. 396.
- ⁷ *Трубецкой Н.* Общеславянский элемент в русской культуре. Цит. по: *Жеравлёв В.* Русский язык и русский характер. М., 2002. С. 9.
- ⁸ *Галимова Е.* Земля и небо Бориса Шергина. Архангельск, 2007. С. 102.
- ⁹ *Грунтовский А.* Праведное солнце. (Биографический очерк) // Шергин Б. Праведное солнце. СПб., 2009. С. 26.

УДК 821.161.1.09+929Шаламов

ПИСАТЕЛИ О ПИСАТЕЛЕ: ЛИЧНОСТЬ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

И. В. Некрасова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru

В статье анализируются два произведения русской литературы – рассказ Ирины Полянской «Тихая комната» и повесть Евгения Фёдорова «Жареный петух», которые с разной степенью точности и глубины связаны с рецепцией личности Варлама Тихоновича Шаламова.

Ключевые слова: рецепция личности, шаламовский контекст, оксюморонность, колымская эпопея.

Writers About a Writer: Personality of Varlam Shalamov in the Works of Modern Authors

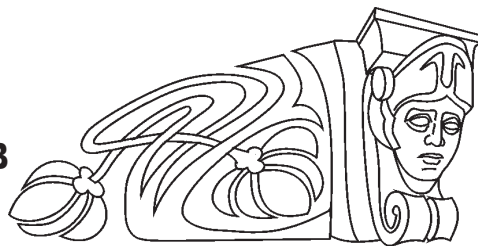
I. V. Nekrasova

The article analyzes two works of the Russian literature – a short story by Irina Polyanskaya «A Quiet Room» and a short novel by Evgeny Fyodorov «Fried Rooster», which are related to the concept of V. T. Shalamov's personality to a different degree of precision and depth.

Key words: perception of personality, Shalamov's context, oxymoron quality, Kolyma epic.

В нашем литературоведении достаточно подробно разработана проблема непростых взаимоотношений двух титанов «лагерной» прозы – Александра Солженицына и Варлама Шаламова. Интерес к этим незаурядным личностям привлекает исследователей уже не одно десятилетие. Но в сегодняшнем сообщении мы остановимся на иной проблеме. Нас заинтересовала рецепция личности Варлама Тихоновича Шаламова в художественных текстах – там, где автор даёт простор своей фантазии, где он имеет право на вымысел, а также в определённой мере на фактическую и психологическую неточность. Например, интересен своим плотным шаламовским контекстом рассказ Густава Герлинг-Грудзинского «Клеймо. Последний колымский рассказ»¹. Опубликованный на сайте «Проза» рассказ Амаяка Тер-Абрамянца «Шаламов»² повествует о последних днях писателя.

В центре нашего внимания – произведения двух авторов: Ирины Полянской и Евгения Фёдорова. Они неслучайно обратились к личности Варлама Шаламова: Евг. Фёдоров – сам «сиделец», участник антисталинского молодёжного «Кружка Кузьмы» на историческом факультете МГУ, был арестован и осуждён в 1949 г. И. Полянская родилась в «шарашке» в семье репрессированных.

Рецепция в контексте статьи будет толковаться как субъективное, неповторимое восприятие личности художника художником.

Рассказ И. Полянской «Тихая комната» был напечатан в третьем номере «Нового мира» в 1995 г.³ В нём ни разу не поименован главный персонаж – человек творческий, пишущий, прошедший гулаговский ад. Но каждому, кто знает прозу и поэзию Варлама Тихоновича, ясно, что рассказ – о нём.

И. Полянская формулирует своё представление о персонаже: «Если попытаться свести в один общий портрет черты его облика, отпечатавшиеся в памяти знавших его людей, то поневоле подумаешь, что дьявольские силы, исковеркавшие его судьбу, исправно поработали и здесь, над размышлением его личности и человеческой физиономии, с тем чтобы оставить потомкам смутное, зыбкое, как бы всё время убывающее на наших глазах изображение, стёртое, как у заключённых на картине Ван Гога» (46). В рассказе автор выбирает доверительную повествовательную интонацию, будто беседует с кем-то, вспоминает свою воображаемую встречу с героем: «Впрочем, он совсем не старик...» (45). Первая фраза – очень шаламовская. Он часто начинал свои рассказы так же – «с места в карьер», без экивоков (достаточно вспомнить первые предложения рассказов «На представку», «Ночью», «Одиночный замер» и др.). Да и весь текст «Тихой комнаты» наполнен отсылками и реминисценциями к творчеству Шаламова, к его этической и эстетической позиции, к кругу его общения.

Не названа, но узнаваема в контексте рассказа Ирина Павловна Сиротинская, близкий друг, соратник, правопреемник Варлама Тихоновича. Сама Полянская в одном интервью призналась, что «нашла и опросила нескольких людей, близко знавших Шаламова, и в результате этих изысканий собрала кое-какой материал. В итоге родился рассказ об этой комнате, построенный на свидетельствах очевидцев»⁴. Несомненно, что автор рассказа не только разговаривала с Ириной Павловной, но и познакомилась с её публикацией «О Варламе Шаламове»⁵. Очевидна содержательная и даже текстовая переключка. Сравним: у И. Сиротинской Варлам Тихонович назван «викингом», «высоким, широкоплечим, большим»⁶; упомянутая в рассказе Полянской «другая женщина» отметила, что «у него была поразительная осанка...» (47). От неё же автор узнала, что Варлам Тихонович «с возмущением рассказывал <...>, как однажды

парикмахер, с сомнением на него покосившись, заметил ему, что салон у них первоклассный и что стрижка будет стоить два рубля» (53). Эта цитата практически совпадает с эпизодом «Паблсити» в воспоминаниях Ирины Павловны⁷. Эпизод с походом в театр Ю. Любимова в «Тихой комнате» сопоставляется с главкой «Театр на Таганке» в «Долгих, долгих годах бесед»⁸.

Уже в начале рассказа Полянской – обращение к любимому Шаламовым Пастернаку: «...Он стоял, прислонясь к дверному косяку. Это был его собственный дверной косяк, и он мог простоять, прислонившись к нему, хоть до следующего утра» (46); даётся характеристика их переписки: «Эти письма особенно прекрасны – письма поэта к поэту, плывущие над нами, как величавые облака...» (54). На этот момент также обращает внимание И. Сиротинская: «В его любви к Пастернаку было что-то умственное, если можно так сказать <...>. Это было профессиональным восхищением поэта»⁹. Полянская приводит фразу из письма героя своему другу: «Я очень хотел сделать из Пастернака пророка, но ничего путного не получилось» (51). В воспоминаниях Ирины Павловны – чуть иначе: «В одном из писем (к Г. Г. Демидову) В. Т. написал высокомерные слова: “Я хотел сделать из него пророка, но это мне не удалось”¹⁰. Почему автор рассказа чуть изменила подлинный текст? В «Тихой комнате» приведён интересный разбор переименованного предложения: «...Пастернак, перед которым он когда-то преклонялся, выступает здесь в роли дополнения, это не столько имя собственное, сколько обозначение некоего обобщающего принципа; а вот “пророк”, напротив, выступает как имя собственное, пафос которого снимается последующим безличным глаголом “не получилось” и определением, взятым напрокат из ненавистного ему иронического ряда, “ничего путного”. Смущённо, скомканно, заслонясь от самого себя “Пастернаком”, он пытается в этой фразе передать суть своего расхождения с поэтом, стихи (стихия) которого когда-то были (была) его воздухом...» (51). Итак, Полянская изменяет фразу из настоящего письма В. Шаламова сугубо в своих – художественных – целях. Ей необходимо было показать принципиальную разницу творческих составляющих двух замечательных художников, а Ирина Павловна говорит о неколебимости этических принципов Варлама Тихоновича, о его осуждении позиции Пастернака по поводу Нобелевской премии. «Бедный, он не думал, что и ему суждено испытать судьбу свергнутого живого Будды (имеется в виду Б. Пастернак. – И. Н.), пусть не столь шумную»¹¹, – пишет Сиротинская.

Автор «Тихой комнаты» демонстрирует хорошее знание художественного и публицистического наследия Шаламова, она представляет в рассказе практически парафраз шаламовских принципов: «...с человека слетает, как сухая листва с дерева,

двадцать веков цивилизации и он превращается в голодного, угрюмого, злого зверя, подстерегающего такого же зверя...» (49).

И. Полянская показывает значительность для своего героя немудрящего быта и безграничность его любви к книгам. Именно эти моменты не раз подчёркивались мемуаристами Варлама Тихоновича. Обретение своего собственного угла и его обустройство были для него настоящим счастьем. У Полянской читаем: «Он рассматривал стены первого в своей жизни жилища <...>, гладил и ощупывал их чуткими пальцами, как любящий муж ощупывает чрево своей беременной жены. Выражение его рук было музыкальным» (46).

Обратим внимание на то, с какой почтительностью и искренностью автор живописует будни своего персонажа. Отмечая «благородство черт и экономность движений» героя, Полянская пишет: «...Каждая прожитая им минута теперь была пронизана бытом, совсем другие предметы и знаки должны быть развешаны на подвижных крюках улетающих в вечность мгновений – например, доспехи воина, астролябия или древние папирусы учёного, но уж никак не картофель или брюква, которые он, бережно ощупывая, сварливо прицениваясь к ним, покупает на рынке, не помойное ведро, которое он раз в три дня выносит во двор с особым чувством собственника, наживающего какой-никакой мусор, и не витая тесёмочка, на которой он остановил свой выбор, после того как дотошно обследовал близлежащий галантерейный магазин» (45). Это же ощущение собственника связано и с книгами, ведь «в лагере он был отлучён не только от книг, но и от своей памяти о них. Последними догорали в нём стихотворения <...>, они исчезали построчно, будто стихи обугливались по краям, сгорая». С окончанием срока он «полюбил случайные библиотеки своих квартирных хозяев <...>. Постепенно и он сам начал прикупать книги...» (50). Удивительно точно автор «Тихой комнаты» подмечает, что даже приговление героем его неповторимого «супчика» становилось маркёром, приметой личной независимости: «“Супчик” был составной частью свободы, омывающей его теперь со всех сторон...» (52).

Наконец, И. Полянская уловила, восприняла в колымской эпопее один важный стилиевой и содержательный момент. В прозе Шаламова исследователями давно замечено противоречие, в основе которого – несоответствие манеры, пафоса, «тональности» повествования и сути описываемого. Этот художественный приём адекватен тому шаламовскому лагерному миру, все ценности в котором буквально перевёрнуты.

Характерно для художника патетически возвышенное описание обыденных событий и фактов, например приёма пищи. Грандиозна и величественна увиденная повествователем во сне банка гущённого молока, сравненная им с ночным небом. «Молоко просачивалось и текло широкой струёй Млечного Пути. И легко доставал

я руками до неба и ел густое, сладкое, звёздное молоко» («Сгущённое молоко»)¹². Не только сравнение, но и инверсия («и легко доставал я») помогают здесь созданию торжественного пафоса.

В рассказе И. Полянской сходными приёмами, вплоть до инверсии, передано примерно то же ощущение героя: «Батоны, булки, буханки, ватрушки, бублики косяком плыли сквозь человеческое небо в небеса, к которым тянулись всходы будущего каравая» (47).

Этот пример – один из многих, позволяющих говорить о соотносимости поэтики шаламовской прозы и художественных приёмов И. Полянской. Она часто использует свежие и яркие сравнения, эпитеты, повторы, олицетворения, так активно применяемые в колымской эпопее.

У Шаламова «камень, уступавший, побеждённый, униженный, обещал ничего не забывать, обещал ждать и беречь тайну» («По лендлизу»)¹³; деревья в его рассказах кричат («Посылка»)¹⁴, а умирая, падают навзничь («Последний бой майора Пугачёва»)¹⁵; ящики посылок – «едва живые от многомесячного путешествия» («Посылка»)¹⁶.

В рассказе И. Полянской находим подобные черты стиля. Например, олицетворение неживого мира («Растерянные работники библиотек <...> снимали с полок очередные провинившиеся фолианты» (50); «...Выдохлись все краски и умерли оттенки...» (50); «Каждый овощ дышал уверенностью в себе и могуществом...» (52); «Этот туго спелёнатый бесконечной мыслью гастрономический мир стоусто пел...» (52)). Встречаются сравнения, метафоры, повторы слов: «...»тихая»... «тихая»... «тихая»... «Я получил тихую комнату» – этим тихим словам, как погребальному эху, и суждено было улететь в так называемую вечность» (54); «...Со временем мир вокруг него начал постепенно стихать, и в тихую комнату он вошёл почти глухим, глухим» (54).

Безграничное уважение и искренность по отношению к своему герою, восприятие и понимание его творчества не только на содержательном, но и на художественном, и эмоциональном уровнях – так можно определить авторскую позицию в рассказе «Тихая комната».

Первая публикация повести Евгения Фёдорова «Жареный петух» состоялась в журнале «Нева»¹⁷. Затем это произведение в составе других («Илиада жизни Васяева, 1949», «Одиссея») вошло в цикл «Бунт» и не раз было переиздано. Здесь испробована ставшая заметной в новейшей русской литературе тенденция «новой документальности». Во всех «лагерных» произведениях Евг. Фёдорова проявляются такие черты его индивидуального стиля, как ирония, сарказм, стёб, привлечение мощного литературного и философского контекста, использование ненормативной лексики и пр. В «Поэме о первой любви» читаем: «Лагерь мне поставил горячий, страстный пистон <...>. Унижения, беспросветная жуть, а я, молоденький мальчишка, я моложе других, много моложе <...>.

Лагерь истоптал меня крепко!»¹⁸. Здесь имя Варлама Шаламова лишь упоминается, а в «Жареном петухе» он один из ярких персонажей, хотя с ним в повести связан практически один эпизод.

Герой – биографически и эмоционально близкий автору бывший студент Витька Щеглов – рассказывает о своей будто бы реальной встрече с писателем Варламом Шаламовым: «Однажды в жаркий летний день, роняя на оленя тень, глухой Шаламов, ныне уже покойник <...> назойливо заведясь, изъявил желание услышать «о самом страшном, что пришлось вкусить в лагере: – И чтобы без понта! И чтобы без журфикса!»» (47).

Герой начинает размышлять о различиях лагерей, о страшной Колыме Шаламова, о том, что «Колымские рассказы» «аккуратно и наповал» «ухайдакали его», а Варлама Тихоновича называет «страдальцем и страстотерпцем». И это признание дано на фоне многословной ёрнической характеристики александрийского маяка: «Без такого маяка, едрёна вошь, запросто потеряешь верный ориентир, заколобродишься в кромешных потёмках, налетишь на скалу и – буль-буль, пошёл ко дну, потонул, только этим самым, что мои греки называли фаллос, болтанул, поминай, как звали...» (49). Такая контрастная повествовательная манера Евг. Фёдорова проявляется буквально на каждой странице повести.

Вообще контраст, оппозиционность, оксюмороны, так свойственные поэтике прозы Варлама Шаламова, отразились и у Фёдорова, причём на разных уровнях. Это и противоречивая авторская позиция, и контрастность стиля, и противопоставление временных пластов.

Из иных черт поэтики, воспринятых Фёдоровым у Шаламова, отметим внимание к яркой детали, иногда «подсаженной» (выражение Варлама Тихоновича). В «Жареном петухе» эту роль выполняет новая шапка-ушанка рассказчика: «В тот вечер я расстался с Шаламовым сухо, а он, уходя, как назло, надел мою новую ушанку, а свою, старую, с пролысынами, оставил на вешалке...» (51). Непонимание, возникшее между рассказчиком и Шаламовым, воплотилось в этом казусе перепутанных головных уборов.

Это непонимание связано с тем, что в центре «шаламовского» эпизода у Фёдорова – вопросы, которыми не раз задавались многие: как соотносится «правда» Солженицына с «правдой» Шаламова. Герой-рассказчик преклоняется перед Солженицыным, восхищён Иваном Денисовичем, считая, что «Иван Денисович в сто и тысячу раз лучше и правдивее всего того, что вы, Варлам Тихонович, написали и напишете. Это у вас, дорогой мой писатель, все неправда, литература, журфикс. Пляска смерти, эстетика ужасов, безвкусице, нагнетаете ужасы, а лагерь не такой, как у вас, а точь-в-точь, как у великого Солженицына. Я сам с усами, нюхал порох, кровь мешками проливал, клопов кормил!» (52).

Но герой сдержался и «не брякнул». В другой временной системе координат, когда Шаламова уже не было в живых, герой признался: «Я бесконечно рад, что не дал воли мутным чувствам, душившим меня. Шаламов – редкостный старик, самоотверженный служитель пера, и на нем больше, чем на ком-либо, почил святой дух диссидентства. Это истинный бессребреник, восьмое чудо света, и я вполне искренне считаю, что он занимает первое место в моей коллекции выдающихся умов» (52).

Итак, в повести «Жареный петух» Евг. Фёдоров признал исключительность не только шаламовского опыта и художественного наследия, но и шаламовской ЛИЧНОСТИ. Варлам Тихонович был разочарован в человеческой породе – это шокирует. Но в его отрицании проявился этический максимализм, стремление к нравственному абсолюту, к подлинному человеческому достоинству.

Новые обращения к восприятию, к пониманию личности Шаламова необходимы сегодня как донорская кровь. Об этом говорил и сам Варлам Тихонович:

Поэт – не врач, он только донор,
Живую жертвующий кровь.
И в этом долг его и гонор,
И к человечеству любовь¹⁹.

Примечания

¹ См.: Герлинг-Грудзинский Г. Клеймо. Последний колымский рассказ // Иностранная литература. 1996. № 4. С. 171–174.

² См.: Тер-Абрамянц А. Шаламов. URL: <http://www.proza.ru/2013/09/26/1796> (дата обращения: 10.11.2013).

³ Полянская И. Тихая комната // Новый мир. 1995. № 3. С. 45–54. Далее рассказ цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Полянская И. Литература – это послание // Вопросы литературы. 2002. № 1. С. 79.

⁵ См.: Сиротинская И. О Варламе Шаламове // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 103–112.

⁶ Сиротинская И. Мой друг Варлам Шаламов. М., 2006. С. 8.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Шаламов В. Воскрешение лиственницы : Рассказы : в 2 кн. Кн. 1. М., 1990. С. 70–71.

¹³ Шаламов В. Левый берег. М., 1989. С. 436.

¹⁴ См.: Шаламов В. Воскрешение лиственницы. Кн. 1. С. 21.

¹⁵ См.: Шаламов В. Левый берег. С. 403.

¹⁶ Шаламов В. Воскрешение лиственницы. Кн. 1. С. 21.

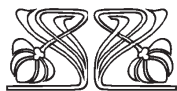
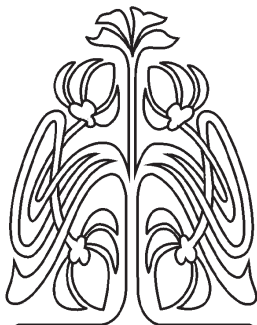
¹⁷ См.: Фёдоров Е. Жареный петух // Нева. 1990. № 9. С. 5–89. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

¹⁸ Фёдоров Е. Поэма о первой любви. Исповедь бывшего диссидента // Континент. 2002. № 117. С. 24.

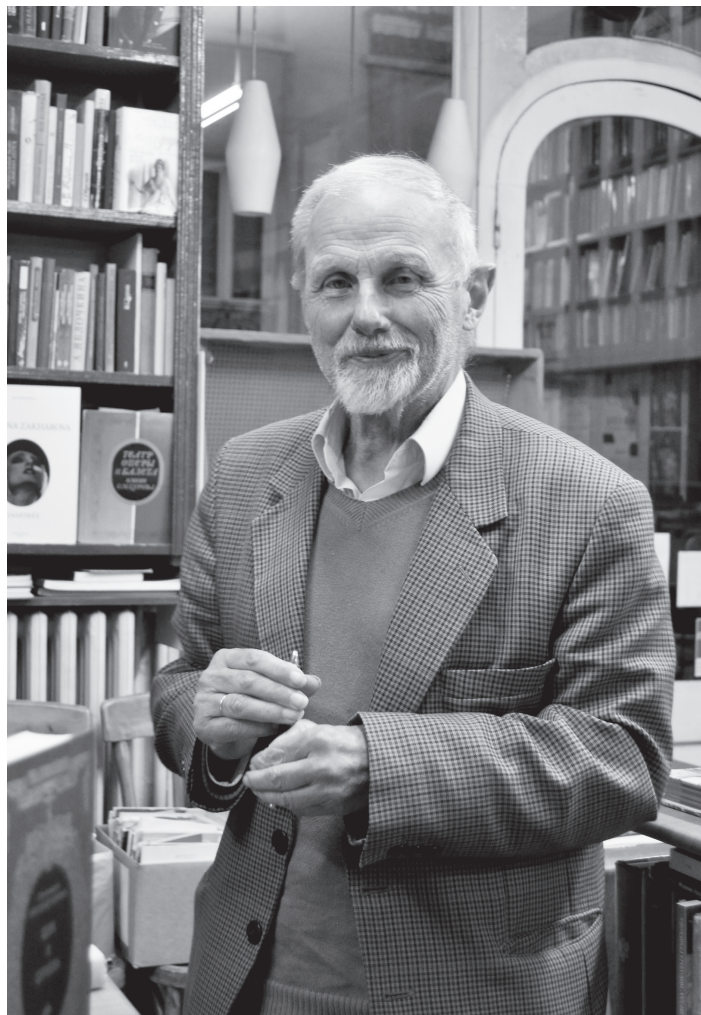
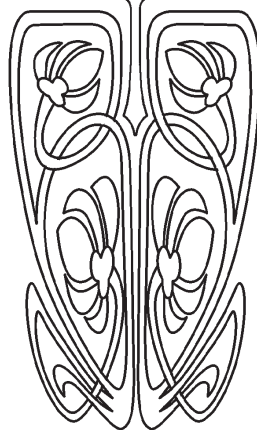
¹⁹ Шаламов В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. Стихотворения. М., 1998. С. 169.

ПУБЛИКАЦИИ

ПУБЛИКАЦИИ

Н. А. Струве в издательстве YMCA-Press (Париж), 12 нояб. 2013 г.
Фото М. Ковалевой

ИНТЕРВЬЮ С Н. А. СТРУВЕ

К 50-летию первой публикации «Крохоток» А. И. Солженицына (Париж, 12 ноября 2013 года)

– Никита Алексеевич, меня интересует, прежде всего, именно Ваше видение «Крохоток» А. И. Солженицына. Когда Вы впервые прочли первый цикл крохотных рассказов?

– Не помню, в 1964 году¹ я их прочел или нет, – это мне трудно сказать. Но я их перечитывал несколько раз, поскольку это вещь для перечитывания. Открытие же Солженицына у меня было от его главной вещи – «Одного дня Ивана Денисовича», но и от «Матрёнинного двора» – это как и у всех в России было и, полагаю, почти у всех на Западе. И даже во Франции все-таки «Один день Ивана Денисовича» очень многих более или менее честных, более или менее путающихся

в коммунизме – интеллектуалов-коммунистов обратил. «Матрёнин двор» – то же самое, но уже в религиозном измерении. Почти все сказано в двух этих первых рассказах, которые сделали его знаменитым писателем. Так что «Крохотки» я прочитал, думаю, позже.

– После знакомства с Александром Исаевичем Вы стали «Крохотки» читать иначе? В новом свете?

– Для меня первая «Крохотка» – «Дыхание» – очень соединилась с одним эпизодом. В 1974 году, когда Солженицын приехал ко мне, я его увидел утром в саду в том состоянии, которое описано в «Дыхании»: он был и не был в каком-то смысле. И он, очевидно, переживал это состояние неоднократно. Но тут, стоя в саду, он целиком в это ушел. И я понял, что то, что я видел из окна, что видел в саду – со спины, – было просто как иллюстрация к «Дыханию». Удивительно в Солженицыне, что написанное им – это абсолютно им пережитое. Всё его творчество едино – это вся его жизнь.

– В беседе о русской литературе в свете современности, опубликованной в книге «Православие и культура», Вы заметили: «Самое высокое искусство – это то, которое постигает действительность во всем её измерении от преисподней до самого неба!» Как мне кажется, и «Крохотки» – это высокое искусство. Доступные и школьнику, они более опытному человеку открываются в большей глубине и устремленности в небо. В чём причина такой универсальности «Крохоток»?

– У Солженицына была универсальность в изучении и русской истории, и русских людей. Действительно, в «Крохотках» отражается что-то глубокое, целостное, природное – весь размер человечности. Солженицын в них одновременно необычайно глубок и чем-то прост. Они – это маленький отдых от себя и о себе.

– Вы уже отметили, что перечитываете «Крохотки». Почему? В чём их художественная сила?

– Я их перечитываю, как перечитывают стихи. «Крохотки» не похожи на остальное его творчество, обильное и пространное. «Крохотки» – это нечто поэтическое у Солженицына. Поэзия-то почти всюду присутствует в его романах, не только история. Поэзия – дыхание. И знаменательно то, что первая «Крохотка» – именно «Дыхание». Но Солженицын не владел стихотворным искусством: он не поэт в своих стихах. Я бы некоторые его стихи перевёл в «Крохотки». Поэму «Дороженьку» он писал наизусть – это была вынужденная поэзия. И потом, у него не было настоящей поэтической культуры, во всяком случае, на тот момент, когда он был в лагере. Может быть, он и до конца не овладел современной поэтической культурой по-настоящему. А Наталия Дмитриевна этим жила, как и мы жили стихами Мандельштама, Пастернака. И «Крохотки», я думаю, имеют качество стихов в прозе. Кстати, в них есть интуиция: ведь проза и была делом Солженицына. После всей плеяды

русских и мировых поэтов рифмованные стихи изжили себя. А возродятся ли? Не знаю. Пушкин писал: «Четырехстопный ямб мне надоел: им пишет всякий...». Амфибрахиями и анапестами тоже писали всякие.

– А Александр Исаевич освежал язык? В чём особенность его речи? Стиля?

– Прежде всего, у Солженицына удивительный язык. Он понимал, думаю, нутряно понимал, что нельзя писать по-тургеневски или изошренно по Белому. Я думаю так. Мы это специально не обсуждали. Хотя общались много. О стиле я, может быть, не умел спросить. А возможно, того и не хотел. Ему нужен был отдых, роздых от собственного творчества, ведь он весь день писал.

– Все переводы «Крохоток» на французский – это несколько сделанных Вами и один – супругой Ж. Нива? Почему никто не брался за них в целом?

– Переводить Солженицына вообще трудно. Я переводил Солженицына немного, но переводил. Выбирал главы, которые меня больше всего интересовали, или, скорее, больше мне говорили. Трудно переводить вообще, но особенно, когда такой сконцентрированный язык, как в «Крохотках». Он и прост, однако во многом нов: «многострадная» – так никто не говорит, даже не пишет. В «ошеломлении нынешнем»... (читает глазами крохотку «Молитва» из второго цикла) дальше – легче. Мною, например, может быть, до сих пор ощущается трудность его литературной речи. Крохотные рассказы очень нелегко переводить на французский. Само слово «крохотки» – сейчас я думаю над ним – оно непереводаемо. Обсуждали это и на парижской конференции, по которой издали книгу «Феномен Солженицына». Эти рассказы – «крохотки» по отношению к тому огромному, что он писал. Вообще, никто из переводчиков не может быть удовлетворен своим переводом. Наоборот, это страшно неблагодарный труд. Хотя отчасти это позволяет войти в язык и, может быть, даже в дух.

– Как бы Вы могли определить жанровые особенности «Крохоток»?

– Удивительно, что в большой русской литературе, в общем, этот жанр не известен. Есть у И. С. Тургенева стихотворения в прозе, но там нет такой силы, подобранности этой, хотя они чем-то трогательны. Я их тоже перечитываю. Как раз перечитывал, чтобы сравнить с «Крохотками». А «Крохотки» всё-таки звучат необычайно сильно. Хотя и не все: никогда не бывает всё на одном уровне, и каждому что-то ближе. Но, в общем, это новое литературное слово, ведь жанра крохоток не существует. А что делает, на мой взгляд, Солженицына бессмертным, великим писателем, это (конечно, язык, но и ещё) то, что он был способен на огромную форму. Он вообще все формы исполнил: рассказы, двучастные рассказы, крохотки... да и единственное, чего у него нет в творчестве, – это роман, или «только роман». «Только романа» у него нет, потому что Солженицын – это что-то

большее. Насколько он принадлежит эпохе, настолько принадлежит какой-то глубине, притом – все исторично, все подлинно. Всё это свидетельствует о солженицынской многообразности и вместе с тем единстве.

– *Никита Алексеевич, ведь если «Крохотки» – отдых, то он был нужен всегда. Как Вам кажется, почему для Солженицына невозможно было писать крохотные рассказы в Вермонте, как он сказал: «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог...»?*²

– Я думаю, что это – подлинность. Ему нужен был контакт с русской деревней, именно русской, им пережитой. А в Вермонте было невозможно их писать, может быть, потому что это была для Солженицына граница именно в природе, которая Солженицыну недостаточно говорила. Вермонт был ему всегда, несмотря на красоту, чужд. У него нет лирики Вермонта. Интимных моментов с той природой я не помню: он не узнавал себя в ней. И мы с Александром Исаевичем там сравнительно мало гуляли, отчасти по той причине, что ему не хотелось быть слишком замеченным, но не только. К слову, между французской и русской природой есть сходство, хотя русская природа абсолютно уникальна. Я знаю больше всего Подмосковье, люблю всё, что на юге от Москвы, немножко и на севере. А вермонтская природа – яркая, сильная, броская и, скажем, в птицах – очень шумная. Ничего такого располагающего к медитации нет. И вообще, вся Америка немножко такая сильная, и в своих городах, и в своей природе. Я её не всю знаю, может быть, там есть какие-нибудь районы более мягкие.

– *Что объединяет крохотные рассказы в циклы, что составляет их стержень?*

– Теоретически непреднамеренно (хотя циклы, конечно, построены) и первый, и второй завершаются «Молитвами». Я думаю, что это немного тайнопись. Но Солженицын всё-таки удивительный литературный архитектор. Эти три тома «Архипелага...» Это всё невероятно построено, хотя и кажется непостроенным. И здесь, я думаю, не случайно, что он закончил «Молитвами». Он же помнил свой первый цикл. Первая молитва – это о нём самом, а вторая о России. Первая сконцентрирована на себе, но он ведь себя идентифицировал с Россией. И это естественно, потому что так пострадал. Эта идентификация себя с Россией от перенесённого страдания видна, например, и у А. А. Ахматовой³. Конечно, первые «Крохотки» гораздо больше укоренены в русской природе, в русской истории. Что интересно, в каком-то смысле – это единство обоих циклов. «Лиственница», «Молния», «Колокол Углича» и «Колокольня» – это всё воспоминания. Мне не нравится, что они здесь (*томик, который взял Никита Алексеевич для освежения памяти*) напечатаны в хронологии, потому что я их чувствую едиными, и они едины всё-таки по интенции.

– *Молитвенный дух присутствовал в Александре Исаевиче? Его расположенность к молитве – это художественный ход или...?*

– Нет-нет, это было несомненно что-то ему органичное, иначе быть не могло, я думаю. Иначе он бы и не понимал. Всё, что он пишет, – всё автентично. Когда говорит, что молитва помогает жить или что молитва примиряет со смертью, – это всё автентично. Это его стояние в саду, может быть, была молитва, я не знаю. Но ничего показного, ничего внешнего.

– *Прослеживается ли духовное возрастание в период, разделяющий написание первого и второго циклов «Крохоток»?*

– Александр Исаевич целостен на протяжении всего своего творчества. «Матрёнин двор» написан в самом начале. И его религиозность тогда была в становлении, она была живая. Она была подлинная. Но началась она, и даже скорее завершилась (потому что началась она ещё в детстве), думаю, – в Ташкенте, в умирании. Он несколько раз ждал своей смерти, в каком-то плане мы все это испытываем немножко, но он умирал по-настоящему. Это подтвердила его врач, которая лечила его в Ташкенте. Она говорила: «Мы были уверены, что он умрет». А у Солженицына всё-таки было ощущение того, что он отмечен Провидением. В общем, во что он верил абсолютно – это в Провидение. Или стал верить в него. У него не было большого опыта воплощённой церковной жизни, кое-что он не знал. Иногда он мог некоторые вещи спрашивать, на которые я не всегда мог ответить.

– *Никита Алексеевич, второй цикл характеризует более проявленная, чем в первом, эсхатологическая нацеленность текстов, с чем это связано? Это естественная тенденция, связанная с приближающейся и потом уже наступившей старостью?*

– Это очень трудно выразимо, а Солженицын выражался в основном в творчестве. Нет, он, конечно, пишет, что в старости мы больше думаем о смерти. Ясно. Несколько раз он назначал мне свою смерть в последние годы жизни. Я был у него, скажем, в мае месяце почти каждый год, и эти последние годы он говорил: «Я не переживу осени». Но он переживал её. Так что мысль о смерти, конечно, была – всё-таки он умер восьмидесяти девяти лет. Так что... Между своим восьмидесятипятилетием и восьмидесятидевятилетием он болел разным. Естественно, в каком-то возрасте, когда наступают болезни, думается о смерти. Например, у меня жена старше – ей восемьдесят восемь, она все время говорит, что скоро умрёт. Но человек в своей смерти не волен. В случае же с Солженицыным это отчасти так и было. Он пишет, например, замечательную главу в «ГУЛАГе» о смерти... где грек умирает, принимая смерть, сам он соглашался на смерть, но ей не поддавался. Всё написанное им – это блестящая литература, но ведь и материал абсолютно подлинный. Особенно

то, что в личном порядке. А говоря о «Крохотках», он сам – их герой.

– *Что рождает возможность писать о зле, не сомневаясь в добре? – «Ковыряй, Витька, долбай, не жалея! Кино будет в шесть, танцы в восемь...» – концовка миниатюры «Путешествия вдоль Оки». Человеческие образы далеки от идеала. Где таится та «неистребимая человечность», в которую, по Вашей мысли, верит Александр Исаевич?*

– В этом-то и есть человечность, что всё-таки человек не всё время стоит на вершине. А тоже бывает и внизу: у разных людей свои слабости. Солженицын об этом и пишет. А чтобы быть универсальным и человечным, нужно знать и человеческую слабость, и холодность, и ущемлённость. Хотя он был одновременно и выше всего этого. В нём всё удивительно в вечной цельности, и в нём, как во всяком гениальном человеке, есть соединение противоположностей. Он был необычайно властным человеком. Он свою жизнь строил, и своё творчество строил, но, вместе с тем, он был ведом – ведом Провидением. И это он чувствовал. Но это не значит, что он был безупречным. Александр Исаевич видел и знал свои недостатки, значит, и людей вообще. Но, в основном, всё его творчество – во славу человека. И как вы верите в человека, читая Солженицына, так и он верил. Без веры невозможно было бы писать. А он верил и в Россию, и хотел верить в Россию. Ведь и в «Крохотках» в «Молитве» он просит Господа: «Сделай так, чтобы Россия не погибла». Но под конец он несколько в ней разочаровался. Постфактум и я считаю, что Россия не могла бы воспринять так просто. На каких основах? У неё были основы: и

культура, и религия – тогда она несла свое слово человечеству.

– *Каким Александр Исаевич был в общении, в быту?*

– У меня так и осталось впечатление, что он сверхчеловек в чём-то, но и человек. А сверхчеловек – это не так просто, для этого, наверное, надо быть глубоко человеческим. Он сверхчеловек потому, что так смог преодолеть все то, что с ним произошло. Но, кроме того, он был необычайно добрым, признательным. Всё-таки я испытал это на себе, и я знаю, что также многие испытали это. Испытали те, кому повезло быть его «невидимками», его подручными, полезными, потому что всегда было дело. А он, конечно, целиком был в деле. Но никогда не было никакого давления с его стороны, напротив, я всегда считал себя незаслуженно им приближенным. И мне повезло, что я знал не только его величие, но знал его и за теннисом, например.

– *Спасибо Вам, Никита Алексеевич.*

Беседу вела Мария Ковалева

Примечания

- ¹ См.: *Солженицын А.* Этюды и крохотные рассказы : Дыхание ; Озеро Сегден ; Прах поэта ; Утенок ; Отражение в воде ; Город на Неве ; Костер и муравьи ; Приступая ко дню ; Гроза в горах ; Вязовое бревно ; Шарик ; На родине Есенина ; Колхозный рюкзак ; Мы-то не умрем ; Путешествия вдоль Оки // Грани. Frankfurt a/M, 1964. № 56. С. I–XI. (Рукопись из России).
- ² *Солженицын А.* Крохотки // Новый мир. 1997. № 1. С. 99.
- ³ См.: *Струве Н.* Восемь часов с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 118–127.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

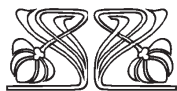
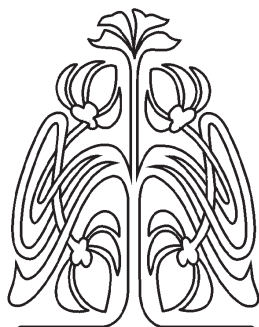
НОВОЕ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

2012-й и особенно 2013-й, год 95-летия Александра Исаевича Солженицына, ознаменованы выходом в печать целого ряда книг, посвященных писателю. Определяющую роль в этом деле сыграли Наталия Дмитриевна Солженицына и сотрудники Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (г. Москва).

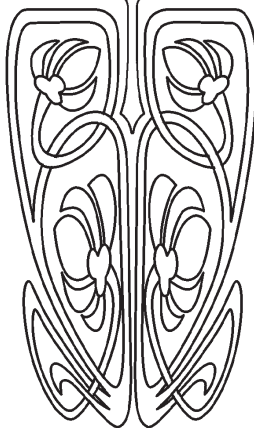
Представляется важным дать обзор ключевых изданий¹.

С конца 2012 г. печатается ежегодный альманах «Солженицынские тетради». Для солженицыноведов это знаковое событие, так как все мы хотели, чтобы подобное издание было. Цель его – стимулировать движение научной мысли², «способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей»³. На сегодняшний день опубликовано два выпуска (Вып. 1. М.: Русский путь, 2012. 344 с.; Вып. 2. М.: Русский путь, 2013. 344 с.). Главный редактор – А. С. Немзер. Материалы и исследования помещены в таких разделах, как «Публикуется впервые: Из наследия Александра Солженицына», «Статьи, дискуссии, воспоминания», «Литературная премия Александра Солженицына», «Хроника», «Архивные находки». Без сомнения, настоящим подарком для солженицыноведов и заинтересованных читателей, открывающих страницы «Солженицынских тетрадей», являются ранее не опубликованные тексты из наследия Солженицына. В первом выпуске мы знакомимся с очерками «Литературной коллекции» «Николай Лесков» и «Виктор Астафьев», во втором – «Мой Булгаков». С благодарностью издателям (Е. Ц. Чуковской и Н. Д. Солженицыной) впервые полностью читаем переписку А. И. Солженицына с Л. К. Чуковской (Вып. 1: 1967–1974; Вып. 2: 1974–1977) и Е. С. Булгаковой (Вып. 2: 1962–1968). Во второй раздел «Тетрадей» входят интересные научные статьи, посвященные различным аспектам творчества Солженицына. Ценными с историко-литературной точки зрения представляются и мемуарные материалы: И. Б. Роднянской об «истории несостоявшейся энциклопедической статьи о Солженицыне» в КЛЭ, Н. Д. Солженицыной, И. В. Куклиной и И. А. Хроль – о «невидимке» Н. И. Зубове. Некоторые из опубликованных в альманахе статьей можно назвать продолжающимися. Среди таких назовем работы А. С. Немзера о романе «В круге первом», А. Д. Шмелева – о стиле произведений Солженицына. С разделом «Публикуется впервые» коррелирует раздел «Архивные находки». В этой части «Солженицынских тетрадей», благодаря заведующей отделом изучения наследия А. И. Солженицына Дома русского зарубежья Г. А. Тюриной, подготовившей материалы к печати, читателю становятся известны подробности отношений А. И. Солженицына и Ю. М. Лотмана (Вып. 1), фронтового пути отца Солженицына (Вып. 2), а также переписка (1963–1968) А. И. Солженицына и члена редколлегии журнала «Звезда» Н. Г. Губко, являвшейся одной из первых рецензенток «Одного дня Ивана Денисовича» (Вып. 2). Важную информативно-просветительскую задачу выполняет раздел «Хроника», неизменно подготавливаемый Г. А. Тюриной. Он дает возможность исследователю Солженицына постоянно пополнять библиографию изданий произведений писателя, литературы о нем, следить за проходящими «солженицынскими» научными мероприятиями, выставками, узнавать о новинках теле- и кинопродукции, посвященной Солженицыну. Отмечу, что каждый выпуск «Солженицынских тетрадей» содержит цветные вклейки, визуально дополняющие публикуемые материалы.

В ноябре 2012 г. исполнилось пятьдесят лет со дня опубликования рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Новый мир» (1962. № 11). К «юбилею» рассказа Домом русского зарубежья практически одновременно были подготовлены два исключительных издания. Первое – «**«Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012)**» (Сост. П. Е. Спиваковский, Т. В. Есина; вступ. ст. П. Е. Спиваковского) (М.: Русский путь, 2012. 744 с.). «Материалы сборника охватывают, – как отмечает П. Е. Спиваковский, – период с 1961-го, когда речь шла о судьбе пока еще не изданной машинописи «Щ-854», до 2009 года. Это архивные документы, литературно-критические и научные статьи, дневниковые записи, письма и воспоминания людей, так или иначе соприкоснувшихся с произведением»⁴, первые отзывы на публикацию рассказа, а также записки «из партийных и правительственных архивов». Второе – «**«Дорогой Иван Денисович!...»: Письма читателей: 1962–1964**» (Сост., коммент., предисл. Г. А. Тюриной) (М.: Русский путь, 2012. 360 с.)⁵. То, что опубликовано в этом сборнике, впервые вводится в научный оборот. Г. А. Тюриной удалось отобрать и подготовить уникальные материалы из фондов РГАЛИ и архива писателя в Троице-Лыкове – «не изданные прежде письма-отклики читателей на первую публикацию рассказа Александра Солженицына»⁶. Письма представлены по таким группам, как «внутренние рецензии, переписка главного редактора «Нового мира», «отклики читателей», «письма бывших эзков», «письма однополчан», «письма в поддержку присуждения Александру Солженицыну Ленинской премии». Всего 168 писем «читателей» и 12 ответных писем А. И. Солженицына. Завершает книгу перепечатка Договора от 12.12.1961 г. между А. И. Солженицыным и издательством о публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» и «Личного дела А. И. Солженицына в архиве Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР. Сентябрь-октябрь 1963». Как отмечает Г. А. Тюрина, опубликованное – это лишь часть «огромного массива» («не менее 500 откликов») писем читателей «Одного дня Ивана Денисовича».

15–16 ноября 2012 г. в Доме русского зарубежья состоялась Международная научная конференция «**«Ивану Денисовичу – полвека»**». Спустя год вышел сборник, содержащий доклады участников конференции (М.: ВИКМО-М, 2013. 248 с.). «Статьи посвящены общественному и культурному значению рассказа, его поэтике, читательскому восприятию, этическим и социальным проблемам, затронутым в произведении»⁷. Составителем издания выступила И. Е. Мелентьева. В первых трёх разделах сборника представлены статьи участников конференции. Среди них российские и зарубежные исследователи и почитатели творчества А. И. Солженицына: Е. В. Иванова, А. Е. Климов, И. Е. Мелентьева, М. Николсон, Л. И. Сараскина, Р. Темпест, Г. А. Тюрина, А. В. Урманов, Н. А. Шапири,

А. Д. Шмелёв. Опубликована и статья саратовских солженицыноведов Л. Е. Герасимовой и Г. М. Алтынбаевой «Этический смысл формы рассказа “Один день Ивана Денисовича” в восприятии сегодняшних студентов». Специальный раздел издания составили речи-воспоминания, речи-размышления Г. Б. Волчек, Р. А. Гальцевой, Б. Н. Любимова, Е. Ц. Чуковской и др. Особый интерес представляют мемуарные «записки редактора» «Нового мира» И. П. Борисовой, литературного критика, «одной из последних представительниц новомирской редакции времен А. Т. Твардовского, свидетеля и участника многих литературных событий, вошедших в историю русской словесности XX в.»⁸. Как отмечает И. Е. Мелентьева, «сборник завершает “юбилейную серию”, посвященную 50-летию первой публикации “Одного дня Ивана Денисовича”»⁹.

11 декабря 2013 г. Александру Исаевичу Солженицыну исполнилось бы 95 лет. В ознаменование этого события в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина 9 декабря 2013 г. открылась выставка «Александр Солженицын: Из-под глыб. Рукописи, документы, фотографии». Идея и концепция выставки принадлежат Н. Д. Солженицыной, экспонаты подготовлены Г. А. Тюриной. Мне посчастливилось дважды побывать в музее и дважды (в декабре 2013 г. и в феврале 2014 г.) подробно ознакомиться с экспозицией. Переходя от стенда к стенду, следуешь хронологии жизни великого писателя. Практически все экспонаты – это впервые представленные оригиналы «рукописей, документов, фотографий и личных вещей из архива писателя в Троице-Лыкове». Это «своего рода *биография в рукописях*» (Н. Д. Солженицына). Посетителя выставки поражают не только экспонаты, но и само оформление зала (зал № 31). Во-первых, каждый экспонат содержит аннотацию, во-вторых, каждый из 12 стендов довершается оригинальными форматами «любимого Солженицыным великого голландца» Рембрандта (24 офорта из фондов ГМИИ), в-третьих, искушенного компьютерными технологиями человека привлечет мультимедийная часть экспозиции (слайд-презентация фотолетописи Солженицына и возможность в интерактивном режиме «полистать» оцифрованные фрагменты рукописей писателя); наконец, рукописи, документы, вещи так расположены, что ты фактически прикасаешься к ним, включаешься в ход течения XX века, так полно выраженного жизнью и творчеством А. И. Солженицына. Выставка не была бы полной, если бы к ее началу издательство «Русский путь» не выпустило альбом **«Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения»** (М., 2013. 372 с. 412 ил.). Авторы-составители: Н. Д. Солженицына и Г. А. Тюрина, дизайнер Е. А. Корнеев. Книга включает всё, что было представлено на выставке, и даже больше; тексты, сопровождающие объекты каталога, – развернутые описания со сносками и ссылками. Пре-

имущество альбома и в том, что «мелкие» экспонаты даны на его страницах в масштабе, и можно еще внимательнее и подробнее рассмотреть вещи, рукописи, документы, фотографии. Специального внимания заслуживает полиграфическое решение каталога – это исключительный образец книжной продукции: внешне выглядит как переплетенная рукопись, внутри – на листах разного качества (мелованная бумага, тонкий картон, плотные листы) – в цвете и в черно-белом решении – вся жизнь великого писателя. Каталог выставки, в полном смысле, – «литературно-художественное издание».

Уверена, список перечисленных изданий в ближайший год еще пополнится сборниками и журналами, посвященными 95-летию А. И. Солженицына. И один из них – настоящий выпуск «Известий Саратовского университета».

Примечания

- ¹ В обзор не включен сборник статей «Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»» (М.: Русский путь, 2013), так как о нем специально говорит в своей рецензии, представленной в этом же разделе журнала, А. И. Ванюков.
- ² Немзер А. К читателю // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 1. М., 2012. С. 7.
- ³ Солженицынские тетради. Вып. 1. С. 344.
- ⁴ Спиваковский П. Через полвека // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012) / сост. П. Е. Спиваковский, Т. В. Есина; вступ. ст. П. Е. Спиваковского. М., 2012. С. 9.
- ⁵ См. рецензию на это издание: Гаркавенко О. Дорогой Иван Денисович!..: К 50-летию публикации самого известного рассказа Солженицына // Православная вера. 2012. Декабрь. № 24 (476). С. 12.
- ⁶ «Дорогой Иван Денисович!..»: Письма читателей: 1962–1964. М., 2012. С. 359.
- ⁷ Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” – полвека»: К 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына. Москва, 15–16 ноября 2012 г. М., 2013. С. 243.
- ⁸ Мелентьева И. Инна Петровна Борисова (1930–2013). In *memoriam* // Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” – полвека». С. 234.
- ⁹ Мелентьева И. От составителя // Там же. С. 7.

Г. М. Алтынбаева

Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сб. ст. / сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. 560 с.

В конце 2013 г. в московском издательстве «Русский путь» вышел солидный научный труд «Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к “Красному Колесу”», в состав которого включены «наиболее значительные материалы одноименной Международной научной конферен-

ции, организованной Домом русского зарубежья имени А. Солженицына, Российской академией наук, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации и проходившей 7–9 декабря 2011 года в Доме русского зарубежья» (С. 5).

Составитель сборника, автор первой биографии Александра Солженицына на русском языке Л. И. Сараскина отметила широкий представительский и научный диапазон конференции: «В рабочих заседаниях конференции, пленарных и секционных, участвовали филологи, философы, историки, педагоги и переводчики произведений Солженицына на иностранные языки. Это учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Воронежа, Саратова, Кисловодска, Красноярска, Благовещенска, а также исследователи из США, Великобритании, Австралии, Франции, Швейцарии, Польши, Литвы, Японии, Китая, Индии.

В ходе конференции <...> рассматривались важные аспекты творческой эволюции А. И. Солженицына на пути к созданию эпопеи о русской революции «Красное Колесо», анализировались историческая реальность эпопеи, освещалась философская и религиозная мысль писателя в контексте русской и европейской литературной традиции. Значительное число докладов было посвящено вопросам поэтики эпопеи и её воздействия на современные интерпретации отечественной истории» (С. 5–6).

Структура представляемого сборника в полной мере отражает ход и состав научного форума. Его вводная часть даёт приветствия на открытии конференции. Это обращение к участникам конференции Президента Российской академии наук Ю. С. Осипова (текст приветствия зачитал директор Дома русского зарубежья В. А. Москвин), который начал свое слово с напоминания: «Александр Исаевич Солженицын, создатель “Архипелага ГУЛАГ”, достаточно скромно, без самовосхвалений определил смысл и сверхзадачу своего творчества: “Я хотел быть памятью, Памятью народа, который постигла большая беда”. Весь жизненный путь великого писателя как бы вёл его к этой теме» (С. 9), а завершил движение мысли ёмким обобщением: «...он не писатель лагерной или деревенской темы. В нём Россия потеряла в 2008 году писателя общенационального масштаба, одержимого мечтой о лучшей судьбе для России, о творческом её переустройстве. Солженицын и ныне дарует свет всем поколениям читателей – “свет и непопадаемый подъём духа” (Анна Ахматова) (С. 10). М. Сеславинский, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ, естественно входя в атмосферу как на «замечательном концерте классической музыки» (С. 11), сказал: «Александр Исаевич Солженицын объединил много хороших людей и продолжает их объединять» (С. 11), и обратил внимание на библиофильский (близкий ему) аспект творческого наследия писателя. Упол-

номоченный по правам человека в РФ В. Лукин в своём выступлении подчеркнул: «О писателях и мыслителях судят по их наивысшим достижениям. А наивысшие достижения Александра Исаевича в литературном плане совершенно уникальны <...> Александр Исаевич сыграл уникальную историческую, ни с кем и ни с чем не сравнимую роль в той главной теме – страдания России в XX веке, страсти России в XX веке, – которая в нашей стране больше всего занимает людей» и далее заметил: «...изучать уникальность его таланта, понять глубину его размышлений и то, в чём заключается его главный наказ, – это очень серьёзная задача» (С. 13–14).

Основная часть сборника состоит из шести разделов, которые в последовательности представляют главные содержательные сферы рабочей программы конференции и в единстве складывают целостную мощную концепцию научного труда. Внутри разделов статьи авторов идут в алфавитном порядке (по фамилиям), и этот принцип расположения материалов в данном случае оказался и содержательно оправданным, и композиционно действенным.

Первый раздел сборника называется «Отображение и осмысление исторической реальности в “Красном Колесе”» и включает десять статей. Раздел открывается статьёй Г. Алтынбаевой (Саратов) «Окололитературная среда начала XX века в “Красном Колесе” А. И. Солженицына», в которой убедительно показано, как «окололитературная среда» передаёт «воздух эпохи», «полифонию времени» (С. 17, 18) в «Красном Колесе»: «трёхмерный образ газет» (С. 21), «тема взаимодействия политики и прессы» (С. 24) и др. Стержневые проблемы первого раздела – «искусство и история», творческое мышление, художественное сознание автора и «вектор истории», «исторический процесс» в «Красном Колесе», причём некоторые статьи носят ярко выраженный дискуссионный характер.

«Человек – краеугольный камень всей историософии автора» (С. 28) – этот основополагающий тезис позволил Е. Бальзамо (Франция) в статье «“Выполнять свой долг. На своём месте”»: личность и исторический процесс в “Красном Колесе”» не только поставить и рассмотреть важные вопросы «диалектики власти» и «личности и коллектива», но и глубоко проникнуть в художественное пространство эпопеи: «...отсюда в композиции “Красного Колеса” расположение персонажей, напоминающее иконостас <...> И там, где православная традиция помещает Христа, Солженицын помещает того, чья власть непосредственно от него: русского императора» (С. 31); «отравленное идеологией общество неизбежно приходит к саморазрушению» (С. 35) и за «основу поведения» человеку «нужно принять принцип, вложенный автором в уста уходящего на фронт Сани Лаженицына» – «Выполнять свой долг. На своём месте» (С. 38). Настойчивым стремлением

понять и постичь сложное взаимодействие «искусства и истории в “Красном Колесе” А. И. Солженицына» привлекает статья Д. Волша (США), который уверенно ведёт читателя к финалу «Октябрь Шестнадцатого», образу Зины Алтанской: «Кажется, именно в этом образе автору удалось воплотить весь масштаб разворачивающейся катастрофы» (С. 47). Однако создаётся впечатление, что Д. Волш слишком увлекается своей интерпретационной логикой, разводя и корректируя Солженицына-историка и «чутьё художника»: «В этом призыве к искуплению, которым завершается “Октябрь Шестнадцатого”, более всего поражает то, что и сам автор, похоже, добился чего-то большего по сравнению с его собственным замыслом. Не просто сделать революцию предметом осуждения, но и ощутить в ней путь к раскаянию – это поистине новое откровение. Солженицын-историк не сумел различить в революции эту новую дорогу к покаянию, но чутьё художника его не подвело» (С. 50–51); «искусство проникает в суть вещей глубже, чем история» (С. 51). Рассматривая «Красное Колесо» «с точки зрения историка», польский учёный П. Глушковский приходит к выводу, что «Солженицын – писатель-пророк» (С. 57), но «не профессиональный историк» (С. 57), и приводит большой список «прегрешений» писателя: «К сожалению, после возвращения в Россию он не сверился с основными источниками по истории русской революции»; «с точки зрения профессионального историка, Солженицын также преувеличивает роль интуиции в познании прошлого» (С. 54); «писатель преувеличивает также значение интернационального фактора в организации революции в России» (С. 55); «мне кажется, что Солженицын, когда это ему удобно, забывает об историческом контексте» (С. 57). Вердикт П. Глушковского снисходителен: «Солженицына смело можно назвать историком-любителем» (С. 58).

Убедительным ответом П. Глушковскому в контексте первого раздела сборника выступают статьи В. Гуськова (Благовещенск) «Образ *Руси уходящей* в исторической эпопее А. И. Солженицына “Красное Колесо”», А. Климова (США) «Колебания вектора истории в “Красном Колесе”», Д. Махони (США) «“Зацариться”»: Николай II и грядущая революция», А. Шепеля (Санкт-Петербург) «Роман А. И. Солженицына “Август Четырнадцатого”»: работа писателя с военно-историческими материалами».

Н. Щедрина (Москва) в статье «“Красное Колесо” А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века» рассматривает «историческую эпопею» писателя в контексте «большого времени» и широких координатах «притяжений и отталкиваний» с историософскими концепциями русских писателей XX века (от Д. Мережковского до Д. Балашова), показывает «многослойность авторской философии истории» (С. 105) и заключает: «Красное Колесо» предстаёт

«ярчайшим явлением русской литературы XX столетия, отличающимся грандиозностью авторского замысла и мастерством его воплощения» (С. 110). И заканчивается первый раздел статьёй А. Юозайтиса (Литва) «Реформатор П. А. Столыпин и консерватор А. И. Солженицын: точки исторического соприкосновения», в которой поставленная проблема имеет своим истоком столыпинское имение Калнабарже (своеобразный *genius loci* Литвы (С. 115) – прекрасный «исторический экскурс»), а «ростовыми» точками выступают проблема «Как нам обустроить Россию?» и «уважение к земству как принципу» (С. 118).

Второй раздел сборника «Философская и религиозная мысль» начинается статьёй А. Гапоненкова (Саратов) «Истинный и ложный консерватизм в “Красном Колесе” А. Солженицына», который отмечает, что «политическая философия консерватизма <...> просматривается <...> на разных уровнях художественно-исторического целого “Красного Колеса”» (С. 121), вводит (вслед за С. Л. Франком) понятия истинного и ложного консерватизма (С. 122), прослеживает «процессуальность» и многомерность историософской консервативной мысли в «повествовании» А. И. Солженицына и приходит к заключению, что «художественная концепция “Красного колеса” включает истинно консервативный взгляд на русскую историю, бытие России» (С. 130). «Пневматология как свойство реализма А. И. Солженицына в “Красном Колесе”» рассматривается в статье Л. Герасимовой (Саратов). Используя «богословский термин (учение о Святом Духе)», Л. Герасимова обращает внимание на «духоведческую» составляющую творческого мышления А. И. Солженицына, «пневматологическое измерение» (С. 132) поэтики писателя и убедительно показывает: «...духовный анализ Солженицыным истории и человеческой души – это освобождение от “идолов русского сознания”, от страха метафизического одиночества, обретение опоры. Пневматология в “Красном Колесе” <...> свойство самого художественного метода Солженицына» (С. 139).

И. Джайтли (Индия) ставит проблему «О сопротивлении злу силою: отражение идеи Ивана Ильина в “Красном Колесе”» и последовательно рассматривает её (проблему) на двух взаимосвязанных уровнях: «Саня Лаженицын: последователь Толстого на войне» (С. 141) и «Пассивность и слабость правящих и военных элит» (С. 145). Австралийский учёный Б. Перселл представляет свои «Некоторые размышления о философской и теологической историографии в “Красном Колесе” Александра Солженицына». Опираясь на труды австрийского философа Эрика Фёгелина, Б. Перселл возводит величественную и содержательно-увлекательную пятичастную конструкцию, «этажами» которой выступают «этиология самоубийства цивилизации в гомеровской эпосе и “Красном Колесе”», «Греческая трагедия и “Красное Колесо”», «философское понимание истории

Фёгелином», «от “Титлера и немцев” к Ленину и русским» и «теологическая подоплёка “Красного Колеса”»: Пьеро Кода о кенотической теологии Сергея Булгакова («Нисхождение Христа в ад», «Триединая сущность кенозиса», «Скрытая теология истории в “Красном Колесе”», «Нисхождение России в ад», «Битва за душу России между безраздельной ненавистью и безраздельной любовью» и «Свеча на ветру»). «Богоборчество как движущая сила революции: ответ “Красного Колеса”» выступает основным тезисом (и пафосом) статьи протоиерея Б. Пивоварова (Новосибирск), который глубоко проникает в «религиозно-философскую проблематику А. И. Солженицына и показывает, что «Красное Колесо» – это и «жизнеутверждающая книга» («Крест и Воскресение это и есть смысловая основа “Красного Колеса”» (С. 181, 182)), и «актуальная книга. Богоборчество – оно ведь не только в прошлом» (С. 182).

Тонкий, проникновенный «феноменологический обзор проявлений религиозности» (С. 189) даёт Д. Понтузо (США) в статье «Феноменология религии в “Красном Колесе” Солженицына». «Солженицын в восприятии Александра Шмемана» предстаёт в статье Е. Проскуриной (Новосибирск). Т. Смыковская (Благовещенск) исследует «пасхальные мотивы в “Красном Колесе”» и в заключение называет «Красное Колесо» «пасхальной эпопеей, произведением, в котором, несмотря на изображённую революционную катастрофу, торжествует надежда, вера во спасение России и её народа» (С. 214).

«Напоминание об истине Божьей в “Красном Колесе”» видит и исследует Д. Хутен (США), обращаясь к «многомерности» (С. 221) беседы о Северьяна и Сани Лаженицына в «Октябре Шестнадцатого». А завершает второй раздел книги статья Э. Эриксона-мл. (США) «Нет ничего выше любви»: религиозная составляющая “Октября Шестнадцатого”, который уверенно убеждает читателя «в том, что это – самое христианское по сути произведение Солженицына» (С. 226).

Третий раздел сборника – «“Красное Колесо” и литературная традиция» – открывает статья С. Бочарова «Россия и Революция: от Тютчева к “Красному Колесу”», в которой чётко прослеживается путь от тютчевской концепции «Революции и России» (С. 235) к федотовской (Г. П. Федотов) «формуле революции нашей – марксистская пугачёвщина» (С. 239) и раскрывается миссия солженицынской эпопеи в постижении исторического процесса: «“Красное Колесо” даёт могучий урок понимания этой плохо нам известной истории» (С. 240). Проблемы историзма, типологии исторического повествования XX в. (на материале исторических романов Иво Андрича «Травницкая хроника. Консульские времена», «Мост на Дрине» и Александра Солженицына «Красное Колесо») – в центре внимания Э. Вахтеля (США) (статья «Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма»).

Новый аспект проблемы, новые фактические материалы отличают статью Е. Ивановой (Москва) ««Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к “Красному Колесу”». Заявив проблему «Г. И. Газданов и А. И. Солженицын» (С. 263), С. Кибальник (Санкт-Петербург) остановился на одном сюжете: обсуждении романа «Раковый корпус» в парижской студии «Радио Свобода». В. Котельников (Санкт-Петербург), анализируя «картину человека в “Красном Колесе”», считает, что в солженицынском повествовании «продолжается традиция русского хроникального эпоса с универсальным персонологическим наполнением» и что «русский человек выступает здесь существом проблемным» (С. 269), «романная форма» предстаёт с «жесткой фрагментацией «картины человека» (термин А. Галича – А. И. Говорова. С. 275, 267).

«В. В. Набоков и А. И. Солженицын в пространстве больших идей» – тема статьи Л. Сараскиной (Москва), которая привлекает внимание читателей активным стремлением постичь «загадку» взаимоотношений «стратегий литературного поведения» (С. 276) двух гениальных русских писателей XX века. «“Ада” – это отрицание художественных задач “Красного Колеса” <...> Художественные ключи “Красного Колеса” – это антитеза к “Аде”, – пишет Л. Сараскина, оставляя открытым «вопрос: как воспринял бы Солженицын “Аду”, если бы прочёл этот роман, и что написал бы он после этого в Нобелевский комитет?» (С. 285). «Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины» интересуется П. Спиваковского (Москва), но он почему-то (неубедительно для читателя) разделяет Солженицына, Достоевского («полифоническое художественное мышление Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына», «наличие полифонии как у Достоевского, так и у Солженицына» С. 289) и Чехова (релятивистские тенденции «ослабления аналитического начала в его произведениях. Бытие для агностика Чехова скорее всего бессмысленно и полно нелепых случайностей» С. 288). «Тема Москвы в “Красном Колесе”» увлечённо раскрывается в статье Г. Тюриной (Москва), она показывает, как «московские эпизоды, московские аллюзии выполняют свою существенную сверхзадачу в повествовании» (С. 294) и включают «в себя богатейшую русскую литературную традицию» (С. 297).

В четвёртом разделе книги рассматривается «Творческая эволюция А. И. Солженицына». Уже в заглавии статьи Л. Р. Вакамия (США) «“Дневник Р-17” и “Красное Колесо”: диалог автобиографии, литературы и историографии» точно обозначены и материал, и научная гипотеза автора. Действительно, «Дневник Р-17» является одновременно первичным текстом и метанарративом» (С. 305), и обращение к нему «даёт нам возможность наблюдать тот творческий и концептуальный аппарат, который определяет структуру одновре-

менно и романа “Красное Колесо”, и философии истории Солженицына в целом» (С.305). «Идея “сбережения народа” в ранних текстах А. Солженицына» великолепно раскрывается в статье Н. Ковтун (Красноярск), которая отмечает, что в творчестве А. И. Солженицына «идея сбережения народа» выступает «как основа “русской идеи” в целом» (С. 313), и приходит к выводу, что актуальность рассказа «Один день Ивана Денисовича» – в его «экзистенциальной проблематике» (С. 326). Ф. Лесур (Франция) рассматривает «неоконченную повесть» А. Солженицына «Люби революцию» как «пролог к “Красному Колесу”». (С. 328). Статья И. Роднянской (Москва) «Лирико-патетическое начало в “Архипелаге ГУЛАГ”» имеет подзаголовок: «К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына», и страстная логика движения исследовательской мысли ведёт не только к убедительному раскрытию поставленной проблемы, но и к глубинным истокам, «пафосу» «эпопей-исследования» (С. 344) и «эпопей о русской революции» (С. 345): «тому, что в духовной литературе принято называть “переменой ума”, “метанойей”» (С. 339). Завершает четвёртый раздел сборника статья М. Сидор (Польша) «Личность, общество, коллективный герой: трансформация модели героя в ранних произведениях А. Солженицына», которая органично связывает типологию героев в рассказах писателя начала 1960-х гг. со «специфическим видением Солженицыным истории в антропологическом аспекте»: мыслью «о том, что человек – не только часть коллектива, а основа истории. В этом заключается особенная оптика авторского видения мира» (С. 355).

Важное место в структуре книги занимает пятый раздел «Поэтика “Красного Колеса”», который не случайно оказался самым большим, многоаспектным и вместе с тем единым, целостным. А. Аркатова (США) изящно раскрывает систему ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»: образы Ликони, Зинаиды Алтанской, Ольды Андозерской и Екатерины Благодарёвой (по линии женственности и метафоричности), убедительно показывает, что они «играют ключевую и равноправную (“мир мужских героев”) роль в выражении историсофской концепции автора и создании антиреволюционного дискурса эпопей» (С. 359).

«О нарративной структуре “Красного Колеса” А. И. Солженицына» (С. 370) ёмко пишет К. Баршт (Санкт-Петербург). Сама «постановка вопроса» и «определение основных параметров повествовательной системы произведения» (С. 370) отличаются глубоким аналитизмом и масштабностью. Указав «на принадлежность солженицынской эпопей к кардинальному направлению развития русской литературы XIX и XX веков» (С. 372), К. Баршт разворачивает целую систему характеристик нарратива «Красного Колеса»: автор «создаёт новое слово о смысле и цели че-

ловеческой жизни» («нарратив “Красного Колеса” в этико-философском смысле есть воплощённая любовь к человеку» С. 372–373), «авторская стратегия в “Красном Колесе” <...> заключается в предоставлении права голоса “другому”» (С. 375), писатель предлагает «объёмную конструкцию» событийности (С. 377), «рецептивную полифонию» (четыре слоя/пространства художественной реальности, четыре ипостаси движения персонажа, четыре дискурса в движении точки повествования, четыре позиции нарратора), «диалог индивидуального и Всеобщего» (С. 381), «предметом репрезентации становится <...> сама одновременность Целого» (С. 383), «базовой задачей автора является формирование универсальной, многоликой и акцентированно объективной точки зрения» (С. 384). В статье А. Ванюкова (Саратов) «“Красное Колесо” А. И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. “Октябрь Шестнадцатого)”» показано, как «содержательные образы многомерного заглавия <...> воплощаются в структуре-архитектонике Узла II» (С. 387), в композиционном рисунке «Октября Шестнадцатого»: композиционная «мера», ритм Узла II – шесть глав – в движении художественной мысли Солженицына-романиста органично ведут к 37-й (ленинской) последней главе Книги первой и финальной 75-й главе (повести одного дня Зины Алтанской), «итоговой, духовно-вертикальной», «замковой» главе, «полно раскрывающей нравственно-философскую концепцию “Октября Шестнадцатого”» (С. 404). «Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности – в “Красном Колесе” Александра Солженицына» представляет К. Дюран (Франция), которому удаётся на фоне мировой традиции «универсального характера употребления пословиц» развернуть широкий диапазон бытования/«действенного использования» пословиц в произведениях Солженицына, в особенности в «Красном Колесе». Особую значимость в богатом культурном контексте статьи приобретает Приложение: «Французский перевод пословиц, оканчивающих главы “Красного Колеса”» (75 пословиц. С. 421–425). Японский исследователь К. Ивамото интересно решает проблему: «Ленин и Солженицын: идентификация автора “Красного Колеса” с героем», которая оказывается неразрывно связанной с «полифонией», «темой двойничества» эпопеи Солженицына (С. 428). К. Ивамото видит «ирреальную связь Ленина с Солженицыным» (С. 433) и указывает, что «в “Красном Колесе” А. И. Солженицын идентифицирует себя с Лениным только в Цюрихе» (С. 434) («Всегда важно скрытое решение события» С. 434)). Прекрасный образец содержательного микроанализа даёт И. Мелентьева (Москва) в статье «Свет и тьма восьмой главы “Августа Четырнадцатого”», наглядно показавшей, как работает солженицынский «принцип стыка глав» внутри восьмой главы «Августа Четырнадцатого»

и раскрывается поэтика «двучастного рассказа» как единого целого.

Центром раздела «Поэтика «Красного Колеса»», безусловно, является статья Н. Д. Солженицыной «Картотека “Красного Колеса”»: замысел и осуществление», которая вводит в научный оборот новые, уникальные материалы для изучения творческой истории «Красного Колеса», понимания «метода работы» писателя. Н. Д. Солженицына показывает читателю, что это за явление – «Картотека “Красного Колеса”», раскрывает её историю, содержание, «отношения – автора – с его Картотекой как с сотрудницей» (С. 449), и мы осознаём, что «вся эта уникальная Картотека с её содержанием – не просто подсобные заготовки в мастерской писателя, это в некотором смысле – отдельное творение Солженицына» (С. 449) и что «Картотека, которую он неустанно и вдохновенно наполнял десятилетиями, верно послужила сквозной достоверности “Красного Колеса”» (С. 450).

К «Фермопилам Георгия Воротынцева: солженицынской концепции мужественности» последовательно ведёт читателя американский учёный Р. Темпест. Он исходит из того, что А. Солженицын «в высшей мере мускулистый художник, чьё творчество насыщено риторикой мужественности» (С. 454), и воссоздаёт многомерный образ Георгия Воротынцева с его «лейтмотивом мужественности» (С. 458) и финальным выходом на Вал («метафорические Фермопилы эпопеи» (С. 460)). А. Урманов (Благовещенск) в статье «Саранча из бездны (Библейская символика в “Красном Колесе”»» глубоко раскрывает развитие этого библейского образа-символа во всех Узлах «Красного Колеса» и приходит к выводу, что «образ саранчи в исторической эпопеи – это символ катастрофической по масштабам и последствиям духовной деградации российского “образованного общества” и в целом русского народа» (С. 472). «Художественное слово как форма выражения историко-социальных воззрений А. И. Солженицына» (С. 474) анализируется в статье А. Хитрой (Москва). А. Шмелёв (Санкт-Петербург) выделяет «Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к “Красному Колесу”» (С. 481) и рассматривает их в тексте романа «В круге первом»: «зарождение фоноскопии», «Сталин пишет статью о языкознании», «судьба заимствованных слов», «внимание к значению слова».

В последнем, шестом разделе сборника, «Солженицын и современность», всего четыре статьи, но они раскрывают основные линии анализа поставленной проблемы. Р. Гальцева (Москва) в статье «По дороге “Красного Колеса”»: в обратную сторону, или Борьба на два фронта» обращается к публицистике А. И. Солженицына («Жить не по лжи», «Письмо к вождям Советского Союза», «Наши плюралисты», «Как нам обустроить Россию», «Россия в обвале») с её актуальным призывом «переменить сознание» (С. 500), пафосом «предостережения» и продуманного реформи-

рования. Совершенно справедливо Р. Гальцева относит публицистику Солженицына, «в которой разработана система реформ, возвращающих Россию на историческую дорогу» (С. 510), к числу «творческих подвигов» (С. 509) писателя и выражает уверенность в том, что «дело Солженицына не останется втуне»: «наступит время, когда философия “либерального консерватизма”, завещанная нам самыми глубокими умами – Пушкиным, Вл. Соловьёвым, авторами “Вех”, а теперь вот и Солженицыным, – будет оценена и одержит победу в нашей общественной мысли и жизни» (С. 510). Китайский учёный Гуансюань Жэнь знакомит читателей с историей переводов, публикаций и восприятия творчества А. Солженицына в Китае («Сегодня Александр Солженицын для китайских читателей один из любимых русских авторов» (С. 513)), особо останавливается на китайской судьбе «Красного Колеса» (переведены и вышли в свет Узлы I и II) и заключает: «“Красное Колесо” Александра Солженицына является одним из незаурядных произведений русской литературы, его нужно переводить, издавать, читать и изучать» (С. 517).

Показательной для понимания определённого типа современных представлений о Солженицыне и «Красном Колесе» является статья Дм. Шляпентоха (США) «“Красное Колесо” Солженицына: между эмоциями и реальностью». Авторская методология наглядно проступает в такой последовательности мысли: «В своих книгах, предшествовавших “Красному Колесу”, Солженицын <...> подходил к русской/советской истории с позиций консервативного постмодернизма» (С. 523); «Сама логика исторического повествования повела автора в направлении, прямо противоположном изначальной идеологической задаче» (С. 525); «такое чисто эмоциональное нежелание хоть в какой-то мере оправдать ненавистную власть не только препятствовало осознанию некоторых глубинных основ революции, но и помешало писателю постичь внутреннюю логику другой, новой русской революции, разрушившей здание советской власти» (С. 526–527), «писатель не предвидел катастрофы и приветствовал падение ненавистного режима. Причиной тому, безусловно, стало его эмоциональное восприятие и прошлого, и настоящего» (С. 528) и финальный пункт: «Опыт Солженицына и сотен других умных людей России убеждает в истинности знаменитого высказывания Франсуа де Ларошфуко: “Ум всегда в дураках у сердца”» (С. 530). Вполне закономерной

в структуре книги представляется статья Л. Сараскиной «Неизбежность очерка о П. А. Столыпине в “Красном Колесе” А. И. Солженицына», в которой на широком историко-культурном фоне прослежена «неизбежность» вектора движения солженицынской концепции российской истории, личности в истории от «Письма вождям Советского Союза» («Без догматической предвзятости вспомним Столыпина и отдадим ему должное» (С. 533)), к столыпинской части «Красного Колеса» («Столыпин всегда был реалист, он думал и действовал едино» (С. 542)): «Солженицын всецело на стороне Столыпина» (С. 542), «политический портрет Столыпина в “Красном Колесе” парадоксален» (С. 544) и далее – к современности: «... нового Столыпина в России он, кажется, так и не увидел» (С. 545).

Заключительный раздел сборника «Закрытие конференции» – статья Н. Струве (Франция) «Том за томом: заметки первоиздателя “Красного Колеса”». Перед нами удивительное по тону и мысли Слово о Солженицыне человеке и писателе, удачный пример выразительного литературного портрета А. И. Солженицына, в котором органично сочетаются личные воспоминания («А потом, уже при появлении Александра Исаевича в Цюрихе, я потонул в его объятьях и испытал ту удивительную простоту, я бы сказал, удивительную простоту сложнейшего, даровитейшего, многозначительнейшего, исторически и литературно, человека» (С. 551)) и профессиональные характеристики различных «ипостасей Солженицына-художника» (С. 552): «дар предвидения», «он визионер» (С. 551), «Солженицын по своей природе – безмерный и одновременно он обладает высшим чувством меры» (С. 553); «он видит в кенозисе основной путь, спасительный для человека <...> и он нам это преподаёт всем своим творчеством. Потому он одновременно укоренённый и универсальный» (С. 553).

Таким образом, можно сказать, что представленная книга отражает – в определённой мере – современное состояние научного сообщества, обращенного к изучению творческого наследия выдающегося русского писателя, активно разрабатывает действенную методологию, плодотворные направления глубокого изучения художественного мышления, творческой эволюции А. И. Солженицына и вместе с тем намечает новые, перспективные линии постижения личности писателя как Явления, его заветов и уроков.

А. И. Ванюков

Хроника

ЧЕТВЁРТАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И РУССКАЯ КУЛЬТУРА»

20–21 ноября 2013 г. в Саратовском государственном университете прошла Четвёртая всероссийская научная конференция «А. И. Солженицын и русская культура», приуроченная к 95-летию великого русского писателя.

Пленарное заседание началось с выступления заведующей кафедрой новейшей русской литературы Института филологии и журналистики СГУ, профессора **И. Ю. Иванюшиной**, которая рассказала об истории изучения творчества А. И. Солженицына в Саратовском университете.

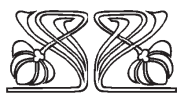
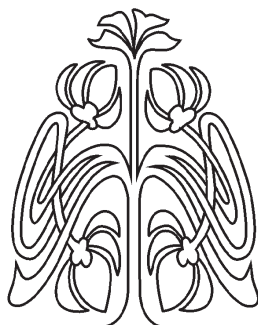
Ведущий научный сотрудник Отдела изучения наследия А. И. Солженицына Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, доцент кафедры истории и теории литературы филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва) **И. Е. Мелентьева** рассказала участникам и гостям конференции о работе Отдела.

В рамках пленарного заседания прозвучало два доклада: зав. кафедрой общего литературоведения и журналистики, профессора, научного руководителя Института филологии и журналистики СГУ **В. В. Прозорова** «А. И. Солженицын в Саратовском университете: шестидесятые годы» и профессора кафедры новейшей русской литературы Института филологии и журналистики СГУ **Л. Е. Герасимовой** «Художественное слово в публицистике А. И. Солженицына».

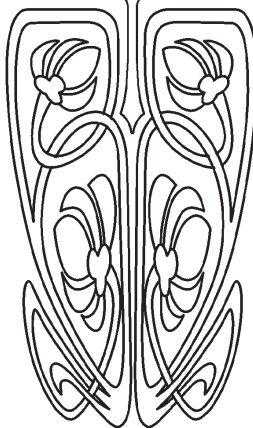
Основная работа конференции была организована в нескольких направлениях: А. И. Солженицын и отечественная историософия; язык А. И. Солженицына; поэтика и проблематика произведений А. И. Солженицына.

В рамках секционного заседания в первый день работы конференции было заслушано семь докладов: профессора **А. А. Гапоненкова** (Саратов) «А. И. Солженицын и проблема единства русской духовной культуры»; профессора **Ю. В. Варфоломеева** (Саратов) «А. А. Угримов – критик первого и второго вариантов Нобелевской лекции А. И. Солженицына»; профессора **И. Ю. Иванюшиной** (Саратов) «А. И. Солженицын в дневниках и письмах К. И. Чуковского»; доцента **И. Е. Мелентьевой** (Москва) «“Страшные” слова у Солженицына»; доцента **Т. И. Дроновой** (Саратов) «Экфрасис как прием в романе А. И. Солженицына “В круге первом”»; доцента **Г. М. Алтынбаевой** (Саратов) «Риторические корни романа А. И. Солженицына “В круге первом”»; соискателя **А. В. Кречетовой** (Сыктывкар) «Роман “В круге первом” в аспекте дискурсивного отражения концепций российского либерального движения конца XIX – начала XX в.».

Второй день состоял из докладов профессора **А. И. Ванюкова** (Саратов) «“Март Семнадцатого” А. И. Солженицына: пословицы и поговорки в структуре третьего Узла “Красного Колеса”», доцента **Е. Г. Трубецковой** (Саратов) «“Узлы” истории в изображении М. Алданова и А. Солженицына», доцента **Р. Р. Измайлова** и профессора **С. В. Кековой** (Саратов) «“Праведное слово” Бориса Шергина», доцента **И. В. Некрасовой** (Самара) «Писатели о писателе: личность Варлама Шаламова в произведениях современных авторов», студентки **И. Ю. Кудиновой** (Саратов) «Тема смерти в “Раковом корпусе” А. И. Солженицына», учителя литературы **В. Н. Маховой** и доцен-

ПРИЛОЖЕНИЯ

та **А. В. Раевой** (Саратов) «Проблемы изучения рассказа А. И. Солженицына “Матрёнин двор” в средней школе».

Кроме прозвучавших докладов программа конференции включала и несколько стендовых, авторы которых не смогли присутствовать на заседании: доцента **Е. И. Бобко** (Саратов) «“Композиция, несущая к окончательной свободе”»: точка зрения как принцип структурной организации романа А. И. Солженицына “В круге первом”»; доцента **Р. А. Соколовой** (Рязань) «Лагерная тема А. Солженицына и М. Пришвина»; преподавателя **Г. А. Чурикова** (Воронеж) «Рассказ А. И. Солженицына “Молодняк”: от прошлого к настоящему».

Многие доклады сопровождались мультимедийными презентациями, украсившими и дополнившими/обогатившими выступления. Работа каждой секции завершалась дискуссией по

сложившейся проблематике; на заключительном пленарном заседании были подведены итоги, некоторые гости и участники поделились с присутствующими своими впечатлениями.

В заключение всем гостям и участникам был показан документальный фильм «А. Солженицын в Саратове» (1995 г., авторы Н. Абрамова и Д. Луньков), предоставленный Нижне-Волжской студией кинохроники. На черно-белых кадрах плёнки запечатлён приезд писателя в Саратов в сентябре 1995 г.

В дни работы конференции в Зональной научной библиотеке СГУ была открыта выставка «Жизнь не во лжи», посвящённая 95-летию со дня рождения А. И. Солженицына. На стендах были представлены имеющиеся в фондах библиотеки избранные произведения, переписка писателя, воспоминания и материалы о его жизни и творчестве.

Л. Е. Герасимова

БРАТИСЛАВСКИЕ ВСТРЕЧИ – 2013

Словакия была и остаётся примером глубоко содержательного и требовательного отношения к русистике в Европе. Это уверенно продемонстрировали и Братиславские встречи 2013 г. Международный форум русистов уже традиционно проводился под патронатом супруги президента Словакии г-жи Сильвии Гашпаровичовой и Посольства России в Словацкой Республике при финансовой поддержке фонда «Русский мир». Организаторами форума стали также ассоциация русистов Словакии, Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Русский центр Панъевропейской высшей школы, Посольство Российской Федерации в Словацкой Республике, Российский центр науки и культуры в Братиславе.

Второй раз мне довелось побывать на Братиславских встречах (впервые – в 2005 г.), приобретающих в современном русскоговорящем культурном мире всё более широкий резонанс. Хотелось бы поделиться впечатлениями заинтересованного наблюдателя и непосредственного участника.

Раз в два года в Братиславе собирают опытных школьных и вузовских учителей-русистов, методистов, филологов – языковедов и литературоведов, культурологов, журналистов, поэтов Словакии, других, прежде всего соседних, стран – России, Чехии, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Австрии, Беларуси... Русский язык – в центре Европы!

В гостеприимную столицу Словакии приезжают и из Турции, и из Китайской Народной Республики, и из Казахстана, и из многих других стран. Никому сюда дорога не заказана. Была бы только искренняя охота поделиться опытом преподавания русского языка в современном, стремительно меняющемся мире!

Всякое успешное дело немыслимо без лидера. Признанным главой словацких русистов, душой Братиславских встреч, их вдохновенным организатором является президент Ассоциации русистов Словакии, директор Института русско-словацких культурных исследований профессор Эва Колларова, личность необыкновенно яркая, влюблённая в своё профессиональное дело и любовью к русистике щедро одаривающая других. Эва Колларова – убеждённый сторонник **культурологического подхода к изучению русского языка как иностранного (РКИ)**. Смысл Братиславских встреч – в доброжелательном и интенсивном диалоге специалистов-энтузиастов. В ходе профессиональной коммуникации появляется счастливый шанс соизмерять собственные обретения с тем, что занимает коллег, что составляет предмет их интенсивных поисков и тревог.

Словакия благодаря энтузиазму своих учителей средней и высшей школы хранит и приумножает богатые традиции преподавания РКИ – в тесной связи с русской и родной культурой и литературой. Узко трактуемая прагматика (нехитрый набор набивших оскомину типовых ситуаций общения: на улице, в транспорте, в магазине, в ресторане и т. п.) убеждённо потеснена здесь иными, куда более перспективными коммуникативными подходами. Осуществляется на практике познание иностранного языка через тактичное погружение в плотные слои страноведения, культуры, искусства, художественной реальности носителей языка.

Вот и в сентябре 2013 г. съехались ученые и педагоги из 13 стран мира. В конференц-залах отеля «Татра» в центре Братиславы прошли оживлённые дискуссии о том, как продуктивнее и интенсивнее преподавать русский язык и русскую культуру в сегодняшнем мире, склонном к

предельно жёсткому, а подчас и нелепому утилитаризму. Общая тема форума – «Русская культура в контексте общеевропейских компетенций владения иностранным языком: на пути от homo loquens к homo spiritualis».

Участникам форума была предложена большая и разнообразная культурная программа. Причём культурная программа, без которой обычно не обходится ни один уважающий себя форум, в данном случае являлась не просто приятным приложением к общей работе. Она, по сути, стала продолжением работы, составной частью профессиональной коммуникации, поскольку была связана с культурологической концепцией, которую вдохновенно исповедуют организаторы встреч.

Три дня, насыщенных яркими впечатлениями... Это и поездка на прогулочном корабле по Дунаю в Вену на встречу с венскими русистами-искусствоведами. Это и удивительно мудрое, завораживающее искусство народной артистки России Антонины Кузнецовой, которая проникновенно читала Марину Цветаеву и Владимира Набокова. Это и презентация только что созданных в Братиславе работ московского фотохудожника и литератора Левона Осепяна. И выставка современных учебников и учебных книг по РКИ, которые выпускаются в Словакии. И тёплая атмосфера вечера, посвящённого памяти С. В. Михалкова... Надо было слышать и видеть, с какой трогательной выразительностью специально подготовленные словацкие подростки-победители Международного конкурса ARS POETICA читали стихи русских поэтов, как пластически гибко и умело подавали они поэтическое слово на иностранном для них языке!

Братиславские встречи навеяли мысли, которые в последнее время сильно занимают меня и которыми я хочу поделиться с читателями журнала (См.: Прозоров В. В. Риски спора и речевой жанр совместного поиска согласия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 39–45).

Дело в том, что в Братиславе удалось опробовать далеко, конечно, не новую, но на редкость совпадающую с самой целью и творческой атмосферой такого рода встреч, весьма перспективную форму удобных друг за другом круглых столов, у каждого из которых были свои, заранее известные и компетентные энтузиасты-модераторы.

Круглых столов было четыре. Каждый из них объединял специалистов по конкретным интересам преподавания русского языка в средней и высшей школе. Замечательно, что вместе, общая работали и учителя-практики, и методисты, и мастера искусств, и ученые в разных областях филологии.

Работа участников круглого стола № 1 была сосредоточена на методике начального изучения РКИ и на вопросах, связанных с ролью учителя в **начальной** школе. Круглый стол № 2 объединил

тех, кто готов был представить свои соображения по поводу культурно-образовательного потенциала урока иностранного языка в **средней** школе. За третьим столом собрались специалисты, готовые обсуждать проблемы иноязычного преподавания в **высшей** школе.

Большой интерес вызвала и работа отдельного круглого стола, объединившего словацких и иностранных писателей, поэтов, переводчиков, литературоведов, журналистов, редакторов, книгоиздателей. Здесь особенно впечатляющим было представление книжных новинок, связанных с общей темой межнационального диалога.

Важно отметить, что преимущественное, хотя и ограниченное регламентом право высказывания имели в первую очередь те, кто осознанно выбрал и занял своё место за соответствующим круглым столом. Но при этом каждому из столов сопоставлялась и большая аудитория сочувственно настроенных, внимательных слушателей, которые тоже получали слово и включались в обсуждение самых животрепещущих методических, социально-педагогических, филологических, и других вопросов. Круглые столы по интересам были своего рода магнитами, притягивавшими и тех, кто кровно заинтересован в обсуждаемых вопросах, и тех, кто по доброй воле выбирал для себя роль благодарных слушателей.

Не всем, разумеется, удавалось в ходе выступлений преодолевать привычный уже, нарабатанный годами монологизм, но почти все стремились к тому, чтобы и услышать других, и быть услышанными по принципиальным, конкретным вопросам русистики и методики преподавания РКИ в центре Европы.

Чаще ведь на привычных ученых собраниях господствуют монологи – доклады, рефераты, сообщения, развёрнутые реплики. Без них, разумеется, невозможно предъявление своей точки зрения, своей позиции в обсуждаемом вопросе. Всякая научная конференция не может обойтись без монологических способов высказывания, без диалогов, которые на самом деле являются подобием сменяющих друг друга монологов.

Верхом удачи научных диалогов считаются **споры**, касающиеся актуальной тематики. В Братиславе спорили не часто (хотя споры случались; особенно за круглым столом, посвящённым преподаванию русского языка в высшей школе), и это тоже одно из существенных достоинств словацких встреч. Но что это за достоинство – отсутствие споров?

Давно уже стало общим местом считать спор надёжным способом продвижения к объединяющей людей платформе. Однако, на мой взгляд, это очевидное заблуждение! Согласимся: в любом (тем более темпераментном, напряжённом) споре позиции сторон намеренно, для пушечной ясности, упрощаются и обедняются. Причём речь идёт о спорах субъективно честных, лишённых лукавой подкладки. Но и участники честного спора не-

вольно заняты тем, чтобы чётче, рельефнее обозначить свои аргументы, выстроить их в привлекательную для другой стороны систему. Каждый говорит о своём и часто не слышит собеседника.

Конечно, всегда был, есть и будет целительный спор – в науке. Такой спор бывает и страстным. В перспективе – это обнаружение правоты в сложнейших процедурах умопостижения мира. Но часто случается, что и в науке спор не достигает своей цели, опрокидывая точку зрения собеседника и не примиряя с собственной позицией.

Испытанный речевой жанр, который можно реально противопоставить спорам, – это **взаимный поиск согласия**, объединяющая людей потребность в выработке конструктивных ответов на сложные вопросы. Совместный поиск согласия предполагает решение трудной коммуникативной задачи, первое условие которой – внутреннее расположение к собеседнику.

На одном из заседаний в Братиславе я видел, как убеждённые сторонники культурологического подхода к усвоению иностранного языка реагировали на категорические высказывания противников такого подхода. Это очень поучительная для научного диалога реакция! Не было нетерпеливого желания прервать, как им казалось, заблуждающегося и упорствующего в своих заблуждениях оппонента. Не было стремления во что бы то ни стало декларативно противопоставить его суждениям свою, давно уже выстраданную точку зрения. Доказательства собственной правоты представлялись, что называется, воочию: при предъявлении ценного опыта учителей-подвижников, успешно преподающих в Словакии русский язык в нераздельности с русской культурой, при подведении итогов конкурса совсем юных словацких школьников-чтецов и т. д. Предпочтительным итогом взаимного поиска согласия

является не столько победное обретение некой «истины в последней инстанции», сколько само по себе деятельное общение. Итог – позитивное ощущение не даром потраченного времени и предварительные результаты, стимулирующие дальнейшие поиски и обретения.

Эти и другие раздумья о жанрах спора и взаимного поиска согласия часто вспоминались мною в Братиславе. Профессор Эва Колларова по ходу встреч не раз задавалась беспокойными вопросами: всё ли сделано организаторами для того, чтобы ощутимой была польза от этого общения для каждого из её участников? Есть ли ещё какие-либо неиспользованные ресурсы? Что непременно надо учесть на будущее, что ещё предусмотреть?

Организаторами встреч всё было сделано от души и по максимуму. И это признавали все без исключения словацкие гости. Братиславские встречи и беседы вновь показали: необычайно важна сама тщательно продуманная установка на доброжелательный обмен мнениями. Ценно и то, как можно не только провозглашать известную педагогическую доктрину (в нашем случае – изучение языка как составной части богатой культуры народа), но и наглядно реализовывать её в изобретательной программе форума.

Сверх этого есть ещё один из самых полезных эмоциональных и интеллектуальных результатов таких встреч. Я имею в виду вполне реализованную внутреннюю готовность специалистов разных стран к тому, чтобы, взаимно соотнося «своё» и «чужое», искать и находить за **круглым столом** общее зерно истины, связанное с актуальными вопросами преподавания РКИ. На мой взгляд, Братиславские встречи стали образцом поиска профессионального согласия. И в этом их главный смысл.

В. В. Прозоров

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтынбаева Гульнара Монеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: gulnarama@gmail.com

Артемьева Полина Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. E-mail: polina-artem@yandex.ru

Бобко Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: bobko72@mail.ru

Ванюков Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: XXvek@info.sgu.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Саратовского государственного университета. E-mail: ybartho@mail.ru

Гапоненков Алексей Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: GaponenkovAA@info.sgu.ru

Герасимова Людмила Ефимовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: natagerasimova@yandex.ru

Дронова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: tida52@mail.ru

Жумаева Ольга Анверовна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: zhumaeva1987@mail.ru

Иванюшина Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: iiyu@mail.ru

Измайлов Руслан Равилович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова. E-mail: kekova@yandex.ru

Кекова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова. E-mail: kekova@yandex.ru

Ковалева Мария Алексеевна – студентка Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: marija-kovaleva1993@mail.ru

Колокольникова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Саратовского государственного университета. E-mail: marinaugustina@yandex.ru

Кречетова Анна Валерьевна – учитель средней школы с. Керес Корткеросского района (Республика Коми). E-mail: ANV@inbox.ru

Кудинова Иветта Юрьевна – студентка Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: ivkudinova@yandex.ru

Макарова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург. E-mail: makarovayn@mail.ru

Махова Вера Николаевна – учитель русского языка и литературы школы № 51 г. Саратова, Заслуженный учитель Российской Федерации. E-mail: veramakhova@yandex.ru

Мелентьева Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения наследия А. И. Солженицына Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, доцент кафедры истории и теории литературы филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва. E-mail: irinamelenteva@mail.ru

Некрасова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самара. E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: prozorov@sgu.ru

Раева Александра Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: alerae@yandex.ru

Соколова Регина Алгиманто – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета. E-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

Струве Никита Алексеевич – профессор университета Париж X (Франция), издатель и переводчик, директор издательства «YMCA-Press», редактор журнала «Вестник РХД». E-mail: struve.nikita@wanadoo.fr

Трубецкова Елена Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: etrubetskova@gmail.com

Чуриков Георгий Александрович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской литературы XX и XXI веков, кафедры теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета. E-mail: churikov.georgy2012@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alтынbaeva Gulnara Monerovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: gulnarama@gmail.com

Artemieva Polina Sergeevna – Graduate Student, Chair of the Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: polina-artem@yandex.ru

Bobko Elena Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: bobko72@mail.ru

Churikov Georgiy Alexandrovich – Candidate of Philology, Lecturer, Chair of the History of the Russian Literature of the XXth and XXIst centuries, Chair of the Theory of Literature and Folklore, Voronezh State University. E-mail: churikov.georgy2012@yandex.ru

Dronova Tatiana Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: tida52@mail.ru

Ivanyushina Irina Yurievna – Doctor of Philology, Head of the Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: iiyu@mail.ru

Izmailov Ruslan Ravilovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Humanities, Saratov State Conservatoire named after L. V. Sobinov. E-mail: kekova@yandex.ru

Gaponenkov Aleksei Alekseevich – Doctor of Philology, Professor, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: GaponenkovAA@info.sgu.ru

Gerasimova Lyudmila Yefimovna – Candidate of Philology, Professor, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: natagerasimova@yandex.ru

Kekova Svetlana Vasilyevna – Doctor of Philology, Professor, Chair of Humanities, Saratov State Conservatoire named after L. V. Sobinov. E-mail: kekova@yandex.ru

Kolokolnikova Marina Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Chair of the English Language and Literature, Saratov State University. E-mail: marinaugustina@yandex.ru

Kovaleva Maria Alekseevna – Student, Institute of Philology and Journalism of the Saratov State University. E-mail: marijakovaleva1993@mail.ru

Krechetova Anna Valerievna – Teacher, Secondary School of Keres, Kortkeros region, Komi Republic. E-mail: ANV_inbox.ru

Kudinova Ivetta Yurievna – Student, Institute of Philology and Journalism of the Saratov State University. E-mail: ivkudinova@yandex.ru

Makarova Elena Nikolayevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg. E-mail: makarovayn@mail.ru

Makhova Vera Nikolayevna – Teacher of the Russian language and literature, school № 51, Saratov, Honored Teacher of Russian Federation. E-mail: veramakhova@yandex.ru

Melentyeva Irina Evgenyevna – Candidate of Philology, leading researcher of the department studying A. I. Solzhenitsyn's legacy of the House of the Russian expatriate community named after Alexander Solzhenitsyn, Associate Professor Chair of the History and Theory of Literature, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow. E-mail: irinamelenteva@mail.ru

Nekrasova Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature, Volga State Social and Humanitarian Academy, Samara. E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru

Prozorov Valery Vladimirovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: prozorov@sgu.ru

Raeva Alexandra Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: alerae@yandex.ru

Sokolova Regina Algimanto – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Literature, Ryazan State University. E-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

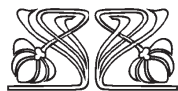
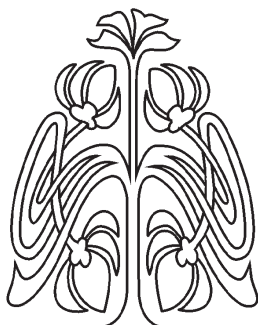
Struve Nikita Alekseevich – Professor, University of Paris, France, editor and interpreter, head of «YMCA-Press» publishing house, editor of Vestnik RKhD (New of Russian Christian Movement) journal. E-mail: struve.nikita@wanadoo.fr

Trubetskova Elena Gennadievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: etrubetskova@gmail.com

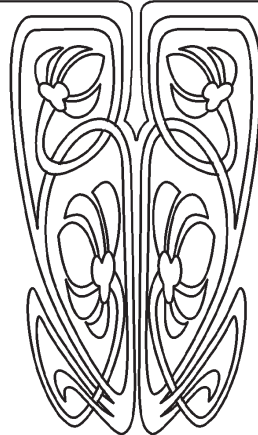
Vanyukov Alexandr Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: XXvek@info.sgu.ru

Varfolomeev Yuri Vladimirovich – Doctor of History, Professor, Chair of the History of Russia, Saratov State University. E-mail: ybartho@mail.ru

Zhumaeva Olga Anverovna – Graduate Student, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: zhumaeva1987@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29.

E-mail: XXvek@info.sgu.ru